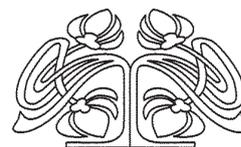

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2018 Том 18

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

Издается с 2007 года

Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Экономика

Порезанова Е. В. Асинергизм в сфере социальных отношений в России 248

Красильников О. Ю. Преимущества и недостатки развития криптовалют 253

Мраморнова О. В., Иванова Н. А., Абуова Ж. У. Возникновение и развитие прекариата в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительный анализ 259

Фенин К. В. Эволюция классических и неоклассических теорий территориального разделения труда и международной торговли 267

Сенокосова О. В. Моделирование динамики доли трудоспособного населения в Саратовской области 275

Розенталь Ю. Ю. К вопросу о взаимосвязи монетарных факторов инвестиционного спроса и эффективности экономики 281

Управление

Солодка Т. И., Тали М. М. Т., Индустрив М. А. Межстрановой анализ влияния банковского кредита на экономический рост 291

Цыпин А. П. Статистический анализ дифференциации постсоветских стран в ходе трансформации экономики 298

Чистопольская Е. В., Щербань Е. Г. Формирование методики рейтинговой оценки комплексного социально-экономического развития муниципальных образований региона 305

Иноземцев Е. С., Кочетыгова О. В. Пространственный анализ рождаемости и продолжительности жизни в России 314

Черевичко Т. В., Темякова Т. В. Кластерный подход в развитии сферы услуг: региональный аспект 322

Право

Куликова С. А. Конституционный запрет цензуры в решениях Конституционного Суда РФ 330

Подмарев А. А. Международные стандарты ограничения прав и свобод человека и гражданина и их значение для правотворческой и правоприменительной деятельности в Российской Федерации 338

Тюменева Н. В. Критерии научности юридического знания и практика их применения 343

Торсян Р. А. Равенство полов в сфере семейных правоотношений 349

Карев Д. А. Критерии классификации правовых принципов: предметный, нормативный и функциональный подходы 357

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 08.00.00 – экономические науки; 12.00.00 – юридические науки)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56133 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36012, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 20.08.18.
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 13,72 (14,75).
Тираж 500 экз. Заказ 112-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2018

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском и английском языках общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований экономической и юридической науки в области экономической теории, экономики, организации, управления, государства и права.

Для рассмотрения статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы: 1) текст статьи в электронном виде, включая УДК, сведения об авторах на русском и английском языках, ORCID автора, название, ключевые слова и структурированную аннотацию на русском и английском языках, список литературы, references в одном документе; 2) справку о результатах самопроверки статьи на наличие неправомерных заимствований; 3) договор на издание и предоставление права использования произведения. Статья направляется на рецензирование только после получения подписанного автором договора (лично в деканате экономического факультета или почтовым отправлением). Более подробная информация о правилах оформления статей и образцы оформления различных источников приведены вместе со стилевым файлом по адресу: <http://eup.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченной научной работой, содержащей важные научные результаты самостоятельных исследований теоретического или эмпирического уровня. Статья должна быть структурирована с использованием подзаголовков: например, Введение, Теоретический анализ, Эмпирический анализ, Результаты, Список литературы, оформлена в соответствии с требованиями и тщательно отредактирована.

Статьи подвергаются анонимному рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель. Статья, задержанная на больший срок или требующая повторной доработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую, корректорскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Статьи публикуются в порядке очередности.

Статьи и документы следует присылать в редколлегию Серии по электронной почте: sgu-eup@gambler.ru, документы – простыми (не заказными) письмами по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, экономический факультет, деканат. Справки по тел.: деканат экономического факультета: (8452) 22-51-38. Сайт журнала: <http://eup.sgu.ru>

CONTENTS

Scientific Part

Economics

- Porezanova E. V.** Asynergism in the Sphere of Social Relations in Russia 248
- Krasilnikov O. Yu.** Advantages and Disadvantages of Cryptocurrencies Development 253
- Mramornova O. V., Ivanova N. A., Abuova Zh. U.** The Genesis and Development of the Precariat in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: Comparative Analysis 259
- Fenin C. V.** The Evolution of Classical and Neoclassical Theories of Territorial Labor Division and International Trade 267
- Senokosova O. V.** Modeling the Dynamics of the Share of the Working-age Population in the Saratov Region 275
- Rosental Yu. Yu.** To the Question of the Interrelation of the Monetary Factors of Investment Demand and Efficiency of the Economy 281

Management

- Solodkaya T. I., Tali T. M. M., Industriev M. A.** Cross-Country Analysis Influence of Banking Credit on Economic Growth 291
- Tsy-pin A. P.** The Statistical Analysis of Differentiation of the Post-Soviet Countries During Transformation of Economy 298
- Chistopolskaya E. V., Sherban E. G.** The Rating Method of Complex Socio-Economic Development of Municipalities in Russian Regions 305
- Inozemcev E. S., Kochetygova O. V.** Spatial Panel Analysis of Fertility and Life Expectancy in Russia 314
- Cherevichko T. V., Temyakova T. V.** Cluster Approach in the Development of the Service Sector: The Regional Dimension 322

Law

- Kulikova S. A.** Constitutional Prohibition of Censorship in Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 330
- Podmarev A. A.** The International Standards of Restriction of the Rights and Freedoms of the Person and Citizen and Their Value for Law-making and Law-enforcement Activity in the Russian Federation 338
- Tumeneva N. V.** Criteria of Scientific Character of Legal Knowledge and Practice of Their Application 343
- Torosyan R. A.** Equality of Floors in the Sphere of Family Relationships 349
- Karev D. A.** Criteria for the Classification of Legal Principles: Substantive, Normative and Functional Approaches 357

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ. ПРАВО»**

Главный редактор

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Солодкая Татьяна Ивановна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Александр Анна, PhD, профессор (Вайоминг, США)
Анисимов Алексей Павлович, доктор юрид. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Балаш Владимир Алексеевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Бенойт Уильям, PhD, профессор (Огайо, США)
Ермасова Наталия Борисовна, PhD, доктор экон. наук, профессор (Иллинойс, США)
Землянухин Александр Исаевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)
Козин Михаил Николаевич, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)
Красильников Олег Юрьевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Лхагвадори Ариунаа, PhD, профессор (Уланбатор, Монголия)
Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор экон. наук, профессор (Пермь, Россия)
Муравьев Николай Васильевич, PhD, MBA, кандидат экон. наук (Данди, Великобритания)
Носов Владимир Владимирович, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)
Орехова Елена Анатольевна, доктор экон. наук, профессор (Волжский, Россия)
Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Сидоров Сергей Петрович, доктор физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)
Синюкова Татьяна Витальевна, кандидат юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стойлова Десислава, PhD, профессор (Благоевград, Болгария)
Трубицына Тамара Ивановна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фирсова Анна Александровна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)
Хрусталев Виталий Николаевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Черемисинов Георгий Александрович, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)
Шугрина Екатерина Сергеевна, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)
Эретин Сефика Шуле, PhD, профессор (Анкара, Турция)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW»**

Editor-in-Chief – Olga S. Balash (Saratov, Russia)

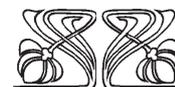
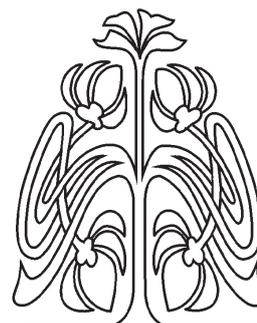
Deputy Editor-in-Chief – Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Tatyana I. Solodkaya (Saratov, Russia)

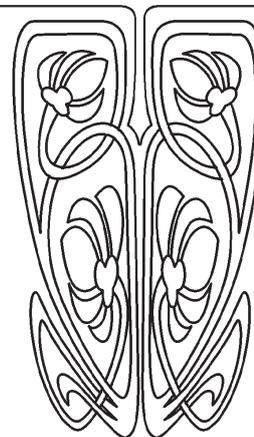
Members of the Editorial Board:

Anne Alexander (Wyoming, USA)
Alexey P. Anisimov (Volgograd, Russia)
Vladimir A. Balash (Saratov, Russia)
William Benoit (Ohio, USA)
Natalia B. Ermasova (Illinois, USA)
Alexander I. Zemlyanukhin (Saratov, Russia)
Mikhail N. Kozin (Moscow, Russia)
Oleg U. Krasilnikov (Saratov, Russia)
Ariunaa Lkhagvadorj (Ulaanbaatar, Mongolia)
Zhanna A. Mingaleva (Perm, Russia)
Nikolai V. Mouraviev (Dundee, United Kingdom)
Vladimir V. Nosov (Moscow, Russia)

Elena A. Orekhova (Volgskii, Russia)
Nazir T. Razgeldeev (Saratov, Russia)
Sergey P. Sidorov (Saratov, Russia)
Tatyana V. Sinyukova (Saratov, Russia)
Desislava Stoilova (Blagoevgrad, Bulgaria)
Tamara I. Trubitsina (Saratov, Russia)
Anna A. Firsova (Saratov, Russia)
Vitali N. Khrustaliov (Saratov, Russia)
Olga I. Tsibulevskaya (Saratov, Russia)
Georgy A. Cheremisinov (Saratov, Russia)
Ekaterina S. Shugrina (Moscow, Russia)
Şefika Ş. Erçetin (Ankara, Turkey)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЭКОНОМИКА

УДК 334.4

АСИНЕРГИЗМ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Е. В. Порезанова

Порезанова Елена Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, porezanova.elena@yandex.ru

Введение. В современных условиях большое значение приобретает несинергетический характер социальных отношений в России. Необходимо проанализировать его причины и последствия. Этим определяется актуальность исследования. **Теоретический анализ.** Асинергизм предполагает асинхронность во взаимодействии участников социальных процессов. Его причинами выступают: непродуманная экономическая политика в области снижения социального неравенства, социальная нестабильность, ослабление роли государства в экономике, поляризация интересов участников социальных процессов. Эти причины приводят к формированию социальных противоречий в экономике страны. Основные противоречия в социальных отношениях: между необходимостью роста зарплаты и резким снижением реальной зарплаты в посткризисный период; между общественными интересами и собственными интересами; между необходимостью усиления роли государства в сфере социальных отношений и ослаблением его роли в современных условиях. **Обсуждение результатов.** Механизмом разрешения социальных противоречий может быть усиление зоны ответственности государства в условиях дестабилизации социальных процессов, выработка перспективной политики по снижению социального неравенства.

Ключевые слова: асинергизм, квазисинергизм, синергетический эффект, дестабилизация социальных отношений, социальные противоречия.

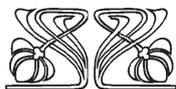
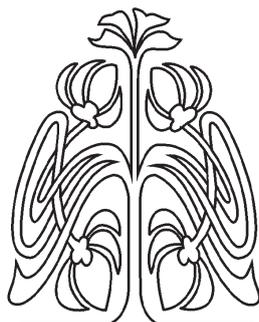
DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-248-252

Введение

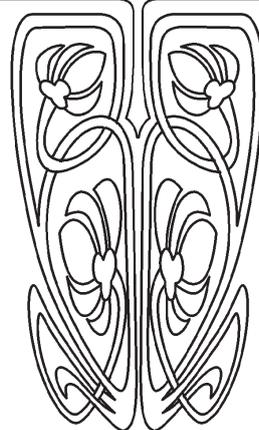
В современной экономике России актуальным представляется анализ причин и последствий дестабилизации социальных процессов, рассмотрение социальных противоречий и поиск механизмов их разрешения. Эти механизмы достаточно сложны, однако не вызывает сомнения тот факт, что Россия нуждается в оптимизации социальных отношений, во взвешенной политике по снижению социального неравенства. Можно предположить, что в современной России существует асинергизм в сфере социальных отношений. При этом следует учитывать такие факторы, как наличие и влияние неопределенности на социальные процессы, социальные риски и альтернативные возможности оптимизации социальных отношений.

Асинергизм в социальных отношениях и социальные противоречия нуждаются в более глубоком исследовании ввиду сложности социального положения в России и низкого уровня жизни населения. Асинергетические эффекты приводят к деформации социальных отношений и экономической системы в целом, а также к обострению социальных противоречий.

Асинхронность во взаимодействии участников социальных процессов предполагает повышение роли государства в сфере со-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

циальных отношений и целенаправленное снижение уровня социальных рисков. Механизмы снижения асинергизма в социальных отношениях также требуют дополнительного осмысления, что определяет актуальность исследования данной проблемы.

Теоретический анализ

В сегодняшней нестабильной, изменяющейся экономике важное место занимают социальные отношения. Эти отношения носят динамический, нелинейный характер. В условиях деформированных рыночных отношений, посткризисных взаимодействий агентов экономики возникает неравенство в распределении доходов, дисбаланс в доступе к ограниченным ресурсам, собственности и власти.

Социальные отношения многогранны, многоаспектны. Под ними следует понимать отношения, которые возникают между разными субъектами хозяйствования, различными группами, а также между населением страны и государством по поводу образования и распределения социальных фондов и доходов, получаемых этими субъектами.

Социальные отношения могут быть сбалансированными и несбалансированными. В условиях посткризисного состояния экономики России они носят деструктивный характер. Это выражается в увеличении социальной напряженности в обществе, высоком уровне неравенства, социальной деградации и, как следствие, экономической отсталости страны.

Такое положение можно проиллюстрировать следующими фактическими данными. Если в 2000 г. реальные денежные доходы населения составляли 113,4% к предыдущему году, то в 2010 г. они были на уровне 105,4% к предыдущему году, а в 2015 г. они составляли всего 95,9% к 2014 г. Из этих данных видно снижение реальных доходов населения России на 17,5% в 2015 г. по сравнению с 2000 г. А в 2016 г. реальные денежные доходы населения по сравнению с предыдущим годом упали еще на 1,5% и составили 94,4%. Это данные официальной статистики. Думается, что падение реальных доходов населения России в несколько раз больше. При этом социальная напряженность возникает на фоне высокого уровня социального неравенства.

Социальное неравенство приводит к аномальной бедности населения. Так, по официальным данным, уровень бедности в России в 2016 г. составлял 16% от общего числа жителей страны. Однако, по данным исследования, проводимого Высшей школой экономики, этот уровень в 2016 г. составлял 41,4% [1].

Беспрецедентное неравенство в распределении доходов и отсутствие должных мер по его снижению привели к тому, что в 2014 г. децильный коэффициент в России достиг рекордного уровня – более 17,0 против 13,9 раза в 2000 г. и 8,0 раза в 1992 г. В конечном итоге это приводит к возникновению новых элитных групп со своими эгоистическими интересами и специфическими методами лоббирования этих интересов, что опять-таки далеко от оптимизации интересов членов общества [2, с. 47].

По нашему мнению, одной из причин социального неравенства выступает ненасытная жажда обогащения бизнеса за счет доступа к рентным и монопольным доходам, а также коррупция, которая приобрела системный характер. Это породило социальную безответственность, социальную деградацию общества. Для уменьшения социального неравенства, прежде всего, необходимо отказаться от плоской шкалы налогообложения и перейти к прогрессивной шкале; возможно, даже освободить низкооплачиваемых работников от уплаты налога на доходы физического лица, а малоимущих, иждивенцев, многодетных, пенсионеров и инвалидов освободить от уплаты всех налогов.

Вместе с тем коррупционная составляющая в экономике России с каждым годом возрастает. Подтверждением этому являются громкие коррупционные дела 2013–2015 гг., а также слова главы государства, который отметил, что коррупционный оборот составляет 7–10% ВВП. Думается, что этот оборот реально составляет более 30–40% ВВП [3, с. 92].

Можно привести следующие факты: если в 2012 г. Россия занимала 133-е место по уровню коррупции из 174 стран, то в 2014 г. – 136-е место из 184 стран, а в 2017 г. – 135-е место из 180 стран [2]. Исходя из современного положения дел в области социальных отношений, можно сформулировать противоречие между общественными интересами и частными интересами. Сегодня собственные интересы стоят выше общественных (рис. 1).

Как следует из данных, приведенных на рис. 1, оптимизации интересов в современных условиях не наблюдается. В подавляющем большинстве мы видим игнорирование общественных интересов, экономический эгоизм и асоциальные взаимодействия субъектов экономики.

Возникает асинхронность во взаимодействии участников социальных процессов, что приводит к появлению асинергизма в социальных отношениях. Асинергизм – явление, противоположное синергизму. Синергия в экономике рассматривается как возрастание эффективности

Направленность на общественные интересы	высокая	Высокое самосознание, ущемление собственных интересов		Оптимизация интересов
	средняя		Компромисс интересов	
	низкая	Игнорирование интересов	Нежелание прийти к консенсусу	Отстаивание собственных интересов
		низкая	средняя	высокая
Направленность на собственные интересы				

Рис. 1. Модель взаимодействия общественных и собственных интересов в социальных процессах

Fig. 1. Model of interaction between public and private interests in social processes

деятельности в результате сочетания, интеграции отдельных частей в единую систему за счет системного эффекта, т. е. возникновения новых качеств полученной системы. Преимущество синергии возникает, если виды деятельности дополняют друг друга таким образом, что совокупный эффект превышает простую сумму составных частей.

Синергию можно определить как своего рода кооперацию, взаимосвязанные и координированные действия, которые способны проявляться в форме стратегического партнерства, взаимовыгодного сотрудничества, слияния и кооперативного взаимодействия.

Применительно к синергии в социальных отношениях это означает, что оптимальное взаимодействие участников социальных процессов

приводит к совокупному эффекту в виде новых форм социальных отношений, нахождению консенсуса в социальных процессах.

Причинами же асинергии выступают: непродуманная экономическая политика в области снижения социального неравенства; социальная нестабильность; ослабление роли государства в экономике; поляризация интересов участников социальных процессов. Эти причины приводят к формированию социальных противоречий в экономике страны, которые, в свою очередь, на определенных этапах развития социальной системы способствуют возникновению временного синергизма, аддитивного синергизма, квазисинергизма, антисинергизма (асинергизма) и желательного синергизма. Рассмотрим эти виды синергизма подробнее (рис. 2).

Уровень развития экономики	высокий	Оптимальный синергизм	Предоптимизационный синергизм	Квазисинергизм
	средний	Желательный синергизм	Аддитивный синергизм	Деструктивный синергизм
	низкий	Временный синергизм	Нонсинергизм	Антисинергизм
		низкий	средний	высокий
Уровень социального неравенства				

Рис. 2. Виды синергизма в экономике

Fig. 2. Types of synergies in the economy

Как следует из данных, приведенных на рис. 2, временный синергизм имеет место при низком уровне социального неравенства и низком уровне развития экономики. В этих условиях не достигается оптимального синергетического эффекта между разными группами, слоями общества в социальном плане. Вместе с тем временный синергизм может превратиться в аддитивный синергизм. Он представляет собой некую стабилизацию социальных отношений, когда эффект совместного действия разных групп и субъектов экономики ниже, чем действия каж-

дого из них в отдельности. Аддитивный эффект возникает при среднем уровне социального неравенства и среднем уровне развития экономики.

При высоком уровне социального неравенства и высоком уровне развития экономики возникают деструктивные синергетические эффекты, которые приводят к квазисинергизму. Он имеет место и тогда, когда экономика находится на среднем уровне развития, а уровень социального неравенства огромен. Квазисинергизм – это ложный синергизм социальных отношений, т. е. псевдосинергизм, имеющий негативные

последствия для экономики. При низком уровне развития экономики и среднем уровне социального неравенства возможен нонсинергизм, суть которого состоит в том, что отдельная личность или группа не хочет содействовать успеху совместного труда. При этом нет синхронности во взаимодействии с другими группами и агентами социальных отношений.

Самый опасный вид синергизма – это анти-синергизм, или асинергизм, т. е. противоположность синергии. Это происходит при высоком уровне социального неравенства и низком уровне развития экономики (пример экономики России). В данном случае имеют место разрушительные синергетические эффекты, приводящие к социальному коллапсу и потере социальной и экономической безопасности страны. Сотрудничество групп и каждого в отдельности отсутствует, каждая группа и человек противопоставляет себя большинству, а социальные отношения деформируются и разрушаются.

Исходя из перекосов в экономическом развитии страны, можно предположить, что существует закон асимметричности развития экономики. А исследуя деформацию социальных отношений в России, можно сформулировать закон асинергизма социальных отношений, имеющий разные векторы реализации, что отражено в рис. 2, и различные последствия функционирования данного закона. Такими последствиями могут быть: замедление экономического развития, снижение уровня жизни, повышение уровня социального неравенства,

нарушение прав человека, угроза экономической и социальной безопасности государства.

Идеальные условия и оптимизация синергетических эффектов достигается при низком уровне социального неравенства и высоком уровне развития экономики. Появляется желательный синергизм, который может превратиться в оптимальный синергизм. Оптимальный синергизм – высокая эффективность социальной деятельности групп, отдельных лиц и субъектов экономики в результате появления новых качественных социальных отношений, оптимизации экономических интересов разных групп, лиц и субъектов экономики. В конечном счете это ведет к количественному и качественному росту экономики страны.

Обсуждение результатов

На современном этапе развития экономики России имеет место квазисинергизм и асинергизм в социальных отношениях. Возникают социальные противоречия. Основные противоречия в социальных отношениях: между необходимостью роста зарплаты и резким снижением реальной зарплаты в посткризисный период; между общественными интересами и собственными интересами групп и индивидуумов; между снижением мотивации к труду и самореализацией себя как творческой личности; между необходимостью усиления роли государства в сфере социальных отношений и ослаблением его роли в современных условиях. Эти противоречия можно представить в виде таблицы.

Социальные противоречия и механизмы их разрешения
Social contradictions and the mechanisms for their resolution

Противоречия	Механизмы разрешения
Между общественными интересами и собственными интересами	Активизация экономической функции государства; создание социальной инфраструктуры; формирование партнерских отношений между государством и бизнесом
Между необходимостью повышения качества образования и снижением расходов на образование	Увеличение расходов на образование; контроль над расходами на образование; повышение зарплаты преподавателям
Между необходимостью роста зарплаты и резким снижением реальной зарплаты в посткризисный период	Повышение зарплаты преподавателям; осознание важности качества образования; разработка социальной политики государства; уменьшение инфляционного давления
Между необходимостью роста профессионализма и дестимулированием работников	Повышение мотивации к труду; разработка новых форм стимулирования работников; бесплатные курсы повышения квалификации
Между снижением мотивации к труду и самореализацией себя как творческой личности	Создание условий для повышения мотивации к труду; развитие интереса к профессии; развитие гибких систем стимулирования работников

Перечисленные социальные противоречия и механизмы их разрешения не претендуют на полноту. Это первый шаг к их анализу. При этом следует найти механизмы разрешения противоречия между необходимостью усиления роли государства в снижении социального неравенства и ослаблением его роли в современных условиях. В сложной экономической ситуации нельзя минимизировать роль государства путем выделения средств на образование, так как эти действия повлекут и повлекли уже за собой деградацию человеческого капитала и потерю социальной безопасности экономики России [3, с. 96].

В современных условиях формируется закономерность, связанная с низким мультипликативным эффектом этих преобразований и нарастанием противоречий: между накопленными социальными инвестициями и нерациональным их использованием; между необходимостью повышения качества образования и бюрократизацией этого процесса; между криминализацией социально-трудовых отношений и нежеланием государства цивилизованными способами решать эти проблемы. Механизмом разрешения социальных противоречий может быть усиление зоны ответственности государства в условиях дестабилизации социальных процессов, выработка перспективной политики по снижению социального неравенства.

Таким образом, названные механизмы разрешения социальных противоречий, связанных с деградацией человеческих ресурсов и высоким уровнем социального неравенства, будут способствовать повышению качества человеческого капитала, стабилизации на рынке труда, оптимальной мобильности рабочей силы, увеличению производительности труда и мотивации работников в улучшении производственных результатов. Это, в свою очередь, приведет к снижению асинергии в социальных отношениях, возникновению синергетического эффекта в социальных процессах, возрастанию научного, социального и экономического потенциала, его эффективному использованию и уменьшению уровня социального неравенства в экономике России.

Список литературы

1. Патология неравенства. URL: <http://expert.ru/2016/12/6> (дата обращения: 06.03.2018).
2. Россия в индексе восприятия коррупции – 2017. URL: <http://transparency.org.ru> (дата обращения: 05.04.2018).
3. Плотицына Л. А. Риски модернизации в современных условиях // Современные корпоративные стратегии и технологии в России : сб. науч. тр. Вып. 7, ч. 3. М., 2012. С. 92–98.

Образец для цитирования:

Порезанова Е. В. Асинергизм в сфере социальных отношений в России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 248–252. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-248-252

Asynergism in the Sphere of Social Relations in Russia

E. V. Porezanova

Elena V. Porezanova, ORCID 0000-0001-5010-1270, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, porezanova.elena@yandex.ru

Introduction. In modern conditions, the non-synergetic nature of social relations in Russia is of great importance. It is necessary to analyze the causes and consequences of synergism in the sphere of social relations in Russia. This determines the relevance of the study. **Theoretical analysis.** Synergism implies asynchrony in the interaction of social actors. Its causes are: ill-conceived economic policy in the field of reducing social inequality, social instability, weakening of the role of the state in the economy, polarization of interests of participants in social processes. These reasons lead to the formation of social contradictions in the economy. The main contradictions in social relations are: the contradiction between the need for wage growth and a sharp decline in real wages in the post-crisis period, between the public interest and their own interests, between the need to strengthen the role of the state in social relations and the weakening

of the role of the state in modern conditions. **Discussion of results.** At the same time, the mechanism for resolving social contradictions can be strengthening the zone of responsibility of the state in the conditions of destabilization of social processes, the development of a promising policy to reduce social inequality.

Key words: nonsynergism, quasienergies, a synergistic effect, destabilization of social relations, social contradictions.

References

1. *Patologiya neravenstva* (Pathology of inequality). Available at: <http://expert.ru/2016/12/6> (accessed 6 March 2018) (in Russian).
2. *Rossiya v indekse vospriyatiya korruptsii – 2017* (Russia in corruption perception index-2017). Available at: <http://transparency.org.ru> (accessed 5 April 2018) (in Russian).
3. Plotitsyna L. A. Modernization risks in modern conditions. In: *Sovremennye korporativnye strategii i tekhnologii v Rossii* (Modern corporate strategies and technologies in Russia. Collected scientific articles). Moscow, 2012, iss. 7, pt. 3. pp. 92–98 (in Russian).

Cite this article as:

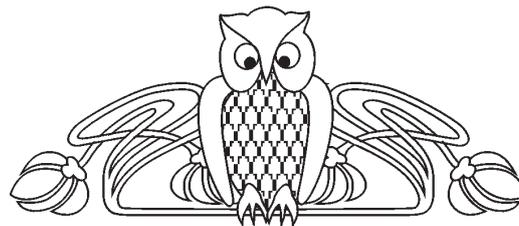
Porezanova E. V. Asynergism in the Sphere of Social Relations in Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 248–252 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-248-252

УДК 336.741.21,332.025

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ РАЗВИТИЯ КРИПТОВАЛЮТ

О. Ю. Красильников

Красильников Олег Юрьевич, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ok-russia@yandex.ru

Введение. В условиях информационной экономики наряду с государственными возникают и развиваются внегосударственные денежные системы. Некоторые из них функционируют на основе так называемых криптовалют. В статье исследованы плюсы и минусы развития современных криптовалют, обращающихся в глобальной сети Интернет. **Теоретический анализ.** Проанализированы преимущества криптовалют, среди которых основным является высокий инвестиционный потенциал. Он позволяет в рамках ICO по аналогии с краудфандингом привлекать финансовые ресурсы для реализации значимых проектов в реальном секторе экономики. Среди недостатков криптовалют автор выделяет следующие: отрыв от реального производства, высокие финансовые и энергозатраты, неравенство участников, неподконтрольность государственным органам, проблема безопасности. Особое внимание уделяется одной из первых криптовалют – биткоину. Отмечена сильная волатильность его биржевого курса. **Результаты.** Делается вывод о высоких рисках создания и развития криптовалют на современном этапе. В то же время подчеркивается высокий монетарный, финансовый и инвестиционный потенциал внегосударственных денежных систем, функционирующих на основе криптовалют.

Ключевые слова: внегосударственные денежные системы, интернет-деньги, криптовалюта, биткоин, ICO, блокчейн, майнинг.

DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-253-258

Введение

В традиционной экономике минимальный уровень транзакционных издержек достигается в рамках государственной денежной системы. Это происходит во многом за счет эффекта масштаба и существования единого эмиссионного центра. В новой информационной экономике особенно с развитием глобальной сети Интернет возможна экономия транзакционных издержек функционирования децентрализованных внегосударственных денежных систем (ВДС). При этом построение государственной денежной системы в информационной экономике, наоборот, будет характеризоваться высокими издержками (выпуск наличных монет и купюр, хранение, инкассация и утилизация, содержание центрального банка, счетных машин и банкоматов, организация системы международных расчетов и финансовых центров). Можно предположить, что по мере усиления конкуренции между различными ВДС издержки их функционирования будут значительно ниже подобных затрат государства.

Основные отличия государственной и внегосударственной денежных систем представлены в табл. 1.

Таблица 1/Table 1

Основные отличия государственной и внегосударственной денежных систем в информационной экономике [1, с. 156]

The main differences between state and non-public monetary systems in the information economy [1, p. 156]

Признаки	Государственная ДС	Внегосударственная ДС
Охват	В рамках национальной экономики (иногда за ее пределами)	В рамках любых экономических систем (локальных, национальных и международных)
База функционирования	Ограниченные материальные ресурсы (золото, товарные запасы)	Неограниченные информационные ресурсы
Правовая основа	Институт государственного принуждения	Общественный договор
Структура	Централизованная	Децентрализованная
Форма денег	Наличная и безналичная	Безналичная – электронная

Необходимо отметить тот факт, что для полноценного функционирования ВДС должны выполняться основные функции, присущие деньгам: меры стоимости, средства обращения и средства накопления. Нас интересуют прежде всего ВДС, построенные на основе функцио-

нирования криптовалют, или цифровых денег. Существующие криптовалюты лишь в незначительной степени выполняют денежные функции. Это связано с тем, что большинство нынешних криптовалют является средством спекуляции. Вместе с тем привязка внегосударственных де-

нежных единиц к существующим национальным валютам также не позволяет им в полной мере выполнять функции денег, поскольку частные денежные системы оказываются подвержены тем же недугам, что и госденьги: инфляции, зависимости от государственной денежной политики, валютных курсов, игры спекулянтов и др.

Теоретический анализ

По нашему мнению, новые цифровые деньги полноценными могут стать только тогда, когда они будут котироваться на мировых валютных биржах наравне с государственными. И такие интернет-деньги уже появились. По данным аналитического сайта <https://ru.investing.com>, на конец февраля 2018 г. в мире существовало 1577 криптовалют общей капитализацией 460 млрд долл. США [2]. Показатели крупнейших криптовалют отражены в табл. 2.

Таблица 2/Table 2
Показатели крупнейших криптовалют
на 25.02.2018 [2]
The largest cryptocurrencies indicators
on 25.02.2018 [2]

Название	Цена (USD)	Капитализация (млрд USD)
Bitcoin (Биткоин)	9582	164
Ethereum (Эфириум)	830	82
Ripple (Риппл)	0,894	37
Bitcoin Cash (Биткоин Кэш)	1169	20
Litecoin (Лайткоин)	203	11

Для того чтобы люди охотно пользовались цифровыми деньгами, они должны быть более удобными, чем государственные. В информационной экономике этот вопрос во многом решен. Современные платежные системы имеют сотни тысяч и даже миллионы пользователей. Для полноценного функционирования ВДС необходимо исключить жесткую привязку частных валют к государственным, ввести систему плавающих курсов. С точки зрения институциональной теории обращение криптовалют представляет собой общественный договор, который не нуждается в регулировании государственными правилами, приписывающими особое значение тем или иным видам денег.

Эмиссия цифровых денег принимает значительные размеры, когда в экономике происходит глобальная трансформация, а государство не может проводить адекватную ей денежную политику или просто игнорирует происходящие в экономике изменения. Раз и навсегда запретить

эмиссию внегосударственных обязательств в законодательном порядке практически невозможно. При самом суровом и регламентированном законодательстве всегда найдется лазейка для их эмиссии. Со временем денежная система приспособливается к появлению тех или иных криптовалют, и в результате выживают лишь те новые разновидности частных денег, которые более эффективно выполняют денежные функции и более полно удовлетворяют потребности субъектов экономики.

Ярким примером зарождения подобных денежных систем являются интернет-деньги под названием биткоин (Bitcoin), которые не выпускаются кем бы то ни было, а «добываются» каждым участником из «недр» Глобальной сети (новые монеты генерируются самой сетью, когда компьютер находит решение определенной вычислительной задачи).

Bitcoin (от англ. *bit* – единица информации бит, *coin* – монета) – электронная валюта (или криптовалюта), функционирование которой построено на основе компьютерной технологии блокчейн. Блокчейн (от англ. *blockchain* или *block chain*) – выстроенная по определенным правилам непрерывная последовательная цепочка блоков, содержащих информацию. При этом каждый новый блок несет в себе информацию о предыдущих и может быть соответствующим образом проверен и подтвержден. Основным отличием этой валюты является ее полная децентрализация и независимость, в отличие от всех остальных как электронных, так и реальных денег. У платежной системы Биткоин нет ни эмиссионных центров, ни банков, ни контролирующих органов. Все платежи в ней полностью анонимны и никем не контролируются, а работа самой системы не может быть заблокирована либо остановлена.

Электронная валюта биткоин была запущена в 2009 г. В системе существует два метода получения криптоденег: генерация (майнинг) монет клиентом Биткоин или покупка за другую валюту. Генерация монет происходит с момента активации системы, для этого достаточно установить и запустить программу-клиент на своем компьютере. Скорость и сумма сгенерированной валюты зависят от процессорной мощности компьютера. Принцип эмиссии валюты спроектирован таким образом, что по мере возрастания денежной массы генерировать новые деньги становится все сложнее и требуются все большие компьютерные мощности. Это приводит к созданию крупных вычислительных пулов по поиску свободных для генерации монет ресурсов.

Нельзя не отметить определенный инвестиционный потенциал криптовалют. Он заключа-

ется в том, что путем проведения ICO можно привлечь значительные финансовые ресурсы для реализации реальных инвестпроектов. ICO, или Initial Coin Offering (первичное размещение токенов) – это выпуск каким-либо инвестором купонов, или токенов, предназначенных для оплаты услуг площадки в будущем – в виде криптовалюты. Кроме того, это своеобразная форма привлечения инвестиций, напоминающая краудфандинг, т.е. способ коллективного финансирования инвестиционного проекта, основанный на добровольных взносах.

Аналитическая группа «Smith + Crown» утверждает, что в 2017 г. количество ICO практически удвоилось по сравнению с 2016 г. (от 1,5 размещения в неделю до 2,75). При этом заметно растут объемы привлеченных средств: наряду с сотнями проектов, привлекающих от нескольких сотен тысяч до нескольких миллионов долларов, на рынок выходят компании, размещения которых привлекли сотни миллионов долларов [3].

Среди интересных русскоязычных ICO-проектов (кроме чисто финансовых и информационных) можно выделить следующие [4]:

– «AgriVita»: производство вкусных, натуральных продуктов, отмеченных знаком качества;

– «Fermer»: развитие крестьянско-фермерского хозяйства в селе Чубовка (Самарская область);

– «Rentberry»: платформа, которая объединяет арендаторов и арендодателей и позволяет автоматизировать все стандартные задачи, связанные с арендой жилья;

– «Darenta»: децентрализованный автономный сервис аренды автомобилей (каршеринг), который не управляется людьми;

– «Satoshibrewery»: создание крупнейшей на Северо-Западе России региональной крафтовой пивоварни;

– «BioCoin»: поддержка и развитие местных сообществ фермеров, производителей и продавцов чистой натуральной продукции;

– «Robomed»: экосистема объединяет провайдеров медицинских услуг и пациентов на основе умного контракта;

– «Agrarium»: экосистема развития сельского хозяйства с применением технологий блокчейн;

– «TELE2-Teleport»: построение канала связи через всю Россию длиной 12 700 км. Этот цифровой «Шелковый путь» должен связать Европу и Китай.

По нашему мнению, будет целесообразным осуществление ICO, связанных, прежде всего, с развитием инфраструктуры: строительством

сети платных автодорог и мостовых переходов, коммерческой эксплуатацией городского (межрегионального) авто- и электротранспорта, развитием речного пароходства и местных авиалиний, туристским бизнесом и рекреацией, строительством жилья и зернохранилищ, созданием телекоммуникационных сетей. Все это можно делать как на частной основе, так и в рамках государственно-частного партнерства.

Как правило, значительный процент выпущенных токенов находится в руках эмитентов. В случае успешного осуществления ICO образуется эмиссионный доход за счет роста курса криптовалюты. Но и миноритарные держатели крипты не остаются в накладе. Самое главное – взамен банальной спекуляции и торговли воздухом (как в случае с биткоином) происходит реализация социально значимых проектов, поддержанных миллионами криптовладельцев.

Однако из 902 ICO, которые состоялись в 2017 г., 142 потерпели неудачу на этапе финансирования, а еще 276 постигла та же судьба либо из-за того, что их основатели сбежали с деньгами, либо они постепенно сошли на нет. Это означает, что 46% ICO в течение года уже не удались. Еще 113 ICO могут быть классифицированы как «полуживые» либо потому, что их команда перестала выходить на связь в социальных сетях, либо потому, что их сообщество настолько мало, что проект не имеет шансов на успех. Это означает, что 59% ICO 2017 г. либо уже потерпели неудачу, либо движутся к провалу [5].

Данный факт свидетельствует о том, что денежные системы на основе криптовалют обладают существенными недостатками. Главным из них является то, что в основе валюты лежат не затраты физического или умственного труда, не какой-либо продукт или услуга, а информационно-компьютерная мощь, т.е. абсолютно оторванный от человека и его способностей ресурс, сам по себе генерирующий деньги. У кого мощнее компьютер – у того больше биткоинов. Здесь информационная теория стоимости приобретает свое окончательное воплощение. Средства обработки информации генерируют информацию о деньгах, которая воспринимается участниками денежного обращения в виде деформированного общественного договора. Участники ВДС, «добывающие» интернет-деньги, не вложив ни капли трудовых затрат в создание новой валюты, лицемерно называют себя «шахтерами». В этом, по нашему мнению, заключается основной источник нестабильности и возможного краха денежной системы Биткоин.

Для того, чтобы майнинг был рентабельным, доход от него должен покрывать все издержки,

связанные с добычей. Прибыль вы начинаете получать только после возврата затрат на оборудование, других накладных расходов (аренду помещений, содержание персонала – если есть) и оплату электроэнергии. С течением времени добыча усложняется, цепочка блоков становится длиннее и каждый новый биткоин связан с большими издержками. Происходит снижение рентабельности и добыча останавливается, когда затраты сравниваются с валовым доходом.

Кроме того, майнинг биткоинов связан с большими энергозатратами. Так, в декабре 2017 г. энергопотребление сети Биткоин достигло 35,77 ТВт/ч. Это больше, чем годовое энергопотребление Дании (33 ТВт/ч), Беларуси (33,8 ТВт/ч) или Болгарии (34,9 ТВт/ч) [6]. Для справки: 1 ТВт равняется одному триллиону ватт. Самое опасное то, что добыча криптовалюты перетягивает необходимые ресурсы из реального сектора экономики, что ведет к снижению валового мирового продукта, а также доходов рабочих и служащих. Одним из негативных внешних эффектов является также ухудшение экологической обстановки. Один тераватт/час – это выброс 1 миллиона тонн углекислого газа [7].

Второй недостаток – это неравенство участников ВДС. Правила эмиссии биткоинов дали больше преимуществ тем, кто занялся майнингом (добычей) при небольшой совокупной мощности сети. Так, размер информационно-компьютерной обработки данных, необходимый для генерации блока, дающего право на получение некоторого количества биткоинов, в 2013 г. был более чем в полмиллиона раз больше, чем в начале создания системы. При этом количество монет в блоке постоянно уменьшается. С увеличением суммарной вычислительной мощности майнеров генерация становится более энерго- и аппаратнозатратной. Это сопровождается запланированным уменьшением размера награды за майнинг.

В-третьих, возможность анонимности и неподконтрольность национальным органам власти вовлекают биткоин в теневой экономический оборот (торговлю оружием и наркотиками, отмывание денег, уход от налогообложения). Несмотря на все законодательные инициативы властей, контроль над оборотом криптовалют в силу особенностей технологии блок-чейн невозможен в принципе. При этом выпуск государственных криптовалют в силу их низкой конкурентоспособности не сможет заместить существование частных ВДС.

В письме от 29 января 2018 г. Минфин РФ не возражает против возможной реализации частного проекта по созданию российской криптовалюты при условии обеспечения соот-

ветствующего контроля со стороны финансовых властей. Ведомство подчеркивает, что создание национальной криптовалюты с единым эмиссионным центром невозможно из-за технических особенностей «эмиссии» криптовалют, основанных на технологии распределенных реестров. В России предлагается разрешить совершать сделки с криптовалютой только через операторов, соответствующих специальным требованиям. Руководители Минфина РФ выступают против запрета на сделки с криптовалютами в России, однако предлагают ограничить их покупку для непрофессиональных инвесторов [8].

В-четвертых, возникают проблемы безопасности. По причине отсутствия в системе Биткоин контролирующего центра невозможно обжаловать и/или отменить несанкционированные транзакции. Кроме того, нет гарантий возврата платежа, если оплата произведена, но услуга или товар не получены. Опасным является кража файлов с ключами/адресами. Злоумышленник может получить возможность перевода всех средств по своему усмотрению. Потеря электронного кошелька, например вследствие технического сбоя (поломки жесткого диска), также приводит к полной утрате имеющихся денежных средств без возможности их восстановления.

Фактически внесударственная денежная система Биткоин превратилась в своеобразную финансовую пирамиду и инструмент спекуляции. Денежная единица биткоин (биржевое наименование BTC) котируется рядом электронных бирж. Если в феврале 2011 г. рыночный курс BTC равнялся одному доллару США, то к декабрю 2017 г. он достиг уровня в 20 000 долл. При этом на начало 2017 г. биткоин стоил около 1000 долл., т.е. его котировки увеличились только за год в 20 раз [9]. Ограниченность эмиссии и более чем тысячекратный рост курса валюты за короткое время, по существу, превратили биткоины в финансовый инструмент (наподобие ценных бумаг), используемый узкой группой биржевых спекулянтов. Новые интернет-деньги так и не стали массовым явлением, способным обеспечить растущий товарооборот. В них не заложен объективный механизм увеличения денежной массы, стимулирующий рост мировой экономики.

Наши опасения подтвердились, когда в феврале 2018 г. произошел более чем трехкратный обвал курса биткоина: с 20 000 долл. в конце 2017 г. до 6000 долл. в начале февраля 2018 г. (рисунок). Среди множества причин падения курса биткоина выделим следующие:

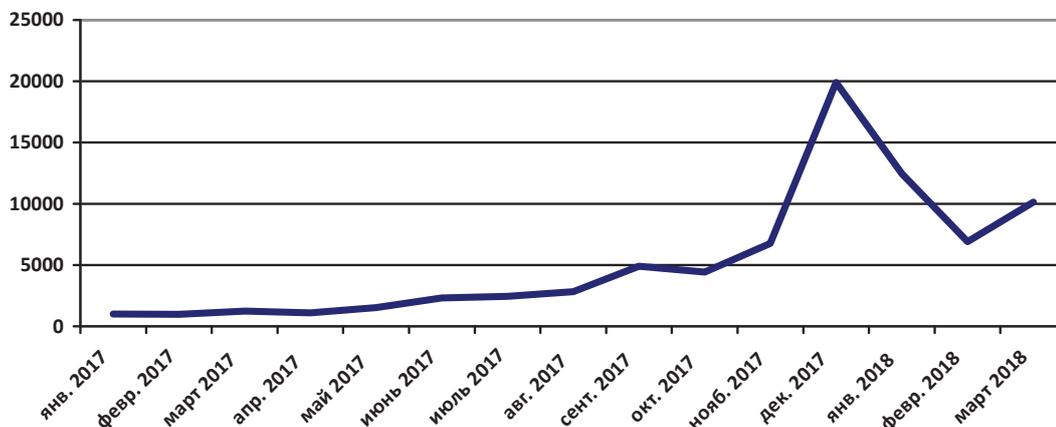
– государственные ограничения и запрет на проведение транзакций в Китае и ряде других

стран. Раньше в Китае происходило около 90% всех операций с криптовалютой, сейчас там тоже введен полный запрет как на использование, так и на майнинг;

– на рынке появились различные конкурирующие денежные системы, построенные по

тому же принципу пиринговых сетей: Ethereum (Эфириум), Ripple (Риппл) и др. В связи с тем, что многие инвесторы считают рынок биткоинов перегретым, они вкладывают средства в другие альтернативные криптовалюты, так называемые альткоины.

Среднемесячный курс биткоина с января 2017 г. по март 2018 г., долл. США (рассчитано по: [9])
Average monthly Bitcoin exchange rate from January 2017 to March 2018, USD (calculated by: [9])

Альткоины альтернативны прежде всего биткоину (все то, что не биткоин). По сути – это его клоны с некоторыми отличиями. Например, в скорости, с которой транзакции проходят в сети (в системе криптовалюты биткоин можно совершать семь транзакций, в Ethereum – 20 транзакций в секунду). Другими отличиями являются: алгоритм шифрования; метод распределения монет в сети. Некоторые криптовалюты иногда раздаются бесплатно в качестве рекламы. Бывает, что создатели выпускают в сеть сразу все деньги, потому что майнинг как вариант добычи не требуется.

Результаты

Таким образом, в ближайшее время мы можем наблюдать бум создания внегосударственных денежных систем на основе криптовалют в глобальной информационной сети Интернет, конкуренция между которыми должна способствовать снижению транзакционных издержек и более полному удовлетворению потребностей всех субъектов экономики.

Однако все вышесказанное не отменяет необходимости правового регулирования внегосударственных денежных систем. Представляется важной разработка внешнего, независимого от эмитентов механизма контроля над работой ВДС, основанных на криптовалютах. В силу невозможности государственного регулирования подобный контроль могут осуществлять международные и национальные общественные организации, общества самих эмитентов частных денег.

Указанные институты общественного надзора тем более необходимы, что внегосударственным денежным системам на основе криптовалют присущ целый набор возможных экономических рисков:

- снижение эмиссионного дохода и сужение налоговой базы национальных государств;
- возможность использования преимуществ криптовалют в целях отмывания денег, ухода от налогов, финансирования теневого и криминального бизнеса;
- риск монополизации института частных денег узкой группой чиновничье-олигархических и национальных элит;
- пересмотр роли резервных валют и традиционных финансовых центров, что чревато ростом общей экономической нестабильности;
- технические риски: компьютерные сбои, вирусные атаки, несанкционированный доступ, кражи и взломы.

По нашему мнению, ВДС, основанные на криптовалютах, переживают сейчас болезнь роста. Примером тому – перечисленные нами недостатки системы Биткоин. Как говорится, первый блин комом. Однако не подлежит сомнению большой монетарный, финансовый и инвестиционный потенциал внегосударственных денежных систем.

Таким образом, проблема возникновения и функционирования внегосударственных денежных систем на основе криптовалют должна стать предметом пристального изучения и обсуждения

ведущих ученых-экономистов, представителей финансового блока правительства, крупных хозяйственников и специалистов-практиков в области денежного обращения.

Список литературы

1. Красильников О. Ю., Красильникова Е. В. Внегосударственные денежные системы в информационной экономике // *Вопр. экономики*. 2013. № 5. С. 151–158.
2. Все криптовалюты. URL: <https://ru.investing.com/crypto/currencies> (дата обращения: 07.04.2018).
3. Smith + Crown. URL: <https://www.smithandcrown.com/smith-crowns-token-sale-vetting-results-community-poll> (дата обращения: 08.04.2018).
4. Рейтинг русскоязычных ICO-Проектов. URL: <https://icotime.ru> (дата обращения: 09.04.2018).
5. 46% проведенных в 2017 году ICO потерпели неудачу. URL: <https://bitnovosti.com/2018/02/24/46-provedennyh-v-2017-godu-ico-poterpele-neudachu> (дата обращения: 09.04.2018).
6. Энергопотребление сети Bitcoin превысило энергопотребление Беларуси. URL: <https://geektimes.ru/post/296671> (дата обращения: 10.04.2018).
7. Майнинг как причина глобального энергетического кризиса. URL: <https://cryptocartel.club/ru/mayning/mayning-kak-prichina-globalnogo-energeticheskogo-krizisa> (дата обращения: 10.04.2018).
8. Минфин рассказал Путину о национальной российской криптовалюте. URL: <http://ktovkurse.com/valyuty/minfin-rasskazal-putinu-o-natsionalnoj-rossijskoj-kriptovalyute> (дата обращения: 10.04.2018).
9. График биткоина к доллару. URL: <https://coinspot.io/charts> (дата обращения: 10.04.2018).

Образец для цитирования:

Красильников О. Ю. Преимущества и недостатки развития криптовалют // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право*. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 253–258. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-253-258

Advantages and Disadvantages of Cryptocurrencies Development

O. Yu. Krasilnikov

Oleg Yu. Krasilnikov, ORCID 0000-0002-2211-4370, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, ok-russia@yandex.ru

Introduction. In the information economy, along with the state monetary systems, non-state ones arise and develop. Some of them operate on the basis of so-called cryptocurrencies. The article investigates the pros and cons of the development of modern cryptocurrencies that use the global Internet. **Theoretical analysis.** The advantages of cryptocurrencies are analyzed, among which the main one is a high investment potential. It allows to attract financial resources for the implementation of significant projects in the real sector of the economy within the ICO by analogy with crowdfunding. Among the disadvantages of cryptocurrencies, the author highlights the following: separation from real production, high financial and energy costs, inequality of participants, the lack of control of state structures, the problem of security. Particular attention is paid to one of the first cryptocurrencies – Bitcoin. The Strong volatility of its stock price is marked. **Results.** There made a conclusion about the high risks of cryptocurrencies creating and developing at the present stage. At the same time, the author emphasizes the high monetary, financial and investment potential of non-state monetary systems operating on the basis of cryptocurrencies.

Key words: non-state monetary systems, Internet money, cryptocurrency, Bitcoin, ICO, blockchain, mining.

References

1. Krasilnikov O. Yu., Krasilnikova E. V. Non-State monetary systems in information economy. *Voprosy Ekonomiki*, 2013, no. 5, pp. 151–158 (in Russian).
2. *Vse kriptovalyuty* (All cryptocurrencies). Available at: <https://ru.investing.com/crypto/currencies> (accessed 7 April 2018) (in Russian).
3. *Smith + Crown*. Available at: <https://www.smithandcrown.com/smith-crowns-token-sale-vetting-results-community-poll> (accessed 8 April 2018).
4. *Reiting russkoiazыchnykh ICO-Proektov* (The rating of Russian ICO Projects). Available at: <https://icotime.ru> (accessed 9 April 2018) (in Russian).
5. *46% provedennykh v 2017 godu ICO poterpele neudachu* (46% of ICO held in 2017 failed). Available at: <https://bitnovosti.com/2018/02/24/46-provedennyh-v-2017-godu-ico-poterpele-neudachu> (accessed 9 April 2018) (in Russian).
6. *Energopotreblenie seti Bitcoin prevysilo energopotreblenie Belarusi* (The power consumption of the Bitcoin network exceeded the power consumption of Belarus). Available at: <https://geektimes.ru/post/296671> (accessed 10 April 2018) (in Russian).
7. *Maying kak prichina global'nogo energeticheskogo krizisa* (Mining as a cause of the global energy crisis). Available at: <https://cryptocartel.club/ru/mayning/mayning-kak-prichina-globalnogo-energeticheskogo-krizisa> (accessed 10 April 2018) (in Russian).
8. *Minfin rasskazal Putinu o natsional'noi rossijskoj kriptovalyute* (The Ministry of Finance told Putin about the national Russian cryptocurrency). Available at: <http://ktovkurse.com/valyuty/minfin-rasskazal-putinu-o-natsionalnoj-rossijskoj-kriptovalyute> (accessed 10 April 2018) (in Russian).
9. *Grafik bitkoina k dollaru* (Bitcoin to dollar chart). Available at: <https://coinspot.io/charts> (accessed 10 April 2018) (in Russian).

Cite this article as:

Krasilnikov O. Yu. Advantages and Disadvantages of Cryptocurrencies Development. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 253–258 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-253-258

УДК 331.104

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРЕКАРИАТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

О. В. Мраморнова, Н. А. Иванова, Ж. У. Абуова

Мраморнова Ольга Владимировна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика труда и производственных комплексов», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., o.mramornova@yandex.ru

Иванова Наталья Алексеевна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика труда и производственных комплексов», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., nata_naiv@mail.ru

Абуова Жемис Узакбаевна, аспирант кафедры «Экономика труда и производственных комплексов», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., o.mramornova@yandex.ru

Введение. Современные процессы формирования информационного общества, цифровая революция кардинальным образом изменяют характер и институциональную структуру социальных отношений, сложившуюся в период индустриального развития. Особенно остро эти процессы протекают в бывших советских республиках, переход к рыночным отношениям в которых дал дополнительный толчок развитию процессов прекаризации. **Теоретический анализ.** В статье проведен анализ теоретических подходов к определению понятий «прекариат», «прекаризация», осуществленный отечественными и зарубежными экономистами и социологами, определены причины данного явления. **Эмпирический анализ.** В процессе исследования были изучены научные публикации, материалы интернет-сайтов, данные статистических организаций РФ и Казахстана, характеризующие процессы прекаризации населения в обоих государствах. Было проведено социологическое исследование, охватившее 420 респондентов в обоих странах. Анализ научной литературы, статистических данных и результаты проведенного социологического исследования свидетельствуют о наличии процессов прекаризации населения в России и Казахстане, вместе с тем имеют место определенные различия. **Результаты исследования.** Сравнительный анализ процессов прекаризации населения в Российской Федерации и Республике Казахстан выявил объективные причины и формы его проявления в данных государствах, обусловленные культурологическими особенностями двух государств. Выявлено, что интенсивность процессов прекаризации в Казахстане несколько ниже, чем в России – ниже доля работников, условия труда которых не соответствуют санитарно-гигиеническим нормам, неформальная занятость имеет тенденцию к сокращению. Опрос наемных работников в Республике Казахстан не выявил фактов оплаты труда «в конвертах».

Ключевые слова: прекариат, прекаризация, социальная нестабильность, глобализация, неформальная занятость.

DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-259-266

Введение

В последние годы феномен прекаризации приобрел всеобъемлющий характер и стал важным явлением современного рынка труда и общества в целом. На рынке труда наблюдается тенденция к увеличению численности трудовых ресурсов, вынужденных соглашаться на временную трудовую деятельность или условия неполной занятости без каких-либо социальных гарантий.

Особенно остро эти процессы протекают в бывших советских республиках, переход к рыночным отношениям в которых дал дополнительный толчок развитию процессов прекаризации – началу гендерной дискриминации, молодежной безработице, феномену «работающих бедных», гигантской подоходной дифференциации, ослаблению социальных лифтов в силу сформировавшейся в переходный период жесткой социальной структуры и др. Проблемы прекаризации населения, формирование прекариата как нового социального класса достаточно активно исследуются в мировой экономической и социологической литературе. Вместе с тем целесообразным является компаративный анализ данных процессов в различных странах, выявление их специфики, обусловленной культурологическими и другими особенностями государств.

Теоретический анализ

Значительное количество работ, имеющих в мировой экономической и социологической литературе, дают подробное описание содержания понятий «прекариат», «прекаризация», «социальная прекаризация», «неустойчивая занятость» и др. [1–6].

Термин «прекариат» ввел в научный оборот французский социолог П. Бурдьё в 1980-е гг., исследуя положение сезонных рабочих, характеризовавшееся нестабильностью занятости, отсутствием гарантированных социальных благ, незащищенностью в период сложных жизненных ситуаций. Прекариат – это принципиально новое образование, означающее наличие социального слоя, который олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества. Это значительные социальные группы, испытывающие особые, изолированные формы

эксплуатации их труда, их знаний, квалификации, а в конечном счете и качества жизни. Эти группы образуют достаточно значительный слой во многих странах мира, достигая от 30 до 40% численности трудоспособного населения [3].

Термин «прекаризация» означает объективный процесс формирования определенного социального слоя (прекариата) за счет перераспределения сложившихся ранее социально-демографических страт экономически активного населения на основе постепенного вытеснения стандартизированных форм занятости различными нетипичными, нестандартизированными [7]. Также этот термин трактуется как опасный процесс распространения социальной ситуации прекариата на все более широкие слои общества, меняющий его облик как целого [5].

Формы прекариата в современной России исследуются многими авторами – Ж. Т. Тощенко, Р. П. Колосовой, Т. О. Разумовой и др. [3, 5].

В работах многих экономистов процессы прекаризации населения рассматриваются в аспекте постиндустриальных трансформаций отношений занятости и рынка труда. Генезис и эволюция понятия «неустойчивая занятость» раскрыты в работах В. Н. Бобкова, В. Г. Квачева, Н. В. Локтюхиной, М. Риччери [4, 8]. А. Э. Федорова, В. С. Каташинских, З. Дворжакова рассматривают прекаризацию социально-трудовых отношений в аспекте проблемы социального загрязнения [2].

В западных источниках описываются чрезвычайно разнообразные формы социальной нестабильности (прекаризованности), наблюдающиеся в различных странах в условиях глобализации. Для ее характеристики используются, например, такие понятия, как «гибкая жизнь», «неустойчивая субъективность», «гибкий город», «город как место повышенной неуверенности» и др. [9]. Отмечается, что неолиберальной глобализация создала институционально внедренную прекаризацию труда, средств к существованию и гражданственности [10]. Мы разделяем такой подход, рассматривающий прекаризацию как социальное явление, охватывающее не только социально-трудовую сферу, но и общество в целом, т.е. как «социальную прекаризацию».

Возникновение прекариата (от англ. *precarious* – ненадежный) как нового мирового социально-экономического феномена рассматривается зарубежными исследователями как негативное последствие осуществления правительствами экономически развитых стран неолиберальной модели, заключающейся в необходимости обеспечения максимальной рыночной конкурентоспособности посредством, прежде всего, обеспечения гибкости рынка труда [1]. Гибкость

рынка труда означает гибкость заработной платы, гибкость занятости, гибкость должностей. Но достижение этих целей привело к усилению незащищенности работников. Процесс глобализации способствовал быстрому распространению прекариата в различных странах. Мы разделяем точку зрения Р. П. Колосовой и Т. О. Разумовой, согласно которой предопределяющим фактором формирования прекариата является резкое изменение тактики и стратегии менеджмента, требующего от работающих по найму все больших и больших жертв [5].

Истоки становления прекариата в России, восходящие к 1990-м гг. – началу рыночных преобразований, критерии идентификации прекариата, факторы, способствующие «попаданию» в прекаризованные группы трудящихся, исследованы О. И. Шкаратаном, В. В. Карачаровским, Е. Н. Гасюковой [6]. В этой работе определен слой занятых, который может быть идентифицирован как прекариат по разработанным авторами критериям: срок контракта, природа трудовых отношений, неустойчивость условий труда. Авторами сделан вывод о том, что слой прекариата не имеет тенденции к росту (к 2014 г.), вместе с тем к этой группе отнесены 27% трудоспособного населения.

Возникновение прекариата означало появление нового серьезного негативного тренда мирового развития, диаметрально противоположного тому, который констатировался в последние десятилетия как закономерное следствие неоиндустриальной трансформации – социализации экономики, проявляющейся в усилении социальной ориентированности экономического развития [11, с. 84]. Возникновение прекариата означало кардинальное изменение форм занятости и трудовой мобильности, стирающими границы между рабочим местом, домом и общественными местами, развитие новых, нетипичных для индустриальной эпохи, форм занятости, приводящих к значительной дифференциации занятых, образованию первичного и вторичного рынков труда. При этом последний характеризуется плохими условиями труда и отсутствием каких-либо гарантий занятости. Причем масштабы вторичного рынка труда значительно расширяются во всех развитых странах. Так, в странах ЕС доля работников, трудящихся в условиях неполной занятости, в возрастной группе 20–64 лет увеличилась с 16,5% в 2005 г. до 19,0% в 2015 г. В 2016 г. этот показатель составил 18,9% [12].

Целью данной работы является анализ генезиса и развития процесса прекаризации в Российской Федерации и Республике Казахстан. Авторами проведен анализ научной литературы и статистических данных, характеризующих

динамику данного процесса в РФ и Саратовской области, Республике Казахстан и Западно-Казахстанской области. Проведено социологическое исследование в Саратовской области (Россия) и Западно-Казахстанской области (Казахстан), охватившее 420 респондентов. Использован инструментарий [2].

Эмпирический анализ

Одним из критериев социальной прекаризации является неустойчивая занятость в ее

различных формах. В 2015 г. около 950,4 тыс. человек в РФ трудились на условиях неустойчивой занятости (временная или частичная работа) [13]. В Саратовской области в режиме неполного рабочего времени по инициативе работодателя и по соглашению между работником и работодателем работали 19 509 человек (1,7% занятых) [14]. Динамика занятости населения в режиме неполного рабочего времени в 2015 г. в России по видам экономической деятельности представлена в таблице.

Численность работников организаций, работавших неполное рабочее время в РФ в 2015 г. по видам экономической деятельности, тыс. чел. [13]

Persons working part-time in Russia in 2015, thousand people [13]

Вид экономической деятельности	Численность работников организаций			
	работавших неполное рабочее время по инициативе работодателя	работавших неполное рабочее время по соглашению между работником и работодателем	находившихся в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от работодателя и работника	которым были предоставлены отпуска без сохранения заработной платы по заявлению работника
Всего	133,1	719,3	245,8	2503,6
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3,0	10,1	1,4	72,5
Добыча полезных ископаемых	2,6	3,6	8,1	58,6
Обрабатывающие производства	95,1	98,3	200,6	891,6
Строительство	5,7	11,3	7,2	174,8
Транспорт и связь	8,1	94,3	9,6	246,8
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	6,9	79,9	3,5	205,2
Образование	3,2	177,0	4,7	175,7

Данные таблицы свидетельствуют о наличии значительного числа граждан, работавших в режиме неполного рабочего времени. Можно заключить, что работники обрабатывающих производств пострадали в большей степени, чем занятые в других сферах.

Неформальная занятость как самостоятельный сегмент отечественного рынка труда в значительной степени оказывает влияние на социально-экономическое положение и уровень занятости в стране.

Численность занятых в неформальном секторе экономики в РФ в 2010 г. составила 13 490 тыс. человек (19,5%). В 2015 г. данный показатель составил 14 827 тыс. человек (20,5%). В Саратовской области в неформальном секторе в 2010 г. были заняты 324 тыс. человек (26,3%), в 2015 г. – 331 тыс. человек (27,6%) [14].

Важным критерием прекаризации трудовых отношений является наличие и доля работников,

условия труда которых не отвечают санитарно-гигиеническим нормам. Так, в России в 2015 г. удельный вес работников, занятых во вредных и (или) опасных условиях труда, составил: в добыче полезных ископаемых – 57,1%; в обрабатывающих производствах – 41,1%; в строительстве – 35,6%; на транспорте – 33,9%. Пострадали при несчастных случаях на производстве (в том числе и со смертельным исходом) 28 000 человек, погибли 1288 работников. В 2016 г. 27 000 человек пострадали и 1290 погибли [15, с. 110].

Безработица, по мнению авторов, также является критерием социальной прекаризации. Современная ситуация в России характеризуется высоким уровнем молодежной безработицы. Молодежь на рынке труда, а также лица предпенсионного возраста – наиболее уязвимые социальные группы. В 2016 г. наибольший удельный вес – 19,1% безработных – приходился на

возрастную группу 20–24 года; 16,5% составляли лица в возрасте 25–29 лет. Таким образом, около 36,0% безработных – это люди в возрасте до 30 лет (20–29 лет). В возрастной группе 50–54 года уровень безработицы составил 9,8% [15, с. 107].

В Саратовской области в сентябре 2017 г. уровень регистрируемой безработицы составил 0,9% (по России – 1,0 %) [14]. Уровень безработицы в областном центре ниже на 0,3%, чем в среднем по области. Риски безработицы в области, как и в целом по стране, в значительно большей степени относятся к сельскому населению и населению малых городов.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о наличии прекаризационных процессов в России и ее регионах и о неравномерном риске «попадания» в ряды прекаризированных групп в зависимости от сферы деятельности, возраста, пола, региона проживания.

Переходя к анализу тенденций прекаризации в Республике Казахстан, можно отметить, что в советское время в Казахстане, как и в других советских республиках, отсутствовали данные процессы. Проблемы социальной нестабильности появились с началом рыночных трансформаций. Если в 1991 г. экономически активное население Казахстана насчитывало чуть менее 8 млн человек, то к началу XXI в. оно сократилось почти на миллион человек (до 7,1 млн).

В Казахстане в постсоветский период широкое распространение получила самозанятость населения, которая в разные периоды времени достигала более 43% (2000 г.) всего работающего населения страны. Самозанятые работники – это наиболее неформализованный слой населения. Неустойчивость социального положения этой категории позволяет отнести ее к прекариату. В Республике Казахстан самозанятые в подавляющем большинстве – это сельскохозяйственные товаропроизводители, имеющие, как правило, среднее или среднеспециальное образование и находящиеся в трудоспособном возрасте. На статистическом учете в Казахстане в 2013 г. в качестве самозанятых находились 2,7 млн чел., из этого числа 850 тыс. чел. зарегистрированы в городах (32%), в сельской местности – 1,9 млн чел. (68%) [16]. Для сравнения: в развитых странах, таких как США, Франция, Германия, Австралия и Великобритания, доля самозанятых в этот период составила 7,1–13,6%. В структуре самозанятого населения преобладают мужчины – их численность в 1,2 раза выше женщин [16]. Однако важно отметить и положительные тенденции. Так, в 2017 г. количество самозанятых, которые в значительной части являются неформально занятыми, составило в

республике 2,2 млн человек. При этом численность неформально занятого населения в РК за 2016 г. сократилась на 20% [17].

Уровень безработицы в РК в 2016 г. составлял 5%. Численность безработных мужчин – 200,3 тыс. чел. (44,8%), женщин – 247,1 тыс. чел. (55,2%). В общем количестве безработных граждан удельный вес молодых людей в возрасте 15–24 года составил 10,2%, в возрасте 15–28 лет – 21,4%. В 2016 г. 12,6% работников работали в неблагоприятных или опасных условиях труда (в 2015 г. таких работников было 10%) [17].

Существенной проблемой Республики Казахстан является проблема гендерного неравенства. Женщины ощущают откровенную дискриминацию по признаку пола. Профессии по-прежнему подразделяются на «мужские» и «женские». Традиционно женскими считаются профессии учителя, медицинской сестры, даже врача, требующие широких знаний и характеризующиеся высокой общественной значимостью. Однако уровень оплаты труда представителей этих профессий чрезвычайно низок [18, с. 24].

Еще одной важной проблемой, характеризующей процессы прекаризации населения Казахстана, является интеграция иммигрантов-оралманов (этнических казахов, переселяющихся в Казахстан из соседних стран – Узбекистана, Китая и др.) в казахстанское общество. Переехавшие семьи испытывают трудности с трудоустройством, жильем и т.д. из-за недостаточного знания казахского языка, низкой квалификации и др.

Проблема прекаризации касается также населения моногородов, где проживает 16,8% городского населения. Потеря работы влечет потерю идентичности, развитие у безработных недоверия, усталости, равнодушия, депрессии, страха. Проблема моногородов, по мнению казахских авторов, – это не проблема отдельно взятого региона, а вопрос существования Казахстана как цивилизованного государства [19].

В Казахстане существуют формы социальной поддержки отдельных групп населения, таких как оралманы, молодежь, жители моногородов и др. Вместе с тем прекаризация как общемировая проблема остается острой в Республике Казахстан. Распространение процессов социальной и трудовой прекаризации в России и Казахстане в целом соответствует общемировым тенденциям. Проведенное авторами в 2017 г. социологическое исследование, направленное на изучение трудовых отношений и их динамики в организациях, подтверждает справедливость этого вывода. В опросе приняли участие 420 респондентов, работающих на условиях

найма, граждане РФ (Саратовская область (N = 210)) и Республики Казахстан (Западно-Казахстанская область (N = 210)).

Результаты исследования показали, что среди российских респондентов доля занятых на постоянной основе (по бессрочным договорам) составила около 44,0%; 43,0% имеют срочные трудовые договора. Около 4,5% респондентов не имеют формального статуса наемного работника (работают без оформления письменного договора), в таких условиях работодатель фактически снимает с себя ответственность за обеспечение надлежащих условий труда и соблюдение гарантированных трудовым законодательством прав.

Одной из наиболее острых проблем прекаризации трудовых отношений на предприятиях России является использование практики теневых выплат. Так, 60,0% респондентов в Саратовской области утверждали, что оплата труда в полном объеме (100%) переводится на счет в банке. Однако четвертая часть опрошенных работников отметили, что доля теневых выплат составляет более половины их заработной платы. 6,6% респондентов утверждали, что их заработная плата выплачивается в «конвертах»; 8,5% отметили, что большая часть заработка переводится на карту, а оставшаяся часть выдается «в конверте». Проведенное исследование показало также, что доля теневых выплат коррелирует с формой собственности организации, отраслевой принадлежностью, размером предприятий. Как показал опрос, в зону повышенного риска попадают работники предприятий торговли и общественного питания, малого и среднего бизнеса, реже – работающие на крупных предприятиях.

Большинство респондентов (66,7%) отрицательно ответили на вопрос о нарушении договоренностей со стороны работодателя. Об имеющихся нарушениях заявил только каждый четвертый участник опроса. 54,8% респондентов отметили, что в последнее время типичными нарушениями договоренностей явились необоснованное снижение размера заработной платы и увеличение объема работ без повышения заработка; 14,9% опрошенных указали на невыплату дополнительного вознаграждения за сверхурочную работу, из них 4,3% пожаловались на задержку заработной платы; 2,9% респондентов отметили, что им не были предоставлены положенные отпуска; около 2,0% столкнулись с незаконным увольнением.

Результаты исследования источников беспоконности и негативных эмоций на текущей работе показали, что подавляющее большинство – более 63,0% наемных работников – главной негативной характеристикой своей работы считают высокий

уровень стресса на рабочем месте и слишком высокую напряженность работы, 21,5% – отсутствие или плохое взаимодействие с руководителем, 15,6% указали на некомфортные условия на рабочем месте и ненормированный рабочий день. Подобное распределение оценок свидетельствует об интенсификации труда работников в современных условиях, усилении их незащищенности в трудовой сфере.

Обращают на себя внимание существенные различия в ответах респондентов на вопросы анкеты в России и Казахстане. Все казахские респонденты отметили, что получают заработную плату на свой зарплатный счет в банке (банковскую карту). Существенным различием является также срок трудового договора у российских и казахских работников: у первых, как правило, преобладает бессрочный трудовой договор, у вторых он в настоящее время заключается на 1 год и реже – на 0,5 года.

Если российские респонденты чаще (66,7% случаев) отмечают, что нарушений договоренностей со стороны работодателя не было, то казахские такие нарушения отмечают в 63,5% случаев. К таким нарушениям они относят в большинстве случаев незаконное увольнение – 55,5%.

Результаты опроса в России показали высокий уровень патернализма в организациях, проявляющегося в значительном влиянии неформальных институтов. Так, россияне в большинстве случаев (66,7%) не отмечают нарушений договоренностей со стороны руководства, даже при работе на условиях неформальной занятости.

Серьезные расхождения наблюдаются и в ответах на вопрос, касающийся изменений в кадровой политике организации за последний год. Если у российских респондентов наблюдается существенный разброс ответов: массовое сокращение численности работников – 24,8%, постоянное сокращение работников каждые 3–6 месяцев – 26,2%, прием на работу новых работников только на короткий период (от 1 до 6 месяцев) – 6,2% и другие, то у казахских превалирует вариант ответа «Прием на работу новых работников только на короткий период (от 1 до 6 месяцев)» – 53,0% ответов респондентов.

Результаты исследования

Социальная прекаризация представляет собой одну из глобальных проблем современного общества, создающую негативные эффекты экономического, социокультурного и политического характера.

Характерными чертами прекариальных отношений, понимаемых в широком смысле, являются: отсутствие стабильной занятости

(трудовые отношения могут быть расторгнуты работодателем в любое время); гарантий и защищенности; профессиональной идентичности; низкий уровень и задержки в выплате заработной платы; безработица; отсутствие жизненных перспектив; жесткость социальных лифтов и др. Процессы прекаризации существенно трансформируют социальные отношения как в Российской Федерации, так и в Республике Казахстан.

В ходе проведенного опроса многие работники как в России, так и в Казахстане отметили высокий уровень напряженности труда и стресса на рабочем месте, ненормированный рабочий день, необходимость работать сверхурочно (как с оплатой, так и без нее). Многие работники опасаются ухудшения своего здоровья на рабочем месте. Таким образом, мы можем констатировать наличие прекаризационных процессов в Российской Федерации и Республике Казахстан как в сфере труда, так и в обществе в целом. Вместе с тем имеют место некоторые различия, обусловленные культурологическими факторами. В России мы констатируем все еще сохраняющуюся значительную долю патерналистских отношений между работодателями и работниками даже в условиях неформальной занятости. В Казахстане наблюдается несколько лучший инфорсмент трудового законодательства – результаты опроса не показали теневых выплат, доля неформально занятых имеет тенденцию к снижению, ниже процент работников, условия труда которых характеризуются тяжестью и вредностью. Вместе с тем существуют проблемы прекаризации определенных групп населения – оралманов, женщин, молодежи.

Список литературы

1. Стэндинг Г. Прекариат : новый опасный класс. М., 2014. 327 с.
2. Федорова А. Э., Каташинских В. С., Дворжакова З. Прекаризация трудовых отношений как фактор социального загрязнения // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 3. С. 802–814.
3. Тощенко Ж. Т. Прекариат – новое явление на рынке труда // Ядовские чтения : перспективы социологии : сб. науч. докл. конф. (Санкт-Петербург, 14–16 декабря 2015 г.) / под ред. О. Б. Божкова, С. С. Ярошенко, В. Ю. Бочарова. СПб., 2016. С. 182–191.
4. Бобков В. Н., Квачев В. Г., Локтюхина Н. В. Неустойчивая занятость : экономико-социологический генезис понятия // Вестн. ВГУ. Сер. Экономика и управление. 2016. № 4. С. 81–86.
5. Колосова П. П., Разумова Т. О. Неустойчивость занятости : введение в анализ // Альтернативы экономической политики в условиях замедления экономического роста : сб. ст. / под ред. А. А. Аузана, В. В. Герасименко. М., 2015. С. 559–569.
6. Шкартан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н. Прекариат : теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социс. 2015. № 12 (380). С. 99–110.
7. Маслова Е. В. Прекариат как проявление нестандартной занятости и его особенности (на примере Воронежской области) // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Экономика. 2016. № 3. С. 201–208.
8. Риччери М. Социальная прекаризация и устойчивое развитие. Размышления на тему опасных противоречий // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1 (195). С. 3–37.
9. Ferreri M., Dawson G., Vasudevan A. Living precariously : property guardianship and the flexible city // Transactions of Institute of British Geographers. June 2017. Vol. 42, iss. 2. P. 246–259.
10. Alonso L. E., Rodrigues C. J. An Introduction to the Special Issue. Politics of Precarity : Migrant Conditions, Struggles and Experiences // Empiria. May–August 2017. Iss. 37. P. 155–178.
11. Зимица Т. Собственность работников и структурная трансформация // Экономист. 2016. № 5. С. 83–87.
12. Eurostat : [сайт]. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=tps00159&language=en> (дата обращения: 22.10.2017).
13. Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/rab_sila16.pdf (дата обращения: 10.09.2017).
14. Министерство занятости, труда и миграции Саратовской области : [сайт]. URL: http://www.mintrud.saratov.gov.ru/analytical/employment/index.php?SECTION_ID=95 (дата обращения: 25.09.2017).
15. Россия в цифрах. 2017 : крат. стат. сб. / Росстат. М., 2017. 512 с.
16. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: <http://www.stat.gov.kz/faces/homePage/homeDinamika.pokazateli> (дата обращения: 26.06.2017).
17. Ratel.kz : [аналит. интернет-портал]. URL: <http://www.ratel.kz> (дата обращения: 20.09.2017).
18. Нукетаева Д. Политика и равенство. Гендерные отношения в Республике Казахстан // АиФ – Казахстан. 2014. № 50. С. 23–24.
19. Альжанова Н. Ш. Прекаризация занятости населения современных моногородов Республики Казахстан // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1 (195). С. 58–69.

Образец для цитирования:

Мраморнова О. В., Иванова Н. А., Абуова Ж. У. Возникновение и развитие прекариата в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительный анализ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 259–266. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-259-266

The Genesis and Development of the Precariat in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: Comparative Analysis

O. V. Mramornova, N. A. Ivanova, Zh. U. Abuova

Olga V. Mramornova, ORCID 0000-0001-7748-7724, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77, Politechnicheskaya Str., Saratov, 410054, Russia, o.mramornova@yandex.ru

Natalia A. Ivanova, ORCID 0000-0002-3805-4448, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77, Politechnicheskaya Str., Saratov, 410054, Russia, nata_naiv@mail.ru

Zhemis U. Abuova, ORCID 0000-0003-1603-112X, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77, Politechnicheskaya Str., Saratov, 410054, Russia, o.mramornova@yandex.ru

Introduction. Contemporary processes of formation of the information society, emerging of new technological structures and digital revolution radically change the character and institutional structure of labor relations that occurred in industrial age. New unusual forms of employment appear. They are still poorly included in the field of institutional regulation. These processes are especially acute in the former Soviet republics. The transition to market relations in these new countries led to the development of precarization processes.

Theoretical analysis. In this article the analysis of the theoretical approaches to the definition of the concepts "precariat", "precarization" carried out by Russian and foreign economists and sociologists is considered; the causes, criteria and structural elements of this phenomenon are determined. In the process of research there were studied scientific publications, Internet site materials and statistical organizations' data of the Russian Federation and Kazakhstan, which characterize the processes of social precarization in both states. A sociological survey involving 420 respondents in both countries was conducted. **Empirical analysis.** The analysis of the scientific literature, statistical data and the results of the conducted sociological research show the existence of precarization processes both in the Russian Federation and Kazakhstan, however, there are certain differences. **Results of study.** A comparative analysis of the processes of social precarization in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan has revealed the objective causes and forms of its manifestation in these states, conditioned by the culturological features of the two countries. It is revealed that the intensity of precarization is somewhat lower in the RK than in the Russian Federation. The share of workers whose working conditions do not correspond to sanitary and hygienic standards is lower, informal employment tends to decrease. The survey of workers in the RK did not reveal facts of informal wages ("in envelopes").

Key words: precariat, precarization, social instability, globalization, informal employment.

References

1. Standing G. T *Prekariat: novyi opasnyi klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow, 2014. 327 p. (in Russian).
2. Fedorova A. E., Katashinskikh V. S., Dvorzhakova Z. Precarization of labor relations as a factor of social pollution. *Ekonomika regiona* [Economy of the region], 2016, vol. 12, iss. 3, pp. 802–814 (in Russian).
3. Toschenko Zh. T. Precariat – a new phenomenon in the labor market. In: *Yadovskiy chteniya: perspektivy sotsiologii* [Yadov's readings: The perspectives of sociology. Proceedings of the scientific conference (St. Petersburg, 14–16 December 2015). Ed. by O. B. Bozhkov, S. S. Yaroshenko, V. Yu. Bocharov]. St. Petersburg, 2016, pp. 182–191 (in Russian).
4. Bobkov V. N., Kvachev V. G., Loktyukhina N. V. Unstable employment: the economic and sociological genesis of the concept. *Vestnik VGU. Ser. Ekonomika i upravlenie* [Proceedings of Voronezh State University. Ser. Economics and Management], 2016, no. 4, pp. 81–86 (in Russian).
5. Kolosova R. P., Razumova T. O. Unstable employment: introduction to analysis. In: *Alternativy ekonomicheskoy politiki v usloviyakh zamedleniya ekonomicheskogo rosta* [Alternatives of economic policy in the circumstances of deceleration of economic rise: collected of articles. Ed. by A. A. Auzan, V. V. Gerasimenko]. Moscow, 2015, pp. 559–569 (in Russian).
6. Shkaratan O. I., Karacharovskiy V. V., Gasyukova E. N. The Precariat: theory and empirical analysis (on the materials of surveys in Russia, 1994–2013). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2015, no. 12 (380), pp. 99–110 (in Russian).
7. Maslova E. V. The precariat as a manifestation of precarious employment and its features (on the example of the Voronezh region). *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Ekonomika* [Herald of Omsk University. Ser. Economics], 2016, no. 3, pp. 201–208 (in Russian).
8. Richcheri M. Social Precarity and Sustainable Growth: Reflections on Dangerous Contradictions. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living standards of the population of Russian regions], 2015, no. 1 (195), pp. 3–37 (in English).
9. Ferreri M., Dawson G., Vasudevan A. Living precariously: property guardianship and the flexible city. *Transactions of Institute of British Geographers*, June 2017, vol. 42, iss. 2, pp. 246–259.
10. Alonso L. E., Rodrigues C. J. An Introduction to the Special Issue. Politics of Precarity: Migrant Conditions, Struggles and Experiences. *Empiria*, May–August 2017, iss. 37, pp. 155–178.
11. Zimina T. Ownership of workers and structural transformation. *Economist*, 2016, no. 5, pp. 83–87 (in Russian).
12. Eurostat. Site. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=tps00159&language=en> (accessed 20 October 2017).
13. *Federal'niya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* (Federal State Statistics Service. Site). Available at: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/rab_sila16.pdf (accessed 10 September 2017) (in Russian).
14. *Ministerstvo zaniatosti, truda i migratsii Saratovskoy oblasti* (Ministry of Employment, Labor and Migration of the Saratov Region. Site). Available at: <https://www.>

- mintrud.saratov.gov.ru/analytical/employment/index.php?SECTION_ID=95 (accessed 25 September 2017) (in Russian).
15. *Rossiya v tsifrakh. 2017 / Rosstat* [Russia in figures. 2017: a short statistical compendium / Rosstat]. Moscow, 2017. 512 p. (in Russian).
16. *Komitet po statistike Ministerstva natsional'noy ekonomiki Respubliki Kazakhstan* (Committee on Statistics of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan). Available at: <https://www.stat.gov.kz/faces/homePage/homeDinamika.pokazateli> (accessed 26 June 2017) (in Russian).
17. *Ratel.kz* (Ratel.kz. Analytical Internet portal). Available at: <https://www.ratel.kz> (accessed 20 September 2017) (in Russian).
18. Nuketayeva D. Politics and equality. Gender relations in the Republic of Kazakhstan. *Argumenty i Fakty – Kazakhstan* [Arguments and Facts – Kazakhstan], 2014, no. 50, pp. 23–24 (in Russian).
19. Al'zhanova N. Sh. Precarization of employment of modern monocities of the Republic of Kazakhstan. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living standards of the population of Russian regions], 2015, no. 1 (195), pp. 58–69 (in Russian).

Cite this article as:

Mramornova O. V., Ivanova N. A., Abuova Zh. U. The Genesis and Development of the Precariat in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: Comparative Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 259–266 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-259-266

УДК 330.8+339.5.01

ЭВОЛЮЦИЯ КЛАССИЧЕСКИХ И НЕОКЛАССИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА И МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

К. В. Фенин

Фенин Кирилл Вячеславович, ассистент кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, fenin.kir@yandex.ru

Введение. В настоящей теоретической работе исследуются этапы развития классических и неоклассических концепций пространственной экономики. **Теоретический анализ.** Эволюция классических и неоклассических теорий международного разделения труда и мировой торговли отразила объективные исторические условия и тенденции конъюнктуры: глобальную гегемонию Великобритании в XIX в., последствия Великой депрессии 1929–1933 гг., глобальную гегемонию США после Второй мировой войны. Выбор методологии статического исследования и игнорирование динамических изменений экономики в классических и неоклассических теориях межстранового разделения труда может быть объяснен их исходными теоретико-методологическими предпосылками: моделью совершенной конкуренции, убывающей или постоянной отдачей от масштаба, доминированием формально-математической логики, отсутствием мобильности факторов производства. **Результаты.** Теории А. Смита, Д. Рикардо, Э. Хекшера, Б. Олина, П. Самуэльсона были серьезными и достойными попытками исследования распределения различных видов экономической активности в пространстве. Они являются ценными продуктами эволюции экономической мысли, которые можно изучать и в контексте истории развития мирового хозяйства.

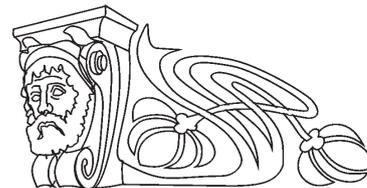
Ключевые слова: классические и неоклассические теории, международная торговля, разделение труда, пространственная экономика, экономическая конъюнктура.

DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-267-274

Введение

Первыми классическими теориями пространственной экономики традиционно считаются принцип абсолютных преимуществ А. Смита и принцип относительных преимуществ Д. Рикардо. Модели «межстранового» разделения труда А. Смита и Д. Рикардо представляли собой попытки теоретического анализа проблем размещения в пространстве производства и развития торговых связей с учетом затрат производственных факторов, а также влияния территориального распределения факторов производства на масштабы и скорость увеличения богатства стран.

В теориях международной торговли классиков английской политэкономии сформулированы методологические предпосылки и допущения, которые были заимствованы более поздними

экономическими концепциями. Теоретико-методологические предпосылки постоянной или убывающей отдачи от увеличения масштаба хозяйственной деятельности, отсутствия мобильности факторов производства между странами и абсолютной мобильности их внутри страны, ограниченности параметров моделей только двумя странами, отраслями или факторами производства, свободной совершенной рыночной конкуренции, абстрагирования от реальной экономической динамики позволяют рассматривать эти теории как статичные, тяготеющие к равновесному состоянию [1; 2, с. 156–157, 164; 3, с. 205–206; 4, с. 189, 193; 5, с. 337, 338, 340, 343].

Теоретический анализ

Выбор методологии статического исследования и игнорирование динамических изменений экономики в классических и неоклассических теориях межстранового разделения труда может быть объяснен рядом причин. Отказ от учета динамических эффектов и многочисленные допущения классических теорий международного разделения труда и торговли А. Смита и Д. Рикардо могли быть вызваны объективными историческими условиями и текущим состоянием экономической конъюнктуры. В Англии на рубеже XVIII–XIX вв. рыночные структуры были более интегрированными, чем в континентальной Европе, но экономическое пространство еще не отличалось сильной фрагментацией в процессе становления высокоразвитой транспортной системы. Различия между производительностью ресурсов, локализованных в той или иной точке государства-метрополии, не были отчетливо выраженными, что проявилось в недооценке роли транспорта и перемещения хозяйственных факторов во внутреннем национальном рынке [6, с. 5–6; 7, с. 93].

На межстрановом уровне различия в производительности ресурсов были очевидными при обмене продукцией, произведенной в местностях, существенно отличавшихся климатическими условиями, наличием и качеством сырья, квалификацией и стоимостью труда [6, с. 5–6]. Судьбоносная для английской экономики морская торговля была дорогостоящей, но много-

обещающей. Международная торговля ценилась выше, чем внутренняя торговля, а перерабатывающая промышленность – выше, чем сельское хозяйство [8, с. 144]. В рассматриваемый исторический период экспорт товаров на дальние расстояния был выгоден, поскольку основывался на изначально монопольном положении отдельных стран и регионов мира в производстве того или иного блага. Центры производства товаров могли быть значительно удалены от центров их потребления. В данных условиях цена в большей степени определялась редкостью блага для потребителя в конкретном месте, а не стоимостью его транспортировки [9, с. 15]. Поэтому классики теории международной торговли излагали свое учение, пренебрегая высокими транспортными затратами, вызванными естественными географическими условиями расположения стран; тем более что территориальные факторы «первой природы» позволяли создавать относительно редкую дорогую продукцию, торговля которой компенсировала все затраты [6, с. 5–6; 7, с. 93].

В концепциях классических теорий выгодный для Англии свободный международный товарообмен охватывал только оборот потребительских благ и не распространялся на факторы производства. Допущение о полной немобильности труда и капитала (земля по объективным причинам немобильна), возможно, возникло вследствие другого допущения о постоянной или убывающей отдаче от масштаба производства. Не было смысла транспортировать ресурсы, осуществляя прямые иностранные инвестиции (ПИИ), если они не окупятся вследствие непреодолимого закона снижения производительности. Поэтому в рамках международного обмена вопрос необходимости переноса производств не стоял. Различия между производительностью ресурсов, расположенных в той или иной точке мирового пространства, были отчетливо выражены. Локализация соответствующего производства в определенном регионе (стране) уже являлась доказательством его эффективного размещения [9, с. 16].

А. Смит и Д. Рикардо в своих теориях предлагали свободную торговлю (англ. «free trade»), а не свободный обмен капиталом и технологиями. По мнению Т. Видодо и Т. Озавы, принцип относительных преимуществ Д. Рикардо намного лучше описывал бы экономические процессы, если бы его автор предположил возможность перемещения данных преимуществ со временем от региона (государства) к региону (государству) посредством сочетания дешевого труда и ПИИ. Однако Д. Рикардо, сдерживаемый невозможностью изучить поступление зарубежных инве-

стиций, не смог развить логику своей доктрины до учета реальной осуществимости ПИИ экономическими агентами и полностью отказался от движения капитала [10, с. 76; 11, с. 21, 22]. Предлагаемая модернизация и реабилитация учения Д. Рикардо потребовала бы отказа от главного допущения его теории – совершенной иммобильности факторов производства между странами. На языке оригинала данное допущение, при котором работает принцип относительных преимуществ, занимает примерно половину от общего объема изложения теории Д. Рикардо: 485 слов из 973 [12, с. 22]. Поэтому отказ от предположения о межстрановой неподвижности факторов, равно как и от любых других условий модели Д. Рикардо, исказит ее исходное содержание. Исторически справедливым будет указать, что независимо от Д. Рикардо сходную теорию международного разделения труда вывел несколько раньше, в 1815 г., Р. Торренс [2, с. 154; 13, с. 286].

Стремление экономики к равновесному состоянию, направляемое «невидимой рукой», – вторая характеристика первых моделей территориального разделения труда – стала самой знаменитой политэкономической метафорой А. Смита, удобной для формализации и дальнейшего использования в классике и неоклассике. Истинное содержание «невидимой руки» вряд ли понималось А. Смитом как некая «бессознательная мудрость ценового механизма» [3, с. 210]. Свою роль сыграли протестантские религиозные воззрения А. Смита, опирающиеся на концепцию предопределенности – заданности событий Провидением. Действие механизма «невидимой руки Божьего Провидения» преобразует любые эгоистические корыстные действия «homo economicus» (человека экономического), максимизирующего личные выгоды, в приращение благосостояния общества. В итоге, экономическая система как совокупность различных волеизъявлений людей стремится к всеобщему равновесию [1, с. 150].

Концептуальные схемы А. Смита и Д. Рикардо стали теоретическим и идеологическим обоснованием английской экономической политики. Великобритания первоначально утвердила свои абсолютные преимущества в индустриализации при помощи протекционистских мер, но впоследствии отменила меркантилистские торговые ограничения для поддержания экспорта своих промышленных товаров в обмен на импортное сырье и продовольствие. Наиболее значимыми вехами на пути утверждения Соединенным Королевством смитианской и рикардианской доктрины «free trade» стали: снятие английским

правительством в 1825 г. запрета на эмиграцию квалифицированных рабочих, отмена в 1842 г. эмбарго на вывоз из страны станочного оборудования, «обнуление» в 1846 г. тарифных ставок на ввоз сырья и продовольствия и отмена в 1849 г. навигационных актов. Данные мероприятия позволили промышленникам Великобритании удерживать конкурентные преимущества: в частности, отмена Хлебного закона в 1846 г. (англ. «Corn Law») позволила сохранить относительно низкие зарплаты английских рабочих за счет дешевого зерна – основы питания работников в то время, – наполнившего английские рынки. Основным бенефициаром политики свободной торговли оказалась Англия, мировой лидер в торговле продукцией обрабатывающей промышленности, на долю которой в 1860 г. приходилось почти 20% мирового промышленного производства, а в 1870 г. – 32% и 24% суммарного мирового экспорта [14, с. 36, 38, 39, 41].

Сложившиеся к началу XX в. международное разделение труда и неравновыгодный обмен, выраженный в росте разнообразия торгуемых товаров и услуг, между странами третьего мира (колониями, доминионами и протекторатами) и развитыми странами (метрополиями), а также утвердившееся положение капитала в качестве главного фактора производства потребовали нового логического обоснования экономической политики, не ограничивавшегося рикардианскими «необъяснимыми климатическими различиями», но сохраняющего классическое методологическое допущение о совершенной конкуренции [15, с. 21–22].

Запрос на обновление теории возник и под воздействием неблагоприятной экономической конъюнктуры Великой депрессии 1929–1939 гг. В самый разгар глобального экономического кризиса – с 1929 по 1932 г. – мировая торговля сократилась на 60%. Государства для защиты своих национальных рынков от последствий кризиса создали высокие таможенные барьеры, которые разрушали международную систему разделения труда и многосторонней торговли, ранее обеспечивавшую рост мирового хозяйства. Поскольку к 1929 г. США, Германия, Великобритания и Франция выпускали почти 70% мировой промышленной продукции и были ведущими мировыми импортерами, их нужно было убедить возвратиться к свободной торговле, от которой могли бы выиграть все развитые экономики [16, с. 106, 109, 110].

Теория, способная вернуть мировую экономику к состоянию относительной гармонии, была предложена Э. Хекшером (1919, 1933) и Б. Олиным (1933) в виде принципа, объясняюще-

го международное разделение труда и торговли неоднородной обеспеченностью различных стран производственными факторами: трудом и капиталом. Прибегая к математическим конструкциям и опираясь на концепцию альтернативных издержек, шведские ученые доказывали, что развитые страны, богатые капиталом, должны экспортировать капиталоемкую продукцию, а импортировать товары, создаваемые в основном за счет относительно дефицитного для них труда. Трудоизбыточные страны третьего мира должны вывозить трудоемкую продукцию, а ввозить капиталоемкую. Свободная торговля трудоемкими и капиталоемкими товарами заменила «классическую» неперемещаемость факторов производства между странами [2, 17]. Вывоз товаров, производство которых основано на относительно избыточных и дешевых факторах, снижает предложение данных факторов в странах-экспортерах. В то же время импорт товаров, производство которых требует значительного количества дефицитных и дорогостоящих факторов, компенсирует недостаточность этих факторов в странах-импортерах [17, с. 178]. С течением времени в условиях свободной торговли цены на факторы производства – факторные доходы – и национальные доходы стран сравниваются, и они придут к одному уровню хозяйственного благополучия [2, 17].

Обычно этим заканчивается разбор теории Хекшера – Олина. Реже упоминают о том, что Э. Хекшер считал: международная торговля может сохранить или даже увеличить неравенство в распределении доходов. Но только в сочетании с целенаправленным распределением дохода (т.е. с элементами государственного регулирования) свободная торговля представляет лучшую экономическую политику, поскольку создает возможность максимального удовлетворения человеческих желаний [2, с. 171, 173]. Утверждение же о том, что свободная торговля способствует выравниванию цен на факторы производства в различных странах, справедливо лишь «при прочих равных условиях» – если производство в рассматриваемых странах основано на одинаковых ресурсах и технологиях. Различия в технологии или в ресурсах, которые используются в одной отрасли для выпуска одинаковых или сходных товаров, а в других отраслях служат различным целям, ведут к дивергенции цен на факторы производства. На практике такие случаи не являются редкими: многие товары со сходными характеристиками производятся с использованием различных технологических процессов [2, с. 168; 17, с. 180].

Сложно оценить влияние теории Хекшера – Олина на преодоление последствий Великой

депрессии мировой экономики. Однако на развитие неоклассического «economics» научные идеи шведских ученых оказали масштабное воздействие. Большинство последующих статичных теорий международного разделения труда представляет собой модифицированные формализованные модели, выведенные из «теоремы» Хекшера – Олина.

Исследования шведских ученых сформировали устойчивый вектор, традицию современного неоклассического мейнстрима (стандартной экономической теории) – теоретико-методологическое доминирование формальной логики и математических доказательств. Обратной стороной такого методологического реформирования стал отказ от историко-описательного анализа реальных экономических процессов и явлений. Во многом это объясняется технической и инструментальной сложностью включения подобных причинно-следственных взаимосвязей в формальные математические модели, которые считаются у неоклассиков «вершиной фундаментальной экономической мысли». Придерживаясь подобных стереотипов в оценках исследовательской деятельности, приверженцы неоклассической либерально-экономической доктрины добровольно и неоднократно ограничивали развитие экономической мысли и возможность ее применения для объяснения реальных хозяйственных процессов.

Методологическое подчинение теории территориального разделения труда и международной торговли «изыскам» формально-математической логики утвердилось на хронологически очередном этапе ее развития, в 1940–1960-е гг., который завершился возникновением научного направления пространственной экономики, точнее, ее англосаксонской школы, выходом известных трудов У. Айзарда (1956, 1960) и П. Хаггета (1978) [18–20].

Наибольший вклад в развитие теории Хекшера – Олина внесли П. Самуэльсон, У. Столпер, А. Лернер, Р. Джонс, Г. Хаберлер и Т. Рыбчинский [3–5, 21–23]. Представления экономистов-неоклассиков о международных макроэкономических процессах того времени опирались на микроэкономические предпосылки о приоритетности обмена и извлечения максимальной полезности над разделением труда. Наиболее емко данные представления сформулировал Я. Тинберген: «...конечная цель всякой внешней торговли состоит в том, чтобы получить необходимые капитальные и потребительские товары с минимально возможными жертвами...» [24, с. 485].

Однако были и исключения из общего правила. В частности, В. В. Леонтьев считал эмпириче-

ски несостоятельной теорему Хекшера – Олина и отдавал предпочтение в анализе межстрановых макроэкономических процессов международному разделению труда, которое доминирует над торговлей (обменом) [25, с. 220].

Тем не менее, большинство исследователей международного разделения труда и торговли следовали в своих размышлениях необходимости обустройства идеального равновесного экономического мира в условиях глобальной гегемонии США. Международная макроэкономическая политика послевоенного западного мира требовала либерализации международной торговли, борьбы с протекционизмом и экономическим национализмом. Мощный подъем всей мировой экономики в 1950–1960-е гг. неоклассическая либеральная экономическая мысль ставила себе в заслугу за «обоснование и доказательство возможности данного хозяйственного всплеска». Именно в этот период основные нормативные допущения моделей «чистой» теории международной торговли стали наиболее далекими от экономической практики, которую частично отражали специальные позитивные оговорки, сделанные авторами.

Сложившаяся ситуация воплотилась в творчестве П. Самуэльсона, отца неоклассического синтеза. С помощью вновь введенных допущений: отказа от динамических эффектов делового цикла, от учета влияния совокупного спроса, замены анализа двух стран-участниц международной торговли анализом торговли одной страны и «остального мира», представления транспортных издержек в виде модели «айсберг», – П. Самуэльсон довел теорию международной торговли до «неоклассического совершенства» [22, с. 365, 376]. Предложенная теория описывала процесс движения товаров между странами аналогично процессу движения жидкости между сообщающимися сосудами. Помимо новых математических и геометрических компонентов теория Хекшера – Олина – Самуэльсона не принесла значимых эвристических и прогностических достижений. Иного исхода и не могло быть, поскольку сам П. Самуэльсон утверждал: «...набор идеализированных допущений [модели] представляется мне весьма удовлетворительным хотя бы по квазиэстетическим соображениям», которыми чаще всего и руководствовался представитель Чикагской экономической школы [26, с. 409].

В неоклассической экономике П. Самуэльсона так же, как и у его предшественников, цены на факторы производства выравниваются, «распрямляя» неравномерное распределение экономической активности. Понимая, что логика такой теории с трудом объясняет реальные

процессы международного разделения труда и мировой торговли и даже делает их невозможными в той форме, в которой они исторически существовали и существуют, П. Самуэльсон постоянно оговаривался и делал уступки экономической действительности. Американский ученый писал: «...выравнивание [цен] является лишь частичным, поскольку в противном случае мы столкнулись бы с противоречием – исчезли бы различия между странами в сравнительных издержках производства, что привело бы к прекращению торговли» [4, с. 189; 10, с. 80]. Жаль, что лауреат Нобелевской премии по экономике не развил свою мысль до теоретического завершения. Поскольку при отсутствии транспортных издержек и всеобщей равной цене на факторы производства не имел бы смысла вопрос об их оптимальном распределении в пространстве, и тогда неоклассика оказалась бы несостоятельной как научное направление.

Однако мир не стал экономически «плохим» не только из-за нежелания государств (национальных экономик) полностью снять тарифные ограничения, мешающие изящности либеральной экономической мысли [27]. Действовали и другие экономические факторы, которые с трудом поддаются формализации, в частности, исторический принцип случайности, согласно которому малейшее изначальное преимущество позволяет отдельному региону вырваться вперед в социально-экономическом развитии. Другая причина – «зависимость от пройденного пути». Часто регионы, вобравшие в себя значительные ресурсы, способны длительное время поддерживать свое хозяйственное благополучие, «замораживая» развитие окружающих периферийных территорий.

Формальные классические и неоклассические теории торговли обходили вниманием основной фактор неравномерного экономического развития – существование производственной деятельности с растущей отдачей от масштаба. По мнению П. Кругмана, главная причина такого пренебрежения кроется в инструментальной трудности математического анализа влияния возрастающей отдачи на рыночную структуру [28, с. 523]. Однако утверждение П. Самуэльсона о том, что «возрастающая отдача от масштаба связана с необратимой экономией издержек, которая вызывается расширением производства и экспериментированием и которая служит предлогом для оправдания протекционистской защиты “новорожденных отраслей”», дает повод говорить об идеологической установке на сознательное игнорирование неолиберальной экономической доктриной любых проявлений протекционизма [3, с. 218].

Ирония заключается в том, что на формирование международного разделения труда, мировой торговли и значительной части мировой экономики большее влияние оказали именно реально существующие отклонения от идеальных равновесных условий. Эти несовершенства, устойчивые во времени, делали экономически рациональными для стран всевозможные отступления от политики свободной торговли [5, с. 340]. В то же время идеальные постулаты «чистой неоклассической теории внешней торговли», антагонистичные несовершенствам реального мира, порожденные наперекор им, служили «научным» обоснованием либеральной международной экономической политики, которая так и не смогла справиться с неравномерным развитием стран, показав эффективность лишь в некоторых случаях.

Результаты

Историко-экономический анализ условий возникновения классических и неоклассических теорий мировой торговли и международного разделения труда и их интерпретация как первых концепций пространственной экономики позволяют сделать некоторые выводы относительно их места и роли в развитии экономической мысли.

Теории А. Смита, Д. Рикардо, Хекшера – Олина – Самуэльсона и основанные на них неоклассические модели содержат ряд нереалистичных допущений и нормативных компонентов. Это ограничивает их эвристическую значимость при отображении реальных экономических процессов и условий. П. Самуэльсон и Ж.-Ф. Тиссэ отмечали, что критика традиционной теории торговли и специализации исходит из того, что они пренебрегают ролью территории в экономике, сводя ее организацию к «точечной», «внепространственной» форме [7, с. 97; 26, с. 406].

Изначальный отказ от динамических изменений в классических моделях международной торговли впоследствии привел к тому, что неоклассическая экономическая теория полностью упразднила категорию времени. В «точечном» мире неоклассиков все события происходят одновременно, без какой-либо исторической очерченности. Достижимые статичные равновесные состояния, создающие иллюзию изменений, нормативно заданы заранее. Данная предопределенность демонстрирует отсутствие нерегулярной динамики и циклических колебаний экономики. Поэтому абсолютная мобильность ресурсов внутри страны – возможность производственных факторов мгновенно оказаться в любой точке национального пространства – ничем не отличается от нормативной предпосылки об их полной неподвижности на межстрановом уровне.

Вместе с тем рассмотренные теории являются ценными продуктами эволюции экономической мысли, которые можно изучать и в контексте истории развития мирового хозяйства. Принципы А. Смита, Д. Рикардо, модели Хекшера – Олина и Хекшера – Олина – Самуэльсона были серьезными и достойными попытками исследования распределения различных видов экономической активности в пространстве.

Список литературы

1. *Фенин К. В.* Интерпретация классических теорий территориально-отраслевого разделения труда и международной торговли // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 148–156. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-2-148-156.
2. *Хекшер Э. Ф.* Влияние внешней торговли на распределение дохода // Вехи экономической мысли : Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А. П. Киреева. М., 2006. С. 154–173.
3. *Самуэльсон П.* Еще раз о международном выравнивании цен факторов производства // Вехи экономической мысли : Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А. П. Киреева. М., 2006. С. 205–219.
4. *Столпер У., Самуэльсон П.* Протекционизм и реальная заработанная плата // Вехи экономической мысли : Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А. П. Киреева. М., 2006. С. 188–204.
5. *Хаберлер Г.* Некоторые теоретические проблемы международной торговли // Вехи экономической мысли : Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А. П. Киреева. М., 2006. С. 337–348.
6. *Минакир П. А.* Экономика и пространство (тезисы размышлений) // Пространственная экономика. 2005. № 1. С. 4–26.
7. *Тиссэ Ж.-Ф.* Забвение пространства в экономической мысли // Пространственная экономика. 2007. № 4. С. 88–104.
8. *Доманьский Р.* Экономическая география : динамический аспект. М., 2010. 376 с.
9. *Минакир П. А., Демьяненко А. Н.* Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32.
10. *Widodo T.* Comparative Advantage: Theory, Empirical Measures and Case Studies // Review of Economic and Business Studies. 2009. Iss. 4. P. 57–82.
11. *Ozawa T.* Professor Kiyoshi Kojima's Contributions to FDI Theory : Trade, Structural Transformation, Growth, and Integration in East Asia // The International Economy. The Journal of the Japan Society of International Economics. 2007. Vol. 11, № 1. P. 17–33.
12. *Киреев А. П.* Теории международной торговли XXI века // Экономическая школа : альманах. Т. 7. Международная экономика / отв. ред. А. П. Киреев, В. Д. Матвеевко. СПб., 2011. С. 7–30.
13. *Киреев А. П.* Puzzle Кругмана // Экономическая школа : альманах. Т. 7. Международная экономика / отв. ред. А. П. Киреев, В. Д. Матвеевко. СПб., 2011. С. 269–289.
14. *Мальцев Ал. А.* Международная торговля как объект эволюции классической школы политической экономии // Региональные исследования. 2012. № 2 (36). С. 36–43.
15. *Минакир П. А.* Экономический анализ и измерения в пространстве // Пространственная экономика. 2014. № 1. С. 12–39.
16. *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей : короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004. 632 с.
17. *Олин Б.* Межрегиональная и международная торговля // Вехи экономической мысли : Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А. П. Киреева. М., 2006. С. 174–187.
18. *Isard W.* Location and Space-Economy. A General Theory Relating to Industrial Location, Market Areas, Land Use, Trade, and Urban Structure. Cambridge, 1956. 370 p.
19. *Isard W.* Methods of Regional Analysis : An Introduction to Regional Science. Cambridge, 1960. 810 p.
20. *Haggett P.* The Spatial Economy // American Behavioral Scientist. 1978. Vol. 22, № 1. P. 151–167.
21. *Джонс, Р.* Соотношение между факторами теоремы Хекшера – Олина // Вехи экономической мысли : Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А. П. Киреева. М., 2006. С. 236–247.
22. *Самуэльсон П.* Проблема трансферта и транспортные издержки // Вехи экономической мысли : Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А. П. Киреева. М., 2006. С. 364–390.
23. *Рыбчинский Т.* Начальный запас факторов и относительные цены товаров // Вехи экономической мысли : Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А. П. Киреева. М., 2006. С. 231–235.
24. *Тинберген Я.* Предложения по поводу международной экономической политики // Вехи экономической мысли : Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А. П. Киреева. М., 2006. С. 475–487.
25. *Леонтьев В. В.* Внутреннее производство и внешняя торговля: новое исследование позиций американского капитала // Вехи экономической мысли : Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А. П. Киреева. М., 2006. С. 220–230.
26. *Самуэльсон П.* Цены факторов производства и товаров в состоянии общественного равновесия // Вехи экономической мысли : Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А. П. Киреева. М., 2006. С. 391–409.
27. Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию. М., 2009. 384 с.
28. *Кругман П.* Возрастающая отдача, монополистическая конкуренция и международная торговля // Вехи экономической мысли : Т. 6. Международная экономика / под общ. ред. А. П. Киреева. М., 2006. С. 523–532.

Образец для цитирования:

Фенин К. В. Эволюция классических и неоклассических теорий территориального разделения труда и международной торговли // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 267–274. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-267-274

The Evolution of Classical and Neoclassical Theories of Territorial Labor Division and International Trade

C. V. Fenin

Cyril V. Fenin, ORCID 0000-0003-1061-6602, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, fenin.kir@yandex.ru

Introduction. This article investigates stages of development of classical and neoclassical concepts of spatial economics. **Theoretical analysis.** The evolution of classical and neoclassical theories of the international division of labor and world trade reflected the objective historical conditions and tendencies: the global hegemony of Great Britain in the 19th century, the consequences of the Great Depression of 1929–1933, the global hegemony of the United States after World War II. The ignoring of dynamic changes of economy in classical and neoclassical theories of intercountry labor division is the investigations of their initial theoretical and methodological premises: models of the perfect competition, decreasing or constant return from scale, domination of formal and mathematical logic, lack of mobility of factors of production. **Results.** Smith, Ricardo, Heckscher – Olin, and Samuelson's theories were serious and worthy attempts of a research of distribution of different types of economic activity in space. These theories are valuable products of evolution of an economic thought for studying in the context of history of development of the world economy.

Key words: classical and neoclassical theories, international trade, division of labor, spatial economics, economic conjuncture.

References

1. Fenin C. V. New Interpretation of the Classical Interregional and International Trade Theories: Economic Logic vs the Economy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 148–156 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-2-148-156.
2. Heckscher E. F. The effects of foreign trade on the distribution of income. In: *Vekhi ekonomicheskoi mysli: T. 6. Mezhdunarodnaia ekonomika* [Milestones of an economic thought: Vol. 6. International economy. By total ed. A. P. Kireev]. Moscow, 2006, pp. 154–173 (in Russian).
3. Samuelson P. International Trade and the Equalization of Factor Prices. In: *Vekhi ekonomicheskoi mysli: T. 6. Mezhdunarodnaia ekonomika* [Milestones of an economic thought: Vol. 6. International economy. By total ed. A. P. Kireev]. Moscow, pp. 205–219 (in Russian).
4. Stolper W., Samuelson P. Protection and real wages. In: *Vekhi ekonomicheskoi mysli: T. 6. Mezhdunarodnaia ekonomika* [Milestones of an economic thought: Vol. 6. International economy. By total ed. A. P. Kireev]. Moscow, 2006, pp. 188–204 (in Russian).
5. Haberler G. The theory of international trade. In: *Vekhi ekonomicheskoi mysli: T. 6. Mezhdunarodnaia ekonomika* [Milestones of an economic thought: Vol. 6. International economy. By total ed. A. P. Kireev]. Moscow, 2006, pp. 337–348 (in Russian).
6. Minakir P. A. Economy and space (theses of reflections). *Prostranstvennaia ekonomika* [Spatial economics], 2005, no. 1, pp. 4–26 (in Russian).
7. Thisse J.-F. L'oubli de l'espace dans la pensée économique. *Prostranstvennaia ekonomika* [Spatial economics], 2007, no. 4, pp. 88–104 (in Russian).
8. Domański R. *Geografia ekonomiczna: ujęcie dynamiczne*. Warszawa, 2006. 376 p. (Russ. ed.: Domański R. *Ekonomicheskaiia geografiia: dinamichekii aspekt*. Moscow, 2010. 376 s.).
9. Minakir P. A., Demianenko A. N. Spatial Economics: Evolution of Approaches and Methodology. *Prostranstvennaia ekonomika* [Spatial economics], 2010, no. 2, pp. 6–32 (in Russian).
10. Widodo T. Comparative Advantage: Theory, Empirical Measures and Case Studies. *Review of Economic and Business Studies*, 2009, iss. 4, pp. 57–82.
11. Ozawa T. Professor Kiyoshi Kojima's Contributions to FDI Theory: Trade, Structural Transformation, Growth, and Integration in East Asia. *The International Economy. The Journal of the Japan Society of International Economics*, 2007. Vol. 11, no 1, pp. 17–33.
12. Kireev A. P. Theories of international trade of the XXIst century. In: *Ekonomicheskaiia shkola: al'manakh. T. 7. Mezhdunarodnaia ekonomika* [The School of Economics. Almanac. Vol. 7. International Economics. Ans. ed. A. P. Kireev, V. D. Matveenko]. St. Petersburg, 2011, pp. 7–30 (in Russian).
13. Kireev A. P. Puzzle Krugmana [Krugman's Puzzle]. In: *Ekonomicheskaiia shkola: al'manakh. T. 7. Mezhdunarodnaia ekonomika* [The School of Economics. Almanac. Vol. 7. International Economics. Ans. ed. A. P. Kireev, V. D. Matveenko]. St. Petersburg, 2011, pp. 269–289 (in Russian).
14. Maltsev A. A. International Trade as the Subject of Classical School of Political Economy Evolution. *Regional'nye issledovaniia* [Regional research], 2012, no. 2 (36), pp. 36–43 (in Russian).
15. Minakir P. A. Economic Analysis and Measurements: spatial case. *Prostranstvennaia ekonomika* [Spatial economics], 2014, no. 1, pp. 12–39 (in Russian).
16. Hobsbawn E. *Age of Extremes: The Short Twentieth Century (1914–1991)*. London, Abacus, 1995. 627 p. (Russ. ed.: Hobsbawn E. *Epokha krainostei: korotkiy dvadtsatyi vek (1914–1991)*. Moscow, 2004. 632 s.).
17. Ohlin B. Interregional and international trade. In: *Vekhi ekonomicheskoi mysli: T. 6. Mezhdunarodnaia ekonomika* [Milestones of an economic thought: Vol. 6. International economy. By total ed. A. P. Kireev]. Moscow, 2006, pp. 174–187 (in Russian).
18. Isard W. *Location and Space-Economy. A General Theory Relating to Industrial Location, Market Areas, Land Use, Trade, and Urban Structure*. Cambridge, 1956. 370 p.
19. Isard W. *Methods of Regional Analysis: An Introduction to Regional Science*. Cambridge, 1960. 810 p.
20. Haggett P. The Spatial Economy. *American Behavioral Scientist*, 1978, vol. 22, no. 1, pp. 151–167.
21. Jones R. Factor proportion and the H-O theorem. In: *Vekhi ekonomicheskoi mysli: T. 6. Mezhdunarodnaia ekonomika* [Milestones of an economic thought:

- Vol. 6. International economy. By total ed. A. P. Kireev]. Moscow, 2006, pp. 236–247 (in Russian).
22. Samuelson P. The transfer problem and transport costs. In: *Vekhi ekonomicheskoi mysli: T. 6. Mezhdunarodnaia ekonomika* [Milestones of an economic thought: Vol. 6. International economy. By total ed. A. P. Kireev]. Moscow, 2006, pp. 364–390 (in Russian).
23. Rybczybski T. Factor Endowment and relative commodity prices. In: *Vekhi ekonomicheskoi mysli: T. 6. Mezhdunarodnaia ekonomika* [Milestones of an economic thought: Vol. 6. International economy. By total ed. A. P. Kireev]. Moscow, 2006, pp. 231–235 (in Russian).
24. Tinbergen J. Shaping the world economy. In: *Vekhi ekonomicheskoi mysli: T. 6. Mezhdunarodnaia ekonomika* [Milestones of an economic thought: Vol. 6. International economy. By total ed. A. P. Kireev]. Moscow, 2006, pp. 475–487 (in Russian).
25. Leontief W. Domestic production and foreign trade. In: *Vekhi ekonomicheskoi mysli: T. 6. Mezhdunarodnaia ekonomika* [Milestones of an economic thought: Vol. 6. International economy. By total ed. A. P. Kireev]. Moscow, 2006, pp. 220–230 (in Russian).
26. Samuelson P. Prices of factors and goods in general equilibrium. In: *Vekhi ekonomicheskoi mysli: T. 6. Mezhdunarodnaia ekonomika* [Milestones of an economic thought: Vol. 6. International economy. By total ed. A. P. Kireev]. Moscow, 2006, pp. 391–409 (in Russian).
27. *World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography*. Washington DC, The World Bank, 2009. 383 p. (Russ. ed.: *Doklad o mirovom razvitiu 2009. Novyi vzgliad na ekonomicheskuiu geografiiu*. Moscow, 2009. 384 s.).
28. Krugman P. Increasing returns, monopolistic competition and international trade. In: *Vekhi ekonomicheskoi mysli: T. 6. Mezhdunarodnaia ekonomika* [Milestones of an economic thought: Vol. 6. International economy. By total ed. A. P. Kireev]. Moscow, 2006, pp. 523–532 (in Russian).

Cite this article as:

Fenin C. V. The Evolution of Classical and Neoclassical Theories of Territorial Labor Division and International Trade. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 267–274 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-267-274

УДК 331.52

МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ ДОЛИ ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

О. В. Сенокосова

Сенокосова Ольга Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Senoolga@yandex.ru

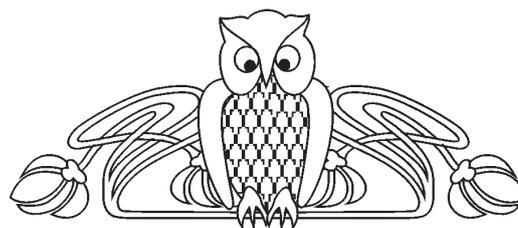
Введение. Изменение численности населения является актуальным направлением исследований не только экономистов, но и социологов, политологов, психологов. В статье приводятся авторские результаты моделирования населения Саратовской области трудоспособного возраста. **Теоретический анализ.** Для экономики Саратовского региона необходим анализ использования трудовых ресурсов с целью проведения грамотной политики. Численность населения области показывает отрицательную динамику, что в целом сказывается не только на численности трудовых ресурсов, но и на региональных макроэкономических показателях и рынке труда. **Эмпирический анализ.** Политика развития экономики Саратовской области и в целом России нацелена на изменение границ трудоспособного населения, в связи с чем в статье моделируются варианты с изменением верхней и нижней границ трудоспособного возраста. Использование результатов данного исследования показывает, насколько необходимы такие изменения и насколько они возможны в настоящее время. **Результаты.** Расчеты модели показали, что в Саратовской области сложная демографическая ситуация, требующая разработки и проведения, соответствующих мер, направленных на сохранение населения трудоспособного возраста. Изменение верхних границ трудоспособного возраста негативно сказывается на экономическом развитии области.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, рынок труда, трудоспособное население, границы трудоспособного возраста, численность трудоспособного населения.

DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-275-280

Введение

Рассматривая экономическое развитие страны и регионов, необходимо обращать внимание на главный ресурс – человеческий, который в условиях инновационного развития приобретает большую значимость. В периодических изданиях и в обращении Президента РФ актуальность вопросов демографической нагрузки, формирование пенсий, трудоспособного населения растет. В Концепции демографической политики РФ до 2025 г. поставлена цель увеличения численности населения. Применяются различные меры, способствующие его росту, но численность населения в целом в экономике не дает четкой картины эффективного использования челове-

ческого ресурса. Рациональное использование трудоспособного населения на протяжении нескольких десятилетий оставалось актуальным направлением не только для областей и регионов, но и в целом для России. По данным Всемирного банка, в развитых странах человеческие ресурсы составляют большую долю всего национального богатства. От государственной политики зависит современное направление эффективного использования трудовых ресурсов. Перспективы экономического развития Саратовского региона определяются интеллектуальными и физическими способностями человека, возможностями их реализации, общим культурным и образовательным уровнем населения. В последние годы Саратовская область регулярно попадает в перечень регионов страны с неблагоприятной демографической ситуацией. Хотя такие процессы затрагивают не только Саратовскую область, они характерны в целом для России. В данной статье внимание будет обращено на динамику трудоспособного населения Саратовского региона в соответствии с официальными рамками отнесения населения к трудоспособному возрасту в России и моделированию численности населения с учетом изменения верхних и нижних границ трудоспособного возраста.

Теоретический анализ

Вопросам демографической ситуации, эффективного использования экономически активного населения, вовлечения в трудовой процесс неактивного населения, миграционным процессам уделяется большое внимание в России, и отражение они находят на уровне регионов. Принятая и реализуемая программа в Саратовской области, которая несколько лет осуществляется в рамках государственной политики, направлена на увеличение продолжительности жизни, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, сохранение и укрепление здоровья населения, регулирование внутренней и внешней миграции. Динамика изменения численности трудоспособного населения в России по регионам совпадает с общероссийскими тенденциями, и в незначительной степени локально проявляются отличия.

По официальным данным Росстата, увеличение численности населения в России начинается

с 2010 г., но естественный прирост проявляется с 2013 г. Естественный прирост населения России оставался высоким – более 1% в год – до середины 1960-х гг. (исключая годы войн и голод 1932–1933 гг.). Затем он стабилизировался на уровне 0,5–0,7%. В течение примерно 30 лет естественный прирост сочетался с миграционной убылью населения (за счет превышения числа выбывавших из России в другие союзные республики СССР над числом въезжавших в нее оттуда), что не мешало довольно быстрому росту населения. С середины 1970-х гг. население увеличивалось за счет как естественного, так и миграционного прироста, который, как правило, не превышал 1/4 общего прироста. Начиная с 1992 г. в условиях естественной убыли населения миграция стала единственным источником роста его численности, недостаточным, однако, необходимой для компенсации естественной убыли населения [1].

Анализируя статистические данные потенциала воспроизводства населения без учета миграции, в большинстве регионов РФ также наблюдается убыль населения, его старение и

сокращение численности в экономически активных возрастах. Если ситуация на региональном уровне не изменится, то в целом ситуация в стране станет критичной. Проблема сокращения численности населения поднимается не только экономистами, но и социологами и политологами, с различных сторон теоретически рассматриваются варианты решения проблемы, используется и метод моделирования численности населения различными способами. Подходы к прогнозированию и моделированию в науке также различны, часто существуют значительные расхождения между прогнозами и оценками перспективной численности населения, например, между Росстатом, отделом народонаселения и Бюро censов. Теоретически составленные внутристрановые прогнозы схожи лишь по глобальным национальным тенденциям – старению населения, сокращению населения в трудоспособном возрасте. В последнее время можно встретить три варианта прогноза: низкий, средний и высокий. За основу в исследовании берем низкий вариант прогноза динамики населения России (таблица).

Низкий вариант прогноза динамики населения России с 2018 по 2036 г. [2]

A low variant of the forecast of the dynamics of the population of Russia from 2018 to 2036 [2]

Годы	Население на начало года	Изменения за год		
		общий прирост	естественный прирост	миграционный прирост
2018	146 799,1	-50,4	-190,5	140,1
2019	146 748,7	-199,8	-324,7	124,9
2020	146 548,9	-283,6	-398,7	115,1
2021	146 265,3	-354,4	-462,4	108,0
2022	145 910,9	-418,9	-522,9	104,0
2023	145 492,0	-478,7	-580,7	102,0
2024	145 013,3	-534,2	-635,1	100,9
2025	144 479,1	-581,4	-681,9	100,5
2026	143 897,7	-623,9	-723,9	100,0
2027	143 273,8	-658,0	-758,0	100,0
2028	142 615,8	-684,5	-784,4	99,9
2029	141 931,3	-706,4	-806,4	100,0
2030	141 224,9	-727,1	-827,2	100,1
2031	140 497,8	-744,2	-844,2	100,0
2032	139 753,6	-754,2	-854,2	100,0
2033	138 999,4	-756,8	-856,8	100,0
2034	138 242,6	-756,1	-856,1	100,0
2035	137 486,5	-756,6	-856,6	100,0

По данным прогноза, к 2030 г. рабочая сила существенно изменится не только в количественном, но и в качественном измерении. Вызванное, таким образом, сокращение занятости станет

большой проблемой для рынка труда, поэтому рассматривается изменение структуры занятости посредством различных вариантов моделирования населения.

Исходя из результатов моделирования численности населения России, в ближайшее время следует ожидать серьезного снижения предложения труда на рынке труда, что предполагает создание грамотной государственной политики по управлению и эффективному использованию трудоспособного населения. Исследователи ВШЭ определяют три группы возможностей выхода из сложной ситуации на рынке труда. Первый путь предполагает увеличение производительности труда путем модернизации и технологического обновления всей производственной сферы, второй – повышение уровня экономической активности населения, снижение безработицы, увеличение продолжительности рабочего времени и т.д., третий путь затрагивает миграционные процессы [1].

Существует мнение, что уровень занятости увеличится в случае, если расширить границы трудоспособного возраста через верхние или нижние параметры, изменится демографическая нагрузка, изменение произойдет в структуре занятого населения. В последнее время остры дискуссии о поднятии/снижении пенсионного возраста, плавно, планомерно, ведущего за собой массу социальных и экономических проблем.

Величина трудовых ресурсов, конечно, зависит от установленных возрастных границ – верхнего и нижнего уровней трудоспособного возраста, от доли трудоспособных среди населения трудоспособного возраста, от численности участвующих в общественном труде из лиц за пределами трудоспособного возраста, но не определяет численности, это лишь институционально закрепленные границы, в рамках которых население может выходить на рынок труда, а может не выходить.

Правительство РФ, рассматривая вопрос о повышении пенсионного возраста, исходит из того, что население соответствующих возрастов остаются на рынке труда после выхода на пенсию или планируют еще несколько лет работать. Согласно такому подходу, занятость пенсионеров увеличится после расширения границ трудоспособного возраста, так как произойдет смещение занятости от неполной, сезонной или временной к полной занятости. Однако на практике ситуация отлична, особенно в регионах России. Согласно статистике, занятость населения в пенсионном возрасте, по данным 2016–2017 гг., составляет 20–32% по России и 12,1% по Саратовской области [3].

Изменение границ трудоспособного возраста в России связано в большей степени не с изменением уровня занятости по возрастной струк-

туре населения, не с проблемами рынка труда, а в большей мере со стабилизацией пенсионной системы, исполнением социальных обязательств государства. Численность трудоспособного населения мы рассматриваем как важное звено в социально-экономических отношениях как в стране, так и в регионе, которое может существенно повлиять на экономическое развитие, усиливая структурные диспропорции на рынке труда, диспропорции в структуре подготовки кадров, дефицит рабочей силы. Рассмотрим, возможно ли расширение границ трудоспособного возраста на примере численности населения Саратовской области.

Эмпирический анализ

Демографическая половозрастная пирамида Саратовской области не является сглаженной из-за присутствия поколений более многочисленных (50-х, 80-х гг.) и менее многочисленных (60-х, 90-х гг.). Различия в численности возрастных когорт определяют современный процесс воспроизводства.

В целом динамика изменения численности рабочей силы в Саратовской области не отлична от других областей Приволжского федерального округа.

В последнее время в Саратовском регионе на фоне снижения общей численности населения наблюдается снижение населения в трудоспособном возрасте и незначительное увеличение доли лиц старше трудоспособного возраста.

До 2002 г. не найдено данных о численности населения Саратовской области в трудоспособном возрасте (рис. 1).

Несмотря на то, что границы трудоспособного возраста, как правило, носят подвижный характер, определяться они должны с учетом социально-экономических условий, физиологических особенностей населения региона.

Изменение границ трудоспособного возраста в целом более 30 лет остается на одном уровне, но и с осторожностью, на наш взгляд, следует подходить к их изменению (данные за 1929–1945 гг. взяты из [4]) (рис. 2).

На протяжении долгого времени верхняя граница экономически активного населения находилась на отметке 72 года, но в связи с переходом на новые стандарты Международной организации труда с 2017 г. верхняя граница не может быть четко обозначенной. Считаться будет экономически активным все работающее население вне зависимости от возраста. Но границы возраста выхода на пенсию пока остаются прежними: женщины – 55 лет, мужчины – 60 лет [5], исключение составляют госслужащие –

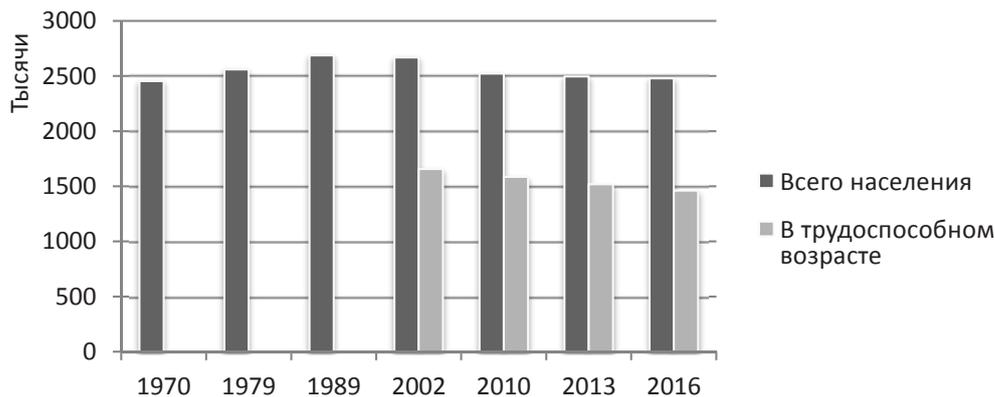

Рис. 1. Численность населения Саратовской области в 1970–2016 гг. [3]

Fig. 1. The population of Saratov region in 1970–2016 [3]

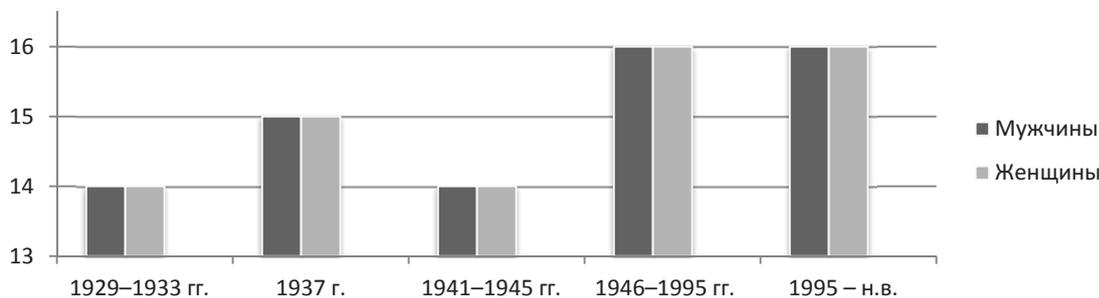

Рис. 2. Нижняя граница трудоспособного возраста в России

Fig. 2. The lower bound of working age in Russia

63 года и не имеющим трудового стажа – женщины – 60 лет, мужчины – 65 лет (получение социальной пенсии).

В связи с реформированием пенсионной системы границы предлагается изменить в двух направлениях: возможно, снизить или увеличить нижнюю границу выхода на работу и/или увеличение верхней границы трудоспособного возраста, как это сделали многие страны.

На примере Саратовской области с помощью метода передвижки возрастов были смоделированы ситуации: первый вариант – с изменением верхней границы трудоспособного возраста – до 63 лет и у мужчин, и у женщин, а также второй вариант, который предполагает увеличение нижней границы возраста – до 18 лет, поскольку именно с этого возраста происходит реальное трудоустройство молодежи на рынке труда, как считают некоторые.

Суть метода заключается в том, что каждый год население возраста x переходит в возрастную категорию возраста $x+1$ с учетом коэффициента смертности для данной возрастной группы. Кроме того, численность возрастной группы изменяется за счет миграционного прироста для этой группы. В основу моделирования взяты данные по Саратовской области за 2016 г., и прогнозируется

численность населения до 2040 г., т.е. необходимо посмотреть ситуацию за 24 года. Для прогнозирования динамики структуры населения методом передвижки возрастов необходимо знать функции смертности, рождаемости и миграционного прироста. Оценка этих функций проводилась по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Миграционные изменения взяты условно, исходя из среднего значения прибытия и убытия населения за последние три года, и считались неизменными на протяжении всего прогнозируемого периода.

Вариант 1. Изменением верхней границы трудоспособного возраста – до 63 лет и у мужчин, и у женщин.

Прогноз показал снижение численности трудоспособного населения на 1,46%, т.е. с учетом изменения границ трудоспособного возраста в Саратовской области, которое будет дифференцировано по полу и возрасту. Необходимо учитывать и то положение, о котором говорится в Концепции социально-экономического развития РФ до 2020 г., что может в перспективе привести к росту коэффициента смертности в пожилых возрастах. Изменения в демографической структуре населения приведут к росту демографиче-

ской нагрузки на трудоспособных. Следует также учесть, что в исследуемом анализе население не ранжируется на городское и сельское, хотя данные показывают значительное уменьшение населения сельской местности.

Вариант 2. Увеличение нижней границы возрастов до 18 лет.

В целом расчеты подтвердили и всеобщую тенденцию прогнозов относительно того, что произойдет увеличение численности 20-летних примерно до 2035 г., для Саратовской области хоть и незначительное (1,2%), но обнадеживающее. Хотя население в возрасте 30 лет и старше уже в 2020-х гг. сократится на 8,9% в Саратовской области, а это значит, что население в трудоспособном возрасте сократится примерно на 2,4%. Несмотря на принимаемые меры Правительством РФ, сокращение трудоспособного населения требуют тщательного анализа. С учетом того, что в модели была взята за константу численность мигрантов, возможно, положение будет иным, если ключевую роль отвести миграционным потокам.

Второе не менее актуальное направление исследования демографической ситуации – старение населения и нагрузка на трудоспособное население, реформирование пенсионной системы. В России и в Саратовской области процесс старения населения наблюдается давно, несмотря на попытки изменить структуру населения.

По данным переписи населения можно наблюдать динамику этих изменений. В демографии принято выделять старение сверху и старение снизу, наши расчеты показали, что если рассматривать расчеты старения сверху, то значение по Саратовской области получается 22,5%, что в соответствии со шкалой демографического старения Ж. Боже-Гарнье – Э. Росета означает очень высокий уровень демографической старости. В России критерием измерения старения населения принято считать возраст 60 лет и старше. Для расчета был взят именно этот критерий.

Подсчеты по шкале старения снизу показали 15,8%, по данным Саратовской области, что по шкале демографического старения ООН также означает высокий уровень демографической старости. Как известно, старение населения имеет не только социальные, но и экономические последствия, прежде всего увеличение нагрузки на пенсионные фонды при сокращении доли работоспособного населения.

Результаты

Несмотря на то, что приводится много доводов о повышении верхней границы трудоспособного возраста, как правило, рассматриваемое в последнее время как границы возраста выхода на пенсию, оно таит в себе множество экономиче-

ских и социальных проблем. В Саратовской области 12,1% работающих пенсионеров невозможно принимать за критерий, позволяющий увеличить верхнюю границу возраста. Исследования за рамками данной статьи показывают, что занятость пенсионеров является вынужденной по причине недостатка денежных средств у населения, ростом цен на продукты и лекарства, а не самостоятельным желанием иметь рабочее место. В целом экономическая ситуация на рынке труда показывает, что даже в случае повышении верхней границы трудоспособного возраста спрос на труд падает на категорию от 18–25 лет до 30–42 лет, а население пенсионного возраста не имеет высокого спроса со стороны работодателей, несмотря на высокий образовательный уровень. Следовательно, в целом занятость населения не увеличится.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что без соответствующих принятых мер изменение границ трудоспособного возраста населения в Саратовской области пока невозможно. Предусмотренный в региональных программах комплекс мер, направленный на рост продолжительности здоровой жизни, профилактики болезней способен сдержать высокие темпы сокращения численности населения в трудоспособном возрасте. Минимизировать потери населения трудоспособного возраста в Саратовской области возможно путем грамотного увеличения миграционных потоков трудоспособного возраста, с помощью других мер по снижению смертности, старения населения, вовлечению трудоспособного населения в экономически активное население. Рассчитывать экономический эффект от экономии бюджетных средств на пенсионные отчисления и эффект от вклада занятого населения в ВВП и ВРП необходимо с учетом сложившейся ситуации в России и в регионах.

Список литературы

1. Население России до 2030 г. : демографические и функциональные прогнозы. URL: <https://www.hse.ru/data/2013/07/31/1288283829/glava1.pdf> (дата обращения: 26.05.2018).
2. Изменение численности населения по вариантам прогноза // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области : [сайт]. URL: <http://srtv.gks.ru> (дата обращения: 26.05.2018).
3. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области : [сайт]. URL: <http://srtv.gks.ru> (дата обращения: 26.09.2017).
4. Центр управления финансами : [сайт]. URL: <http://center-yf.ru> (дата обращения: 12.08.2017).
5. Социально-демографический портрет России : по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. М., 2012. 183 с.

Образец для цитирования:

Сенокосова О. В. Моделирование динамики доли трудоспособного населения в Саратовской области // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 275–280. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-275-280

Modeling the Dynamics of the Share of the Working-age Population in the Saratov Region

O. V. Senokosova

Olga V. Senokosova, ORCID 0000-0002-3201-0903, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, Senoolga@yandex.ru

Introduction. The population change is an actual direction of research not only for economists, but also for sociologists, political scientists, and psychologists. The author presents the author's results of modeling the population of the Saratov region of working age. **Theoretical analysis.** For the economy of the Saratov region, it is necessary to analyze the use of labor resources in order to carry out literate policies. The population of the region shows a negative dynamics, which in general affects not only the number of labor resources, but also the regional macroeconomic indicators and the labor market. **Empirical analysis.** The policy of economic development of the Saratov region and Russia as a whole is aimed at changing the boundaries of the able-bodied population, in this connection, the article models variants with changing upper and lower boundaries of working age. The use of the results of this study shows how much such changes are needed, and to what extent, they are possible at the present time. **Results.** Calculations of the model showed that in the Saratov region a complex demographic situation that requires the development and implementation of appropriate measures aimed at preserving the working-age population. Change in the upper limits of working age adversely affects the economic development of the region.

Key words: labor resources, labor market, able-bodied population, working age boundaries, number of able-bodied population.

References

1. *Naselenie Rossii do 2030 g.: demograficheskie i funktsional'nye prognozy* (Population of Russia before 2030: demographic and functional forecasts). Available at: <https://www.hse.ru/data/1288283829/glava1.pdf> (accessed 26 May 2018) (in Russian).
2. Change of population by versions of the forecast. *Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Saratovskoi oblasti* (Territorial Agency of Federal State Statistics Service in Saratov Region. Site). Available at: <http://srtv.gks.ru> (accessed 26 May 2018) (in Russian).
3. *Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Saratovskoi oblasti* (Territorial Agency of Federal State Statistics Service in Saratov Region. Site). Available at: <http://srtv.gks.ru> (accessed 26 September 2017) (in Russian).
4. Tsentral'noye upravleniye finansami (The Center Financial Management). Available at: <http://center-yf.ru> (accessed 12 August 2017) (in Russian).
5. *Sotsial'no-demograficheskiy portret Rossii: po itogam Vserossiyskoi perepisi naseleniya 2010 goda* [Socio-demographic portrait of Russia: according to the results of the All-Russia population census of 2010]. Moscow, 2012. 183 p. (in Russian).

Cite this article as:

Senokosova O. V. Modeling the Dynamics of the Share of the Working-age Population in the Saratov Region. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 275–280 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-275-280

УДК 330.341

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ МОНЕТАРНЫХ ФАКТОРОВ ИНВЕСТИЦИОННОГО СПРОСА И ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКОНОМИКИ

Ю. Ю. Розенталь

Розенталь Юлиана Юрьевна, аспирант кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Juliana070587@rambler.ru

Введение. Потрясения, произошедшие в 2014 г. на финансовых рынках страны, породившие современный кризис, привели к пониманию решающей роли поведения финансового сектора в определении экономической динамики. Экономическая политика, долгое время проводившаяся в нашей стране, лишь номинально имевшая верные стратегические цели, вызвала стагнацию за счет средств, которыми она была реализована. Выбранная модель привела к развалу производства, снижению эффективности экономики, значительным экономическим потерям и дополнительным расходам государства на смягчение негативных последствий экономической динамики. **Теоретический анализ.** Методология исследования основана на принципах системного анализа. **Эмпирический анализ.** При проведении исследования использованы: статистический, корреляционный и факторный анализ; эмпирико-теоретический, сравнительный, методы исследования, метод синтеза теоретического и практического материала. **Результаты.** Исследование подтверждает, что для обеспечения устойчивого развития инвестиционных отношений необходимы монетарное стимулирование инвестиционного спроса и формирование эффективной государственной экономической политики стимулирования инвестиций.

Ключевые слова: инвестиционный спрос, инвестиционное предложение, инвестиции, монетарная теория, монетарная политика.

DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-281-290

Введение

В статье проводится анализ показателей инвестиционной активности, отражающих воздействие монетарных факторов, обосновывается необходимость стимулирования инвестиционного спроса в современной отечественной экономике, акцентируется внимание на оценке влияния монетарных факторов на экономическую активность. Ключевая роль в современной парадигме экономического развития отводится инвестиционному спросу.

Очевидны такие негативные результаты проводимой экономической политики, как снижение устойчивости экономики, повышение уровня зависимости от иностранных капиталов, технологий, а также продукции, вследствие чего стало невозможным оперативное достижение

целей импортозамещения. В этой связи особую значимость имеет изучение вопросов взаимосвязи монетарных факторов инвестиционного спроса с эффективностью функционирования экономической системы.

Эмпирический анализ воздействия монетарных факторов на инвестиционное поведение субъектов экономики является важной задачей, поскольку позволяет прогнозировать результативность принимаемых инвестиционных решений и оценить мультипликативный эффект на разных этапах инвестирования.

Теоретический анализ

Понимание трансмиссионного механизма монетарной политики разнообразно, что обусловлено различием подходов в исследовании формирования макроэкономического равновесия.

Дж. Кейнс в своей работе «Общая теория занятости, процента и денег» утверждал, что уровень инвестиций определяется предельной эффективностью капитала [1]. Дж. Кейнс, исследуя взаимосвязь инвестиций и экономического роста, открыл мультипликативный эффект исследуемого взаимодействия – «мультипликатор инвестиций». Суть данного эффекта заключается в том, что рост плановых инвестиций ведет к росту производства продукции, причем в большем объеме, чем объем инвестированных средств.

Основной идеей последователя Дж. Кейнса, Е. Домара, является утверждение о двойственной роли инвестиций – их значимости, во-первых, в увеличении совокупного спроса, а, во-вторых, в расширении производственных мощностей и увеличении совокупного предложения за определенный временной лаг [1].

Согласно теории Е. Домара, инвестиции создают производственные мощности и генерируют добавочный доход. Ключевым вопросом в данной теории является темп роста инвестиций, при котором темп прироста мощностей совпадет с темпом прироста дохода.

Дж. Хикс в своей модели в качестве эндогенных переменных, воздействующих на инвестиции, использует уровень национального дохода и ставку процента. Остальные факторы,

воздействующие на инвестиции, учитываются в качестве экзогенных переменных.

По мнению Ф. Хайека, «обмеление» капитала, т.е. снижение запаса капитала, перекрывает инвестиционный спрос на «углубление капитала» (на капитальные блага), обусловленный ростом потребительского спроса – спрос на большее количество точно таких же машин, как и раньше, и совокупный инвестиционный спрос сокращается.

Кейнсианцы видели неубедительность концепции Хайека в том, что она неадекватно отражает реальные факторы сдвигов в капиталобразовании, поскольку преувеличивает степень легкости перемещения ресурсов предпринимателями и гипертрофирует монетарные причины цикличности.

Главный теоретик современного монетаризма М. Фридмен сделал вывод о том, что от темпов роста денежной массы зависит последующее наступление той или иной фазы делового цикла. В частности, нехватка денег выступает главной причиной возникновения депрессии.

Монетаристы указывали на взаимосвязь между изменением количества денег и циклическим развитием хозяйства, считая, что необходимым условием сбалансированного развития является стабильность денежного обращения, цен. Главным ориентиром денежно-кредитной политики, по их мнению, становится объем предложения денег. Монетарное правило М. Фридмена предполагает строго контролируемое увеличение денежной массы в обращении – в пределах 3–5% в год. Именно такой прирост денежной массы активизирует деловую активность в экономике [2].

Результаты исследований, выполненных Н. Д. Кондратьевым, показали, что условиями возобновления экономического роста, преодоления понижательных тенденций в экономике являются: привлечение свободного капитала в производство, в развитие новой технологической базы, реорганизация производственных отношений, расширение мировых экономических связей, формирование финансово-промышленных групп, изменение денежного обращения.

Согласно концепции неоклассиков, участники рынка осуществляют инвестирование с целью достижения оптимального размера капитала, обеспечивающего существующей технологии максимальную эффективность.

В исследовании Ф. С. Картаева сделан вывод о позитивном влиянии ослабления курса рубля на объем выпуска. Ф. С. Картаев в своей работе, основываясь на статистических данных 1998 и

2008–2009 гг., сделал вывод о стимулирующем воздействии на реальный ВВП России уменьшения курса национальной валюты. В частности, им отмечено, что ослабление курса рубля на 1% приводит к увеличению реального ВВП при прочих равных условиях на 0,66% [3].

Теоретическое обоснование ускорения изменений объема инвестиций в результате обесценения национальной валюты впервые было дано Р. Дорнбушем [4].

В соответствии с моделью заимствования технологий С. Ребело, обесценение национальной валюты является причиной удорожания иностранных технологий, а также снижения эффективности соответствующего вида инвестиций, негативно сказывающегося на совокупном выпуске [5].

П. Агийон в своей работе указывает на сложности частного сектора в обслуживании долга в условиях высокого объема задолженности в иностранной валюте, являющиеся причиной падения совокупного спроса и равновесного выпуска [6].

Эмпирический анализ

Инвестиционный спрос – это важнейший элемент инвестиционных отношений, представляющий собой платежеспособную потребность, выражающуюся в готовности и способности экономических субъектов к созданию условий для воспроизводства и накопления капитала.

Увеличение спроса стимулирует экономический рост, является его движущей силой, обуславливающей дополнительную потребность в инвестициях в условиях благоприятного инвестиционного климата, дающего возможность использования капитала внутри страны на условиях не менее прибыльных и стабильных, нежели при его «бегстве» за границу.

Ключевая роль инвестиционного спроса в функционировании экономики и обеспечении экономического роста раскрывается в действии мультипликативно-акселеративного механизма, присущего любой экономической системе. Взаимосвязь динамики инвестиций с динамикой ВВП обуславливается коэффициентом мультипликации, согласно которому изменения в ВВП, в свою очередь, ведут к изменению объема инвестиций. Соединение принципов мультипликации и акселерации придало теории мультипликатора динамический и системный характер. Если возможно отследить динамику инвестиций, то мультипликатор отразит изменения дохода, если же известен доход, то акселератор покажет динамику инвестиций.

Инвестиции являются системообразующей воспроизводственной категорией, представляют собой капиталовложения, участвующие в производстве и/или способствующие повышению эффективности использования ресурсов хозяйствующих субъектов. В современной экономической теории заметен большой разброс мнений при определении термина «инвестиции». Существует понимание инвестиций либо как ресурсов, включающее рассмотрение факторов производства и условий воспроизводства, либо как отношений по поводу обеспечения производства экономическими ресурсами [7, с. 10].

Различия в подходах к определению понятия «инвестиции» создают возможности анализа факторов, влияющих на них. Спрос на инвестиции зависит от процентной ставки, ожидаемой нормы прибыли, объема ВВП, налогообложения, технологических изменений и ожиданий предпринимателей, окупаемости активов и произведенных товаров, является самой переменчивой частью ВВП.

Инвестиционный спрос можно описать как своеобразный вклад в нарастающий поток ка-

питала, а также потребность в приобретении товаров инвестиционного назначения с целью получения дохода, выраженного в денежной форме.

Применение таких категорий, как инвестиционный спрос и предложение, при анализе и моделировании инвестиционных процессов способствует выявлению актуальных механизмов саморегуляции инвестиционной сферы и обоснованию регулирующего воздействия государства, адаптации существующей инвестиционной сферы к рынку, достижению государственных приоритетов, эффективной инвестиционной деятельности.

На макроуровне на инвестиционный спрос влияет ряд факторов, определяющих его характер: национальный объем производимой продукции; национальный денежный доход общества; объем накопленных средств; объем потраченных средств; уровень инфляции в государстве; воздействие иностранного капитала; политическая ситуация в стране и другие факторы, характеризующие объемы финансирования инвестиций в экономике. Данные рис. 1 отражают динамику структуры финансирования инвестиций в РФ в период с 2002 по 2016 г.

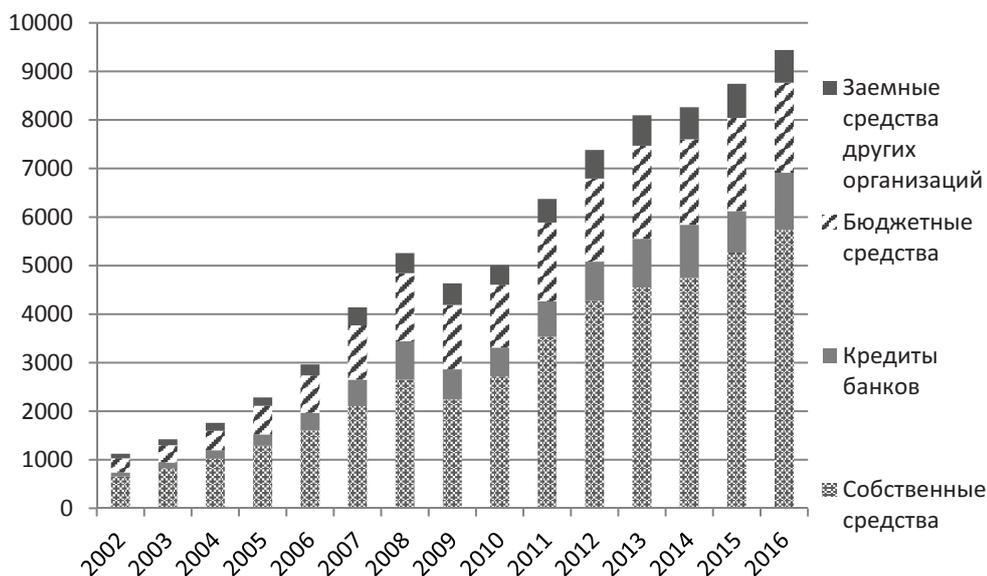

Рис. 1. Динамика структуры финансирования инвестиций в основной капитал в РФ с 2002 по 2016 г., млрд руб. [8]

Fig. 1. Dynamics of the structure of main capital investment financing in the Russian Federation from 2002 to 2016, billion rubles [8]

Особая роль отводится факторам денежной сферы, связанным с уровнем процентной ставки, уровнем цен, повышением платежеспособного спроса, возрастанием скорости обращения денег, объема производства, занятостью. Текущие монетарные условия являются индикато-

рами будущего инфляционного давления. При анализе монетарных факторов, влияющих на инвестиционный спрос, необходимо учитывать сложившуюся структуру источников инвестиций, преобладающие мотивы привлечения ресурсов.

Сложившаяся структура финансирования инвестиций в российской экономике объясняется тем, что финансовые средства предприятий часто не реализуются так, как надо, а направляются на восполнение оборотных средств или остаются на банковских счетах, что более выгодно по сравнению с производством. А деньги банковских учреждений практически не вкладываются в производство из-за невысокой прибыльности и существования альтернативных возможностей получения высоких доходов на стороне. Как следствие, не формируется залоговая масса для потенциального кредитования. Банковская система работает не на развитие, а на спекуляцию.

Важным фактором, оказывающим влияние на величину инвестиционного спроса, являются издержки на осуществление инвестиций, определяемые с учетом срока окупаемости. Уровень инвестиционного спроса обратно пропорционален издержкам на осуществление инвестиций и продолжительности срока их окупаемости.

В теории циклов из всех существующих источников инвестиций ведущая роль отводится кредиту, генерирующему вовлечение в экономический оборот дополнительных средств.

В поисках решения проблемы целесообразности инвестирования участники рынка проводят сопоставление ожидаемого потока чистого дохода от инвестиционных проектов с инвестиционными затратами.

Определим, каким образом монетарные факторы инвестиционного спроса и показатели эффективности экономической системы связаны между собой.

Эффективность экономической системы характеризуется: индексом производительности труда, долей высокотехнологических отраслей, числом рабочих мест, долей инвестиций в основной капитал, степенью износа основных фондов, уровнем инновационной активности.

Для эффективной экономики особенно важна дифференциация капиталовложений по видам деятельности. Основные фонды предприятий обрабатывающих отраслей изношены на 47–48%, однако доля инвестиций в обрабатывающие отрасли в общем объеме инвестиций не достигает необходимого уровня, по итогам 2016 г. составляла в общей структуре инвестиций 15,6% [8]. Таким образом, из-за недостатка инвестиций в обрабатывающие отрасли разрушается «сердцевина» экономики.

Как видно из данных рис. 2, до 2014 г. наблюдалась повышательная динамика инвестиций как в добывающих, так и в обрабатывающих отраслях российской экономики, при этом темп их роста был одинаков. Однако с середины 2014 г. наблюдается отставание темпов роста инвестиций в обрабатывающих отраслях.

На протяжении долгого времени на производство кокса и нефтепродуктов приходи-

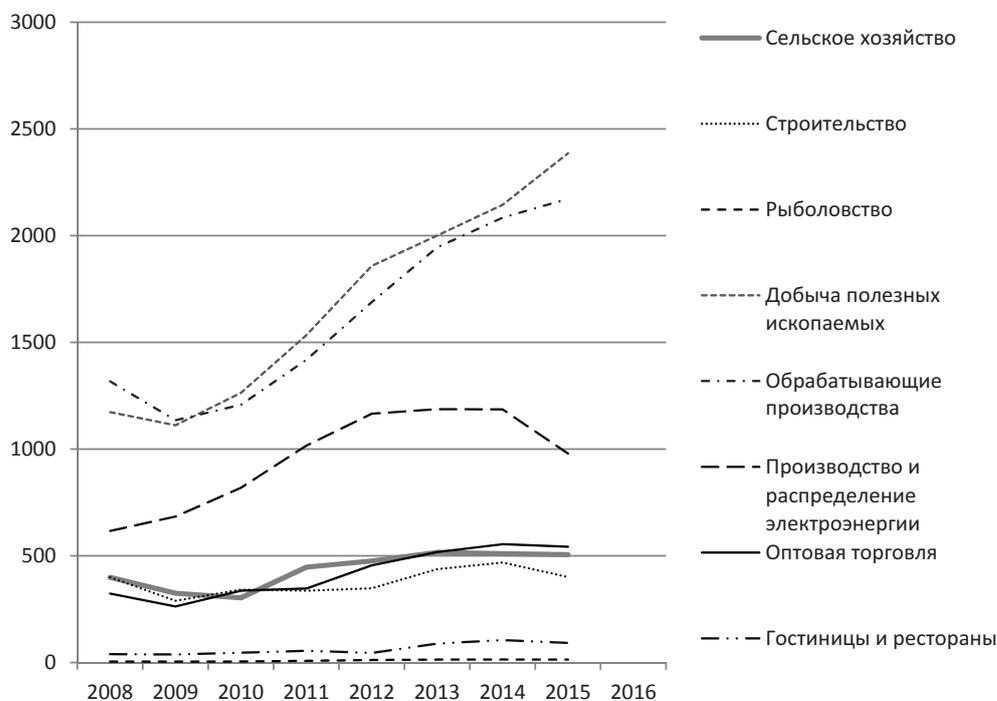

Рис. 2. Динамика инвестиций по сферам экономики, млрд руб. [8]

Fig. 2. Dynamics of investments by economic sectors, billion rubles [8]

лось 22,01%, металлургического производства – 10,50%, а на долю производства машин и оборудования – лишь 5,10%, производства электрооборудования, электронного и оптического оборудования – 4,48% всех инвестиций в основной капитал обрабатывающих отраслей [10].

В российской экономике большая часть инвестиций в основной капитал направляется не на модернизацию производства, а на строительство зданий и сооружений.

Процентная ставка. Значительное воздействие на величину инвестиционного спроса оказывает ставка ссудного процента, определяющая стоимость заемных средств для инвесторов. При повышении ставки возрастает мотивация к сбережениям, одновременно инвестиции становятся нерентабельными. Рентабельность инвестиций возрастает при снижении ставки ссудного процента, что приводит к повышению спроса на инвестиции.

Нельзя однозначно судить о воздействии уровня ставки ссудного процента на величину инвестиционного спроса. Ее чрезмерное повышение или понижение может нанести ущерб инвестиционной активности. Однако следует заметить, что чрезмерное снижение ставки может вызвать рост спекулятивных финансовых операций. Инвесторам необходимо учитывать величину процента на вложенные средства и оценивать степень риска.

Развитие инвестиционной деятельности определяется в некоторой степени объемами сбережений и накоплений в экономике, которые обуславливают постоянный кругооборот инвестиций. В зависимости от конъюнктуры рынка физические лица и компании принимают решения об инвестировании, оформлении кредитов, размещении средств на депозитных счетах. Данные рис. 3 и 4 демонстрируют изменения депозитного и кредитного портфелей ведущих банков РФ в зависимости от конъюнктуры рынка.

Изменения кредитных и депозитных портфелей говорят о тенденциях на денежных рынках в период с 2008 по 2016 г.

Валютный курс. Избыток иностранной валюты в стране обесценивает ее относительно национальной валюты. Это ведет к завышению курса национальной валюты, со всеми вытекающими последствиями: снижению стоимости импорта и конкурентоспособности отечественной продукции на внутреннем рынке; повышению доходности сектора, приносящего валюту, в ущерб всем остальным секторам; инвестиции во все остальные сектора становятся относительно низкоэффективными. Результатом неэквивалентного денежного обмена становятся сдвиг экономической структуры в сторону сектора, приносящего валюту, увеличение зависимости экономики от этого сектора и от мировых цен на его продукцию.

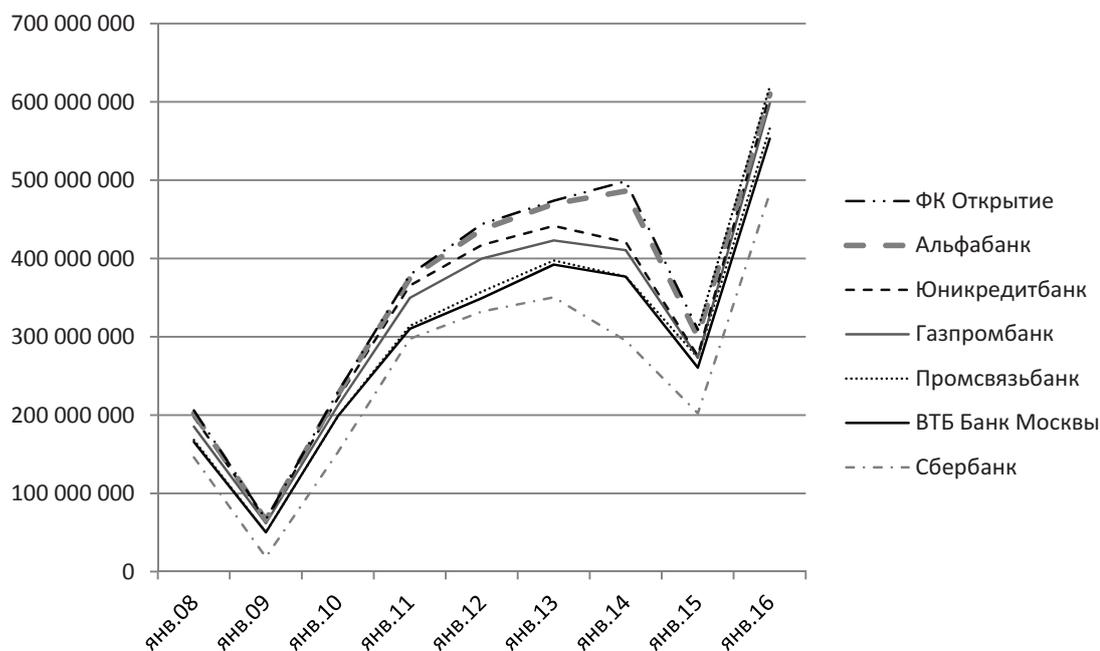

Рис. 3. Динамика изменений депозитного портфеля банков РФ за период с 2008 по 2016 г., тыс. руб. [9]

Fig. 3. Dynamics of changes in the deposit portfolio of Russian banks for the period from 2008 to 2016, thousand rubles [9]

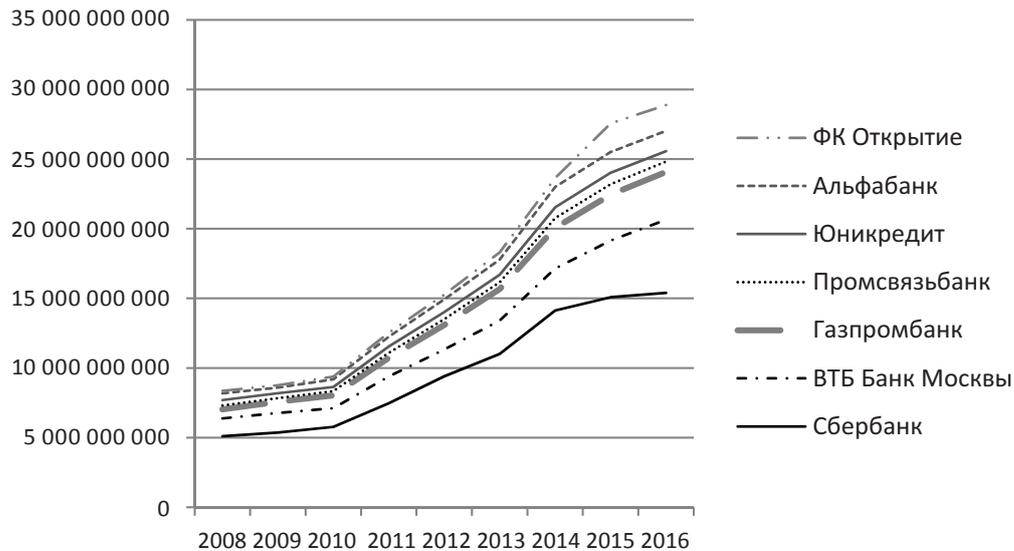

Рис. 4. Динамика изменений кредитного портфеля банков РФ, тыс. руб. [9]

Fig. 4. Dynamics of changes in the credit portfolio of Russian banks, thousand rubes [9]

Очевидно, что целью Центрального банка в данном случае является стимулирование экономического роста путем занижения курса национальной валюты страны. Денежная масса, эквивалентная приросту валютных резервов ЦБ, выплескивается в экономику.

Как видно из данных рис. 5, динамика обменного курса влияет на потребительские цены посредством эффекта переноса импортных цен на внутренние цены, поскольку импортные

товары составляют часть потребительской корзины, а также используются как факторы производства.

Структурные преобразования на валютном рынке, прежде всего, зависят от изменений, происходящих на международной арене. Мировой валютный рынок является одним из самых важнейших рынков, с помощью которого обмениваются национальные валюты различных государств.

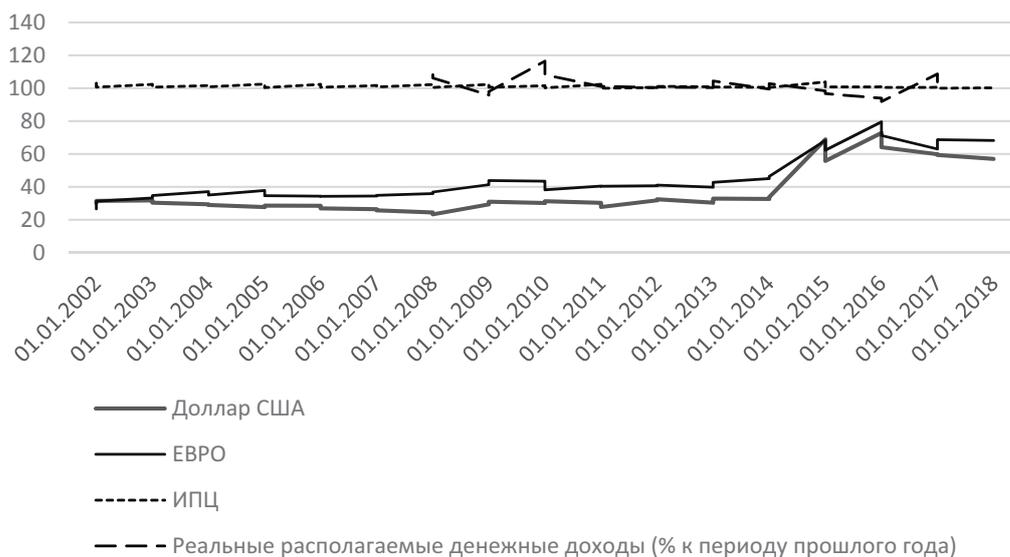

Рис. 5. Динамика курсов доллара США и евро к рублю, индекса потребительских цен, доходов населения с 2002 по 2018 г. [10]

Fig. 5. Dynamics of US dollar and euro exchange rates against the ruble, a consumer price index, the income of the population from 2002 to 2018 [10]

Ослабление национальной валюты приводит, с одной стороны, к росту спроса на отечественные товары на внутреннем рынке за счет роста стоимости импортных товаров, с другой – к росту спроса на отечественные товары на внешнем рынке из-за снижения их относительной стоимости в иностранной валюте. Данные процессы стимулируют рост отечественного производства, повышение уровня заработных плат и рост внутренних цен.

Увеличение притока прямых иностранных инвестиций в определенные сектора экономики, вызванное изменением обменного курса, может приводить к росту цен, поскольку будут наблюдаться рост спроса на труд и рост заработной платы, а также увеличение местного производства товаров заменителей импортных товаров за счет ПИИ.

В начале рыночных реформ российское правительство планировало контролировать валютный курс, однако вследствие интенсивного роста цен, инфляционных ожиданий и долларизации экономики стала очевидной неспособность монетарной политики и Стабилизационного фонда противостоять инерционной экономической структуре.

Воздействие, оказываемое валютным курсом на показатели конкурентоспособности отдельных видов экономической деятельности (увеличение доли внутреннего рынка национальных

производителей, доли экспорта в структуре объема продаж, снижение темпов роста индекса цен производителей товаров и услуг), способствует расширению рынков по видам экономической деятельности, повышению инвестиционной привлекательности отдельных видов экономической деятельности, т.е. формированию конкурентоспособного мезоуровня экономики. Роль валютного курса в формировании конкурентоспособности национальной экономики заключается в обеспечении экономической стабильности, создании благоприятных условий для устойчивого развития субъектов хозяйствования, повышении международного рейтинга страны.

Дополнительно на цены оказывают влияние темпы увеличения доходов населения, а именно рост заработных плат без увеличения производительности труда.

Денежная база. Денежная база представляет собой основу для формирования агрегатов, обеспечивающую рост денежной массы.

Наличные деньги являются частью предложения денег. Центральный банк контролирует предложение денег путем воздействия на денежную базу, изменение которой, в свою очередь, оказывает воздействие на предложение денег.

В табл. 1 показаны изменения структуры денежной базы [10].

Таблица 1/Table 1

**Структура денежной базы в широком определении, млрд руб.
Structure of the monetary base in broad definition, billion rubles**

Год	Денежная база	Наличные деньги в обращении с учетом остатков средств в кассах кредитных организаций	Корреспондентские счета кредитных организаций в Банке России	Обязательные резервы	Депозиты банков в Банке России	Облигации Банка России у кредитных организаций
2002	928.3	623.5	144.5	156.6	3.7	–
2003	1232.6	813.9	169.7	201.1	47.4	–
2004	1914.3	1224.7	304.9	267.4	87.3	–
2005	2380.3	1669.9	480.4	121.7	91.4	9.7
2006	2914.2	2195.4	508.6	161.4	7.2	32.9
2007	122.4	3062.1	638.1	221.1	98.1	103.1
2008	5513.3	4118.6	802.2	221.6	270.3	100.7
2009	5578.7	4372.1	1027.6	29.9	136.6	12.5
2010	6467.3	4622.9	900.3	151.4	509.0	283.7
2011	8190.3	5785.2	994.7	188.4	633.2	588.9
2012	8644.1	6895.8	981.6	378.4	388.3	–
2013	9852.8	7667.7	1356.3	425.6	403.3	–
2014	10 503.9	8307.5	1270.0	408.8	517.6	–
2015	11 332.0	8840.5	1215.5	471.3	804.6	–
2016	11 043.8	8522.2	1594.0	369.8	557.8	–
2017	11 882.7	8789.8	1822.7	484.7	785.6	–
2018	14 701.5	9539.0	1930.7	506.2	2373.2	352.4

Денежная масса. Рыночная экономика основывается на потреблении, необеспечение роста которого неизбежно сужает возможность для развития производства. Данные табл. 2 отражают реструктуризацию денеж-

ной массы, перераспределение роли факторов инфляции [10]. Уменьшение доли наличных денег свидетельствует об уменьшении инфляционного давления со стороны совокупного спроса.

Таблица 2/Table 2

**Структура денежной массы (M2), млрд руб.
The structure of the money supply (M2), billion rubles**

Год	Денежная масса (M2)	Наличные деньги в обращении (M0)	%
2011	20,011.9	5,062.7	25,29
2012	24,204.8	5,938.6	24,53
2013	27,164.6	6,430.1	23,67
2014	31,155.6	6,985.6	22,42
2015	31,615.7	7,171.5	22,68
2016	35,179.7	7,239.1	20,57
2017	38,418.0	7,714.8	20,07
2018	42,442.1	8,446.0	19,90

При росте общего объема денежной массы за 2017 г. на 4024,1 млрд руб. повысилась роль банковских кредитов, наиболее быстрыми темпами увеличиваются объемы кредитов населению. Инвестиционный спрос растет медленнее спроса в потребительском секторе экономики, что способствует росту инфляционного давления со стороны совокупного спроса. Рост показателей банковских депозитов говорит о возможностях создания «новых» денег. «Движущей силой» российской экономики является экспорт сырьевых и энергетических ресурсов, а низкая заработная плата, в особенности в сферах, не связанных с добычей

полезных ископаемых и производством нефтепродуктов (рис. 6), сокращение потребительских расходов означают отсутствие главного условия подъема отечественной экономики, объема инвестиций, внутреннего потребительского спроса.

Результатом неэффективного управления динамикой объема денежной массы стал рост цен, сопровождающийся резким нарастанием объема взаимных неплатежей, вследствие чего снижается потребительский спрос.

Как видно из данных рис. 7, изменение показателей денежной массы влечет изменения в сфере инвестиций и выпуска.

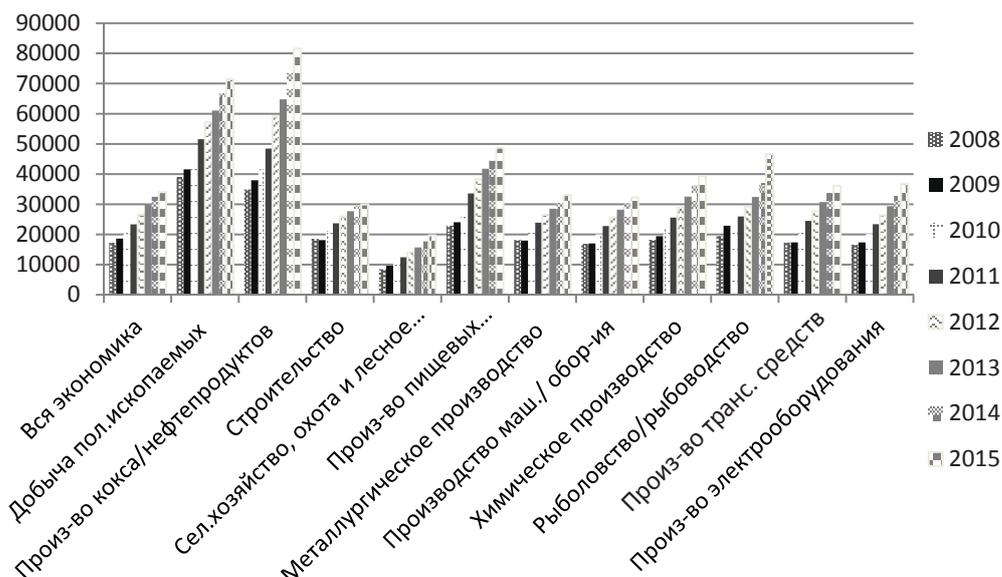

Рис. 6. Динамика заработных плат по сферам экономики с 2006 по 2015 г., руб. [8]

Fig. 6. The dynamics of wages by economic sphere from 2006 to 2015, rubles [8]

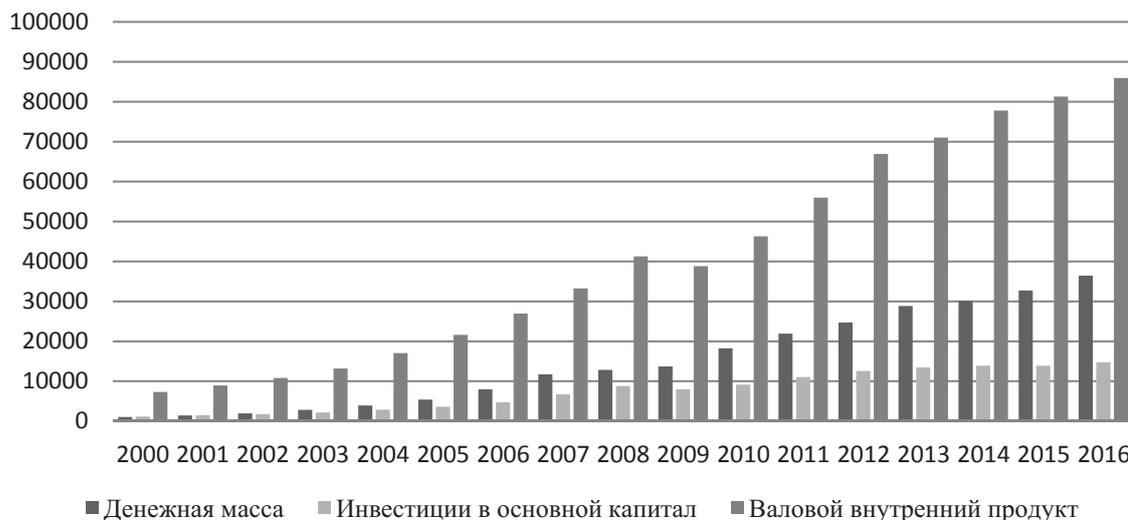

Рис. 7. Динамика соотношения показателей денежной массы, инвестиций в основной капитал и ВВП с 2000 по 2016 г., млрд руб. [8, 10]

Fig. 7. Dynamics of the ratio of indicators of the money supply, investment in fixed assets and GDP from 2000 to 2016, billion rubles [8, 10].

Российская экономика приводится в движение преимущественно экспортом сырьевых и энергетических ресурсов, а объем инвестиций, внутренний потребительский спрос имеют тенденцию к сокращению. Низкая заработная плата, сокращение потребительских расходов означают отсутствие главного условия подъема отечественной экономики, зависимой от объемов потребления домохозяйств. Не обеспеченный рост потребления у основной массы населения неизбежно сужает возможность для развития производства. Низкий уровень оплаты труда сужает потребительский спрос на производимую предпринимателями продукцию, снижает стимулы к внедрению более высокопроизводительного оборудования в производство.

Результаты

Важнейшим требованием, предъявляемым к экономической политике государства, является ее соответствие принципу эффективности, т.е. насколько политика отвечает цели и задачам, стоящим перед государством и обществом в целом.

Эффективность экономики характеризуется рациональностью выбранных методов, эффективностью использования ресурсов и полной реализацией целей.

В ходе исследования выявлено, что экономический рост, показатели эффективности, факторы спроса и инвестиции соединены причинно-следственными связями, которые определяют темпы экономического роста. Монетарные факторы инвестиционного спроса являются звеньями цепи

причинно-следственных связей формировании неравновесных состояний.

Таким образом, для обеспечения устойчивого развития инвестиционных отношений, восстановления международного статуса страны как ведущей промышленно развитой державы мира необходимы стимулирование инвестиционного спроса и создание эффективной государственной экономической политики стимулирования инвестиций.

Сокращение потребления уменьшает уровень мотивации к осуществлению инвестиционного процесса и развития производства, между которыми существует прямо пропорциональная зависимость, является одной из причин неудач и характерной чертой проводимых в нашей стране экономических реформ.

Рост показателей инвестиционного спроса, показателей самих инвестиций расширяет возможности производства. Увеличение совокупного спроса влечет расширение производства, стимулирует инвестиции для увеличения выпуска.

Список литературы

1. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики / сост. И. А. Столяров : в 2 т. Т. 2. М. : ЭКОНОВ ; Ключ, 1992. 234 с.
2. Савина Ю. Ю. Роль монетарной политики в регулировании инвестиционных отношений // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 164–169. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-2-164-169.

3. Картаев Ф. С. Эконометрическое моделирование взаимосвязи курса рубля и динамики ВВП // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2009. № 2. С. 57–67.
4. Dornbusch R. Expectations and Exchange Rate Dynamics // The Journal of Political Economy. 1976. Vol. 84, № 6. Dec. P. 1161–1176.
5. Rebelo S., Easterly W., Levine R., King R. Policy, Technology Adoption and Growth // R. Solow and L. Pasinetti (eds.). Economic Growth and the Structure of Long-term Development. L. : MacMillan, 1994.
6. Aghion P., Banerjee A., Bacchetta P. A Simple Model of Monetary Policy and Currency Crises // European Economic Review. 2000. № 44. P. 728–738.
7. Шарп У. Ф., Александер Г. Д., Бэйли Д. В. Инвестиции / пер. с англ. А. Н. Буренин, А. А. Васин. М. : ИНФРА-М, 2001. 1028 с.
8. Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 01.02.2018).
9. Банк.ру : финансово-информационный портал. URL: www.banki.ru (дата обращения: 01.02.2018).
10. Центральный Банк Российской Федерации : [сайт]. URL: www.cbr.ru (дата обращения: 01.02.2018).

Образец для цитирования:

Розенталь Ю. Ю. К вопросу о взаимосвязи монетарных факторов инвестиционного спроса и эффективности экономики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 281–290. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-281-290

To the Question of the Interrelation of the Monetary Factors of Investment Demand and Efficiency of the Economy

Yu. Yu. Rosental

Yuliana Yu. Rosental, ORCID 0000-0003-1428-6698, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, Juliana070587@rambler.ru

Introduction. The shocks that occurred in 2014 in the country's financial markets, which gave rise to the current crisis, led to an understanding of the decisive role of financial sector behavior in determining economic dynamics. Economic policy, long held in our country, only nominally having the right strategic goals, caused stagnation at the expense of the means by which it was implemented. The chosen model led to the collapse of production, a decrease in the efficiency of the economy, significant economic losses and additional expenses of the state to mitigate the negative consequences of economic dynamics. **Theoretical analysis.** The research methodology is based on the principles of system analysis. **Empirical analysis.** During the research, statistical, correlation and factor analysis were used; empirical-theoretical, comparative, research methods, the method of synthesis of theoretical and practical material. **Results.** The study confirms that in order to ensure the sustainable development of investment relations, monetary stimulation of investment demand and the formation of an effective state economic policy to stimulate investment are necessary.

Key words: investment demand, investment proposal, investment, monetary theory, monetary policy.

References

1. Kejns Dzh. M. General theory of employment, interest and money. In: *Antologiya ekonomicheskoi klassiki* [Anthology of economic classics. Originator I. A. Stol'arov: in 2 vol. Vol. 2. Moscow: EKONOV Publ.; Kliuch Publ., 1993. 234 p. (in Russian).
2. Savina Yu. Yu. The Monetary Policy's Role in the Regulation of Investment Relations. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 164–169 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-2-164-169.
3. Kartaev F. S. Econometric modeling of the relationship between the ruble exchange rate and GDP dynamics. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [The Moscow University Herald], Ser. 6. Economics, 2009, no. 2, pp. 57–67 (in Russian).
4. Dornbusch R. Expectations and Exchange Rate Dynamics. *The Journal of Political Economy*, 1976, vol. 84, no. 6, December, pp. 1161–1176.
5. Rebelo S., Easterly W., Levine R., King R. Policy, Technology Adoption and Growth. In: R. Solow and L. Pasinetti (eds.). *Economic Growth and the Structure of Long-term Development*. London: MacMillan, 1994, pp. 75–89.
6. Aghion P., Banerjee A., Bacchetta P. A Simple Model of Monetary Policy and Currency Crises. *European Economic Review*, 2000, no. 44, pp. 728–738.
7. Sharp U. F., Aleksander G. D., Beili D. V. *Investitsii* [Investments. Transl. from Engl. A. N. Burenin, A. A. Vasin]. Moscow: INFRA-M Publ., 2001. 1028 p. (in Russian).
8. *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* (Federal State Statistics Service. Site). Available at: <http://www.gks.ru> (accessed 1 February 2018) (in Russian).
9. *Banki.ru: finansovo-informatsionnyi portal* (Banki.ru: financial and information portal). Available at: <http://www.banki.ru> (accessed 1 February 2018) (in Russian).
10. *Tsentral'nyi bank Rossiiskoi Federatsii* (The Central Bank of the Russian Federation. Site). Available at: <http://www.cbr.ru> (accessed 1 February 2018) (in Russian).

Cite this article as:

Rosental Yu. Yu. To the Question of the Interrelation of the Monetary Factors of Investment Demand and Efficiency of the Economy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 281–290 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-281-290

УПРАВЛЕНИЕ

УДК 336

МЕЖСТРАНОВЫЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ БАНКОВСКОГО КРЕДИТА НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Т. И. Солодкая, М. М. Т. Тали, М. А. Индустриев

Солодкая Татьяна Ивановна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры финансов и кредита, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, solti2005@yandex.ru

Тали Махди Мохаммед Тали, аспирант кафедры финансов и кредита, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; ассистент, Васитский государственный университет, Республика Ирак, m.esopotmic@mail.ru

Индустриев Максим Алексеевич, бакалавр экономического факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, maksind@yandex.ru

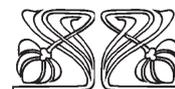
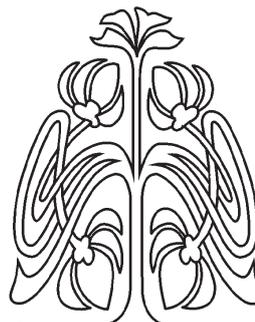
Введение. Цель работы состоит в эконометрическом исследовании влияния банковского кредитования на темпы экономического роста на основе межстрановых сопоставлений по усредненным данным за 2005–2015 гг. **Теоретический анализ.** В статье предлагается использовать для анализа влияния банковского кредитования на экономический рост усовершенствованную Шумпетерскую модель конвергенции между странами с финансовыми ограничениями. **Эмпирический анализ.** На основе усовершенствованной Шумпетерской модели конвергенции между странами с финансовыми ограничениями проведено эконометрическое моделирование влияния банковского кредита на экономический рост для трех групп стран с высоким, средним и низким значением индекса развития человеческого потенциала. **Результаты.** Эмпирические межстрановые исследования подтвердили неоднозначность влияния банковского кредитования на экономический рост в странах с различным уровнем социально-экономического и финансового развития. В странах с высокими значениями ИРЧП прямой канал влияния банковского кредитования на экономический рост оказался незначимым, а конвергенция темпов роста обеспечивается в основном за счет процесса передачи технологий и повышения эффективности производства. В странах со средним значением ИРЧП объем кредитования оказывает прямой положительный эффект на темпы роста, но также не увеличивает вероятность конвергенции за счет более развитой финансовой системы. В странах с низким уровнем развития единственным значимым фактором являются инвестиции в основной капитал. Опосредованно полученные результаты показывают, что лишь инвестиционный кредит, идущий на развитие реального сектора экономики, а не весь кредит вообще оказывает положительное влияние на экономический рост.

Ключевые слова: банковский кредит, экономический рост, эконометрическая модель, межстрановой анализ, конвергенция.

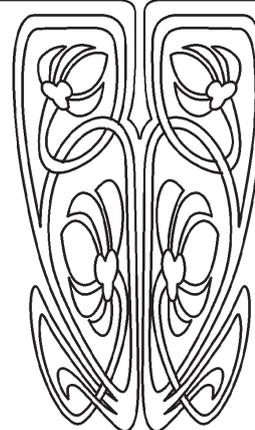
DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-291-297

Введение

Опыт подавляющего большинства стран показывает, что экономический рост приводит к увеличению благосостояния и повышению качества жизни граждан по всем показателям. Поэтому вопросы влияния различных факторов на экономический рост постоянно находятся в центре внимания зарубежных и рос-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

сийских экономистов. Важное практическое значение в плане формирования государственной политики стимулирования экономического роста имеет анализ взаимосвязи финансового и экономического развития. Анализ временных рядов в большинстве своем подтверждает долгосрочную причинно-следственную связь между финансовым и экономическим развитием, при этом доминирующее направление причинно-следственной связи – от финансового развития к экономическому росту.

В последнее время появился ряд статей, посвященных исследованию влияния уровня развития финансовой системы на величину валового внутреннего продукта (ВВП) в Российской Федерации. Эконометрический анализ многомерных нестационарных временных рядов подтвердил гипотезу о зависимости величины ВВП от уровня развития финансовой системы: в большей степени от банковского кредита и в меньшей – от роста капитализации рынка акций [1]. Была обнаружена статистически значимая зависимость ВВП от величины банковских кредитов, но меньше, чем от инвестиций в основной капитал [2].

Вместе с тем необходимо отметить ненадежность выводов исследований на основе временных рядов, связанную с тем, что они охватывают небольшие периоды времени. Временной интервал, рассмотренный в указанных работах, составляет всего лишь 13 лет в одной и 17 лет в другой.

Указанное обстоятельство, а также интерес к проблеме конвергенции и выявлению устойчивых факторов роста делают актуальными эмпирические исследования на основе межстранового анализа, особенно по усредненным данным за последние десятилетия. Цель данной работы состоит в эконометрическом исследовании влияния банковского кредитования на темпы экономического роста на основе межстрановых сопоставлений.

Теоретический анализ

Межстрановым исследованиям экономического роста посвящено очень много работ. Стандартная методика анализа состоит в том, что вначале разрабатывается математическая модель, а затем проводится ее эмпирическая проверка путем оценивания зависимости средних темпов экономического роста за длительный промежуток времени от различных факторов (не только финансовых) на основе уравнения множественной регрессии [3–6]. Основное ограничение метода связано с возможной несопоставимостью или отсутствием реальных данных для ряда стран за длительный промежуток времени.

В работе [3] разработана и применена усовершенствованная Шумпетерская модель конвергенции между странами с финансовыми ограничениями для исследования влияния уровня финансового развития на экономический рост. Усовершенствование касалось более подробного рассмотрения процесса заимствования технологий между странами и учета несовершенств кредитного рынка.

Теория предсказывает, что темпы роста любой страны с более чем критическим уровнем финансового развития будут сходиться к темпам роста мировой технологической границы, а все остальные страны – иметь значительно более низкие долгосрочные темпы роста, т. е. слабый уровень финансового развития делает конвергенцию менее вероятной. Модель может быть аппроксимирована следующей регрессией темпов роста [3]:

$$g_i - g_1 = \beta_0 + \beta_f F_i + \beta_y (y_i - y_1) + \beta_{fy} F_i (y_i - y_1) + \beta_x X_i + \varepsilon_i, \quad (1)$$

где g – средние темпы роста ВВП на душу населения; F – средний уровень финансового развития за исследуемый промежуток времени; $(y_i - y_1)$ – разность логарифмов ВВП на душу населения в начале периода i -й страны и США; X_i – набор других регрессоров; ε_i – случайная составляющая. Страна 1 является лидером в области технологий, в качестве которого выступают США. Это стандартная регрессия роста, за исключением слагаемого, ответственного за перекрестное взаимодействие $F_i (y_i - y_1)$.

Для каждой конкретной страны вводится параметр конвергенции, который зависит от показателя финансового развития:

$$\lambda_i = \beta_y + \beta_{fy} \cdot F_i. \quad (2)$$

Центральные теоретические положения, проверяемые с помощью эконометрической модели (1), состоят в том, что темп экономического роста любой страны может сходиться к темпам роста технологической границы, задаваемой государством-лидером, только если параметр сходимости λ_i окажется отрицательным $\lambda_i < 0$. Вероятность сходимости будет увеличиваться с улучшением финансового развития, т. е. если перекрестный коэффициент β_{fy} также будет отрицательным $\beta_{fy} < 0$.

Финансовое развитие сможет оказывать положительное долгосрочное влияние на ВВП на душу населения каждой страны (не-лидера), если коэффициент, ответственный за прямой эффект, окажется положительным: $\beta_f \geq 0$. Со

временем, если F достигнет уровня государства-лидера, коэффициент станет равен нулю: $\beta_f = 0$, и этот эффект исчезнет.

Эмпирическая проверка на основе выборки из 71 страны, период 1960–1995 гг., приведенная в [3], подтвердила сформулированные теоретические положения. Кроме того, было обнаружено, что другие переменные, представляющие школьное образование, географию, здравоохранение, политику и институты, не влияют на важность взаимодействия между финансовым посредничеством и ВВП на душу населения и не оказывают никакого независимого влияния на конвергенцию в регрессиях.

В связи с высокой степенью теоретической и эмпирической обоснованности Шумпетерской модели конвергенции между странами с финансовыми ограничениями [3] она была использована в нашей работе для проведения эконометрического межстранового исследования влияния банковского кредитования на экономический рост по усредненным данным за 2005–2015 гг.

В соответствии с целью исследования и моделью (1) были рассмотрены следующие макроэкономические показатели:

C_TEMP_GDP – разность среднего темпа роста реального ВВП на душу населения по отношению к стране-лидеру США, в %;

GDP_2005, GDP_2015 – реальный ВВП на душу населения, рассчитанный по паритету покупательной способности (ППС), в 2005 и 2015 гг. соответственно, в \$;

$CONV_GDP$ – логарифм отношения ВВП на душу населения каждой из стран в 2005 г. к США;

$CREDITS$ – совокупный объем банковского кредитования, в % к ВВП (среднее значение за 2005–2015 гг.);

$INVEST$ – объем инвестиций в основной капитал, в % к ВВП (среднее значение за 2005–2015 гг.);

$INT_CR = CREDITS * CONV_GDP$ – перекрестная переменная, ответственная за возможность влияния показателя финансового развития на конвергенцию темпов роста;

$COSTS_EDUCATION$ – государственные расходы на образование, среднее значение за 2005–2015 гг., в % к ВВП;

$EDUCATION_PEOPLE$ – доступность образования: процент населения, имеющего хотя бы среднее образование (среднее значение за 2005–2015 гг.);

$INTERNET_05_15$ – процент населения, имеющего доступ к Интернету (среднее значение за 2005–2015 гг.).

Эмпирический анализ

В рамках данного исследования были использованы статистические данные, находящиеся в открытом доступе на сайте Всемирного Банка [7], а также представленные в «Докладе о человеческом развитии 2016», подготовленном в рамках Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) [8].

В соответствии с целью исследования все страны мира, по которым можно было получить полный набор сопоставимых по методике сбора и расчета используемых показателей, были разделены на три относительно однородные группы по критерию индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), рассчитываемого ООН для 188 стран мира.

В настоящее время ИРЧП является общепризнанным интегральным индикатором, наиболее полно отражающим уровень социально-экономического развития государства. Значение ИРЧП зависит от таких составляющих, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении, средняя продолжительность обучения и ВВП на душу населения. В зависимости от уровня развития государства значение ИРЧП изменяется от 0 до 1. В связи с отсутствием полного набора исследуемых показателей по ряду стран за десятилетний промежуток времени из 188 было отобрано всего 136 стран.

1. Страны с высоким значением ИРЧП ($\geq 0,8$)

Большая часть этих государств являются развитыми в экономическом и культурном отношении. Для них характерен высокий уровень ВВП на душу населения, доступность образования для всех слоев населения, высокий уровень научно-технического прогресса и развития финансовой системы. Ожидаемая продолжительность жизни населения, по данным на 2015 г., составляет около 80 лет. Доля выданных кредитов по отношению к ВВП в среднем превышает 120%, инвестиции в основной капитал в среднем составляют 20–25% от ВВП. Определяющую роль в экономическом развитии играет развитие институтов и технологии.

В данную группу попали 43 государства, в том числе и Россия (ИРЧП = 0,804). Из крупных и высокоразвитых государств по техническим причинам (отсутствие сопоставимости в методологии расчета выбранных показателей) из первой группы была исключена Канада. Значения ряда показателей для нескольких первых и последних стран данной группы представлены в табл. 1.

Таблица 1/Table 1

Макроэкономические показатели для стран с высоким значением ИРЧП

Macroeconomic indicators for countries with high HDI

Страна	ИРЧП	<i>CREDITS</i> , % к <i>GDP</i>	<i>INVEST</i> , % к <i>GDP</i>	<i>INTER-</i> <i>NET_05_15</i> , %	<i>GDP</i> , 2005, \$	<i>GDP</i> , 2015, \$	<i>TEMP_</i> <i>GDP</i> , %
Австралия	0,939	149,48	27,68	84,60	35 932	47 769	102,89
Швейцария	0,939	172,26	23,66	88,00	45 318	58 654	102,61
Германия	0,926	138,91	19,81	87,60	34 481	47 255	103,20
Дания	0,925	221,55	20,35	96,30	38 592	47 223	102,04
Сингапур	0,925	88,90	25,95	82,10	55 173	86 128	104,55
Нидерланды	0,924	203,77	21,91	93,10	38 942	49 624	102,45
Ирландия	0,923	198,31	22,64	80,10	43 423	65 482	104,19
Исландия	0,921	215,84	21,00	98,20	35 455	45 740	102,58
США	0,920	232,95	20,12	74,50	44 218	56 175	102,42
Гонконг	0,917	177,71	22,39	84,90	36 306	56 907	104,60
Россия	0,804	35,19	20,65	73,40	17 231	26 208	104,28
Румыния	0,802	38,49	27,65	55,80	12 490	20 934	105,30
Кувейт	0,80	66,44	17,32	82,10	62 601	71 182	101,29

Оцененная модель множественной регрессии для стран первой группы имеет вид:

$$C_TEMP_GDP =$$

$$= -2,85 + 0,13 INVEST - 2,68 CONV_GDP + 0,02 INT_CR.$$

(1,17) (0,05) (0,54) (0,01)

Исправленный коэффициент детерминации имеет достаточно высокое значение $R^2 = 46\%$, т. е. 46% вариации темпов роста ВВП объясняется включенными в модель факторами. Как и ожидалось, инвестиции в основной капитал оказывают положительное влияние на темпы роста. Показатель *CREDITS* оказался незначимым. Это может означать, что большая часть кредитов направлена на потребление, а не на развитие реального сектора экономики. Отрицательный знак при показателе *CONV_GDP* согласуется с общими теоретическими предпосылками модели о наличии предпочтений для стран с меньшим стартовым уровнем благосостояния.

Положительный знак перед переменной *INT_CR* говорит о том, что перекрестный канал влияния банковского кредитования не вносит вклада в конвергенцию темпов роста. Опосредованно это также отражает тот факт, что лишь инвестиционный кредит, идущий на развитие реального сектора экономики, а не весь кредит вообще, оказывает положительное влияние на экономический рост [9].

Для 28 стран из 43, находящихся преимущественно в конце таблицы и имеющих более высокие темпы роста, чем страна-лидер, параметр конвергенции (2) λ_i оказался отрицательным $\lambda_i < 0$. Его значение для России $\lambda = -2,03$. Следует,

однако, иметь в виду, что в нашей работе, в отличие от [3], показатель *CREDITS* включает все кредиты и не является в полной мере критерием для уровня финансового развития. Например, отрицательное значение параметра конвергенции имеют такие развитые страны, как Германия, Сингапур, Франция, Израиль и ряд других стран, особенностью экономик которых является относительно невысокий уровень кредитования.

Так же, как и в [3], добавление контрольных переменных, таких как государственные расходы на образование *COSTS_EDUCATION*, доступность образования *EDUCATION_PEOPLE*, доступность сети Интернет *INTERNET_05_15*, не повлияло на регрессию.

2. Страны со средним значением ИРЧП (от 0,62 до 0,8)

В данную категорию входит большая часть государств бывшего СССР, а также развивающиеся страны, основная часть которых располагается в Южной Европе и на Ближнем Востоке. Для них характерны более низкие, чем в предыдущей группе, показатели ВВП на душу населения и инвестиций, а также средний уровень доступности образования. Уровень кредитов по отношению к ВВП значительно ниже (в среднем 64,5%), при этом роль кредитования является более высокой. Доля инвестиций по отношению к ВВП составляет в среднем 24,5%. Средняя ожидаемая продолжительность жизни в этих государствах – 70–75 лет. В данной группе присутствуют 53 государства. По

принципиальным причинам из этой группы был исключен Китай как имеющий сильно отличающийся показатель кредитования. Значения

ряда показателей для нескольких первых и последних стран данной группы представлены в табл. 2.

Таблица 2/Table 2

Макроэкономические показатели для стран со средним значением ИРЧП

The states with the average level of human development

Страна	ИРЧП	<i>CREDITS</i> , % к <i>GDP</i>	<i>INVEST</i> , % к <i>GDP</i>	<i>INTER- NET_05_15</i> , %	<i>GDP</i> , 2005, \$	<i>GDP</i> , 2015, \$	<i>TEMP GDP</i> , %
Беларусь	0,796	48,25	33,42	62,20	9963	18 348	106,30
Оман	0,796	36,95	22,32	74,20	35 411	46 091	102,67
Уругвай	0,795	32,53	19,73	64,60	11 461	21 026	106,26
Болгария	0,794	51,76	24,56	56,70	11 652	19 287	105,17
Казахстан	0,794	45,23	24,79	72,90	14 178	24 920	105,80
Малайзия	0,789	125,88	23,45	71,10	16 015	26 211	105,05
Панама	0,788	79,96	22,81	51,20	10 510	21 978	107,66
Маврикий	0,781	107,21	22,58	50,10	11 298	19 534	105,63
Коста-Рика	0,776	54,44	20,89	59,80	9893	15 739	104,75
Сербия	0,776	44,71	20,21	65,30	9455	13 790	103,85
Таджикистан	0,627	16,20	15,63	19,00	1504	2835	106,54
Гондурас	0,625	53,20	25,39	20,40	3528	5094	103,74
Индия	0,624	71,03	33,03	26,00	2907	6193	107,86

Оцененная модель множественной регрессии для стран второй группы имеет вид:

$$C_TEMP_GDP = -4,24 + 0,04 CREDITS + 0,12 INVEST - 2,41 CONV_GDP + 0,03 INT_CR$$

(1,54) (0,02) (0,04) (0,63) (0,01)

Исправленный коэффициент детерминации составляет всего $R^2 = 21\%$ из-за большего разброса значений объясняющих переменных. Для стран со средними значениями ИРЧП показатель *CREDITS* оказался значимым на уровне 0,05. Таким образом, для самой многочисленной группы стран, характеризующихся наибольшими темпами роста, работает прямой канал влияния банковского кредитования на экономический рост.

Отрицательный знак при показателе *CONV_GDP* согласуется с общими теоретическими предположениями о наличии предпочтений для стран с меньшим стартовым уровнем благосостояния.

Несмотря на положительный знак перед переменной *INT_CR* в уравнении регрессии, параметр конвергенции (2) λ_i оказался отрицательным для большинства стран $\lambda_i < 0$. Лишь для шести стран, характеризующихся уровнем кредитования, сопоставимым со странами первой группы, $\lambda_i > 0$. Это Малайзия, Маврикий, Ливан, Таиланд, Фиджи, Сент-Люсия, Вьетнам и ЮАР. Так же, как и для стран первой группы,

добавление контрольных переменных, таких как государственные расходы на образование *COSTS_EDUCATION*, доступность образования *EDUCATION_PEOPLE*, доступность сети Интернет *INTERNET_05_15* не повлияло на регрессию.

3. Страны с низким значением ИРЧП (<0,62)

Данные государства преимущественно располагаются на Ближнем Востоке, на Африканском континенте или являются островными государствами. Население стран – очень бедное, кредитование слабо развито (объем кредитов составляет в среднем 21,4% от ВВП) и в связи с этим практически не оказывает влияния на развитие экономики. Уровень доступности образования составляет около 30%. Средняя ожидаемая продолжительность жизни – в пределах 55–60 лет. В данную группу входят 40 государств. Значения используемых в регрессии показателей представлены для ряда стран в табл. 3.

Для стран третьей группы значимым (на уровне значимости 0,01) оказался лишь коэффициент при переменной *INVEST*. Его значение составляет 0,11, исправленный коэффициент детерминации $R^2 = 10\%$.

Таким образом, для слабо развитых в социально-экономическом и финансовом отношении стран значимым фактором являются только инвестиции в основной капитал. Это связано с тем,

Таблица 3/Table 3

Макроэкономические показатели для стран с низким значением ИРЧП
Macroeconomic indicators for countries with low HDI

Страна	ИРЧП	<i>CREDITS</i> , % к <i>GDP</i>	<i>INVEST</i> , % к <i>GDP</i>	<i>INTER-</i> <i>NET_05_15</i> , %	<i>GDP</i> , 2005, \$	<i>GDP</i> , 2015, \$	<i>TEMP_</i> <i>GDP</i> , %
Бутан	0,607	36,16	52,26	39,80	3782	7768	107,46
Вануату	0,597	58,12	29,44	22,40	1973	2555	102,62
Конго	0,592	-6,17	25,95	7,60	4794	6916	103,73
Лаос	0,586	13,15	29,61	18,20	2543	5370	107,76
Бангладеш	0,579	55,28	27,05	14,40	1855	3629	106,94
Гана	0,579	29,71	24,55	23,50	2335	4292	106,28
Камбоджа	0,563	35,58	18,66	19,00	1742	3498	107,22
Непал	0,558	62,60	20,10	17,60	1508	2462	105,02
Мьянма	0,556	24,45	25,65	21,80	2381	5457	108,65
Кения	0,555	38,85	20,24	45,60	2124	3218	104,24
Чад	0,396	6,62	26,95	2,70	1781	2642	104,02
Нигер	0,353	10,83	32,60	2,20	723	1077	104,07
ЦАР	0,352	22,52	12,23	4,60	752	628	98,21

что в данных государствах слабо развиты высокие технологии, доходы населения достаточно низкие. Такая структура экономики приводит к тому, что банковское кредитование осуществляется в небольших, по сравнению с ВВП, объемах. В сложившейся ситуации поддерживать экономику «на плаву» позволяют капиталовложения в основной капитал, в реальное производство.

Результаты

Эмпирические межстрановые исследования подтвердили неоднозначность влияния банковского кредитования на экономический рост в странах с различным уровнем социально-экономического и финансового развития. В странах с высокими значениями ИРЧП прямой канал влияния банковского кредитования на экономический рост оказался незначимым, а конвергенция темпов роста обеспечивается в основном за счет процесса передачи технологий и повышения эффективности производства. В странах со средним значением ИРЧП объем кредитования оказывает прямой положительный эффект на темпы роста, но также не увеличивает вероятности конвергенции за счет более развитой финансовой системы. В странах с низким уровнем развития единственным значимым фактором являются инвестиции в основной капитал. Опосредованно полученные результаты подтверждают, что лишь инвестиционный кредит, идущий на развитие реального сектора экономики, а не весь кредит вообще, оказывает положительное влияние на экономический рост.

Список литературы

1. *Алехин Б. И.* Банки, биржи и экономический рост России // Финансовый журнал. 2017. № 5. С. 71–83.
2. *Солодкая Т. И., Тали М. М. Т., Индустриев М. А.* Анализ влияния банковского сектора на экономический рост Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 148–154. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-2-148-154.
3. *Aghion Ph., Howitt P., Mayer-Foulkes D.* The Effect of Financial Development on Convergence : Theory and Evidence // Quarterly Journal of Economics. 2005. Vol. 120, № 1. P. 173–222.
4. *King R., Levine R.* Finance and Growth : Schumpeter Might Be Right // Quarterly Journal of Economics. 1993. Vol. 108, № 3. P. 717–737.
5. *Карташов Г.* Экономический рост и качество институтов ресурсоориентированных стран // Квантиль. 2007. № 2. С. 141–157.
6. *Koetter M., Wedow M.* Finance and growth in a bank-based economy : is it quantity or quality that matters? // Journal of International Money and Finance. 2010. Vol. 29, iss. 8. P. 1529–1545.
7. The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 01.02.2018).
8. United nations development programme. URL: <http://hdr.undp.org/en/2016-report/download> (дата обращения: 01.02.2018).
9. *Лаврушин О. И.* Кредит и экономический рост // Банковское дело. 2010. № 1. С. 24–27.

Образец для цитирования:

Солодкая Т. И., Тали М. М. Т., Индустриев М. А. Межстрановой анализ влияния банковского кредита на экономический рост // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 291–297. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-291-297

Cross-Country Analysis Influence of Banking Credit on Economic Growth

T. I. Solodkaya, T. M. M. Tali, M. A. Industriev

Tatiana I. Solodkaya, ORCID 0000-0003-4429-8956, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, solti2005@yandex.ru

Tali Mahdi M. Tali, ORCID 0000-0003-2365-5002, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia; Wasit University, Hay Al Rabee Str., Wasit, Republic of Iraq, m.economic@mail.ru

Maksim A. Industriev, ORCID 0000-0002-3816-9085, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, maksind@yandex.ru

Introduction. The aim of the work is to econometrically study the impact of bank lending on economic growth rates on the basis of cross-country comparisons based on average data for 2005–2015.

Theoretical analysis. In the article it is proposed to use the Schumpeterian model of convergence between countries with financial constraints, which was improved in [1] to analyze the influence of bank lending on economic growth. **Empirical analysis.** Based on the improved Schumpeterian model of convergence between countries with financial constraints, an econometric modeling of the impact of bank credit on economic growth was conducted for three groups of countries with a high, medium and low value of the human development index. **Results.** Empirical cross-country studies have confirmed the ambiguous impact of bank lending on economic growth in countries with different levels of socio-economic and financial development. In countries with high HDI values, the direct channel of the impact of bank lending on economic growth has been insignificant, and the convergence of growth rates has been achieved mainly through the process of technology transfer and increased production efficiency. In countries with an average HDI, lending has a direct positive effect on growth rates, but does not increase the likelihood of convergence through a more developed financial system. In countries with a low level of development, the only significant factor is investment in fixed

assets. The indirectly obtained results show that only an investment credit for the development of the real sector of the economy, and not all credit in general has a positive impact on economic growth.

Key words: banking credit, economic growth, econometric model, cross-country analysis, co-integration.

References

1. Alekhin B. I. Banks, exchanges and economic growth of Russia. *Finansovyi zhurnal* [Financial Journal], 2017, no. 5, pp. 71–83 (in Russian).
2. Solodkaya T. I., Tali M. M. T., Industriev M. A. Analysis of Banking Sector Influence on Economic Growth of the Russian Federation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 148–154 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-2-148-154.
3. Aghion Ph., Howitt P., Mayer-Foulkes D. The Effect of financial development on convergence: theory and evidence. *Quarterly Journal of Economics*, 2005, vol. 120, no. 1, pp. 173–222.
4. King R., Levine R. Finance and Growth: Schumpeter Might Be Right. *Quarterly Journal of Economics*, 1993, vol. 108, no. 3, pp. 717–737.
5. Kartashov G. Economic Growth and Quality of Institutions of Resource-Oriented Countries. *Kvantil'* [Kvantil], 2007, no. 2, pp. 141–157 (in Russian).
6. Koetter M., Wedow M. Finance and growth in a bank-based economy: is it quantity or quality that matters? *Journal of International Money and Finance*, 2010, vol. 29, iss. 8, pp. 1529–1545.
7. *The World Bank*. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator> (accessed 1 February 2018).
8. *United nations development programme*. Available at: <http://hdr.undp.org/en/2016-report/download> (accessed 1 February 2018).
9. Lavrushin O. I. Credit and economic growth. *Bankovskoe delo* [Banking], 2010, no. 1, pp. 24–27 (in Russian).

Cite this article as:

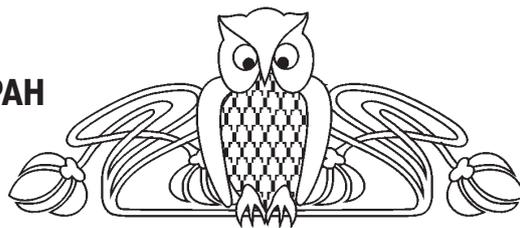
Solodkaya T. I., Tali T. M. M., Industriev M. A. Cross-Country Analysis Influence of Banking Credit on Economic Growth. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 291–297 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-291-297

УДК 339.97

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН В ХОДЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

А. П. Цыпин

Цыпин Александр Павлович, кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики, Самарский государственный экономический университет, zipin@yandex.ru

Введение. Процесс перехода 15 стран экс-членов СССР от плановой экономики к рыночной сопровождался коренными изменениями в политической, экономической и социальной жизни общества. Различные подходы к проводимым реформам и диаметрально противоположные стратегические цели обуславливают наблюдаемые в настоящее время различия экономик постсоветских стран. **Теоретический анализ.** Проблеме анализа результатов периода перехода постсоветских стран к рыночной экономике посвящены работы многих отечественных ученых, которые разделяют совокупность постсоветских стран на основе различных группировочных признаков, но наряду с достоинствами этих исследований необходимо указать на один существенный недостаток, вносящий долю субъективизма в полученные результаты, – качественный подход к формированию групп. Это обуславливает необходимость применения количественного подхода, и прежде всего многомерной группировки. **Эмпирический анализ.** В результате применения к 15 постсоветским странам многомерного группирования и кластерного анализа было выделено 3 группы, при этом в последних трех периодах соотношение и наполненность групп одинакова, что указывает на стабилизацию совокупности. В первую группу вошли страны с внушительными природными и человеческими ресурсами, во вторую – республики, сменившие полярность с России на Евросоюз, США и Китай. Третья группа образована странами Балтии, которые вошли в состав Евросоюза и за счет этого значительно увеличили отрыв от остальных постсоветских стран, что в значительной степени проявляется в таком показателе, как ВВП на душу населения. **Выводы.** Четверть века развития постсоветских стран вне Советского Союза привели к значительной их деформации по уровню политического и социально-экономического развития. Значительных успехов добились республики, имевшие в начале перехода хорошие позиции по природному и человеческому капиталу, что позволило им интегрироваться в глобальную экономику. Также явно выделяются страны Балтии, которые вошли в состав Европейского союза и в значительной степени улучшили свои макроэкономические показатели.

Ключевые слова: статистика, многомерное группирование, дифференциация, кластерный анализ, постсоветские страны.

DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-298-304

Введение

В 1991 г. прекратил свое существование Советский Союз, являвшийся мощным политико-экономическим союзом разноплановых республик. Это событие привело к возникновению

нового вида переходного процесса, которого не было до этого в мировой практике, т.е. переход от плановой экономики к рыночной. Трудности, сопровождающие этот переход, решались правительствами этих стран по-разному: одни придерживались курса шоковой терапии, другие осуществляли градуалистскую политику. Ряд стран поменяли центр тяготения с России на страны запада (Евросоюз и США). Переход к рынку в значительной мере повлиял на взаимосвязь бывших республик СССР, в результате чего образовались новые сообщества и содружества (СНГ, ЕАЭС, ШОС, БРИКС). В связи с этим считаем актуальной задачей анализ изменения структуры совокупности рассматриваемых стран в начале периода (1991 г.), в посткризисные годы (1999 и 2009 гг.) и в отчетном периоде (2015 г.). Этот подход позволит оценить изменения в дифференциации постсоветских стран под влиянием трансформационных сдвигов.

Теоретический анализ

Прежде чем перейти к рассмотрению теоретических основ дифференциации постсоветских стран, стоит заострить внимание на самом понятии. Согласно утверждению профессора А. А. Прусаускаса [1], до 2009 г. понятие «СНГ и Прибалтика» было тождественно понятию «постсоветское пространство», пока Грузия не вышла из состава СНГ. В нашем исследовании под постсоветскими странами будем понимать совокупность из 15 республик, входивших в состав СССР.

Рассматриваемая совокупность стран характеризуется, с одной стороны, общими «корнями» (единство истории, языка, этнокультуры, конфессиональных взглядов и т.д.), с другой – противоречивостью развития после распада Советского Союза в 1991 г. Это обуславливает повышенный интерес отечественных ученых. Так, в качестве авторов, разрабатывающих выделенную проблему, можно назвать: Е. С. Авдееву [2], Л. Б. Вардомского [3], В. В. Воротникова [4], Р. Г. Герасимову [5], В. Г. Егорова [6], А. В. Петрова [7], Р. Ф. Старкова [8], М. М. Шарипова [9] и др.

Если рассмотреть представленные материалы с позиции группирования постсоветских

стран, то хочется обратить внимание на три работы, в которых приведено авторское видение количества и состава групп экс-членов СССР.

Е. С. Авдеева, изучая состояние экономик постсоветских стран на момент 2013 г., проводит группирование стран СНГ в зависимости от состояния и источников поступлений в бюджет [2]. При этом выделяет три группы:

1-я группа – страны-экспортеры энергоносителей: Россия, Казахстан, Азербайджан; наполнение бюджетов выделенных стран осуществляется за счет экспорта углеводородов;

2-я группа – страны-экспортеры рабочей силы: Армения, Молдова, Кыргызстан, Таджикистан; бюджеты в значительной степени финансируются благодаря поступлению средств трудовых мигрантов;

3-я группа – страны с диверсифицированной структурой экспорта: Беларусь, Узбекистан, Украина; наряду с ресурсным (сырьевым) экспортом существует и большая доля продукции с высокой степенью переработки.

Коллективная монография «Социально-экономическое развитие постсоветских стран: итоги двадцатилетия» [3] под руководством Л. Б. Вардомского является самым проработанным научным трудом, посвященным постсоветским странам. В частности, проводится социально-экономический обзор каждой из пятнадцати республик СССР, анализируется наследие Советского Союза и то, каким образом оно повлияло на траекторию движения стран в трансформационный период. Заслугой коллектива авторов можно считать разработку классификации стран-членов Советского Союза на момент распада. Авторы выделяют четыре группы стран: 1) страны Балтии (Латвия, Литва, Эстония); 2) страны общего соседства ЕС и России (Молдова, Белоруссия, Украина); 3) Кавказ (Азербайджан, Грузия, Армения); 4) Центральноазиатская «мозаика» (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан).

Рассматривая социально-экономическое развитие постсоветских стран, А. В. Петров [7], выделяет 4 группы стран и один «выброс». Группирование проводится исходя из территориальной принадлежности.

1-я группа представлена Восточноевропейскими странами (Украина, Беларусь и Молдова). Нахождение между Европой и Россией несколько ограничивает их экономический и социальный суверенитет.

2-я группа – это Центральная Азия (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Туркмения). Политическая элита этих государств сталкивается с проблемами, каждая из которых способна поставить под угрозу существование

любого из них. В регионе проявляется исламское влияние и экономическое давление Китая.

3-я группа – «Закавказье» (Армения, Азербайджан и Грузия). Зона политической нестабильности. Максимальное влияние на политику данных стран оказывают США и Россия.

4-я группа представлена странами Балтии (Латвия, Литва и Эстония). Проявляется повсеместное влияние на экономику представленных стран их интеграции в Европейский союз.

Выбросом является Россия, которая рассматривается как отдельная группа из-за своей доминирующей роли в регионе.

Недостаток выделенных группировок кроется в подходе к распределению стран постсоветского пространства на категории и группы, ученые не используют формализованных методов, что придает полученным результатам долю субъективизма. Считаем, что в данном вопросе необходимо прибегнуть к статистическому инструментарию. Так, в ходе проведенного исследования нами были использованы такие методы, как табличный и графический, группирования, в том числе кластерный анализ. Также применялись такие общенаучные методы, как анализ и синтез.

Эмпирический анализ

Группирование объектов – это один из способов изучения структуры совокупности в отдельно взятый момент времени, но применительно к постсоветским странам, которые находятся в турбулентном состоянии, такой подход не применим, так как позиции республик относительно друг друга постоянно меняются. Выходом из данной ситуации видится проведение нескольких группировок в эталонные периоды, к таковым отнесем 1991 г. (распад СССР), 1999 г. (воздействие кризиса 1998 г.), 2009 г. (воздействие кризиса 2008 г.) и 2015 г. (отчетный период), что позволит установить величину изменения в соотношении стран.

Самым простым способом сопоставления уровня развития экономики стран является сравнение их ВВП [10], так как этот показатель рассчитан на единой методологической основе, а значит, сопоставим в пространстве. Обратимся к данным Статистического отдела ООН и Всемирного Банка и представим позиции постсоветских стран в двухмерном пространстве (рис. 1, 2).

Согласно представленной на рис. 1 информации, трансформационные процессы негативным образом отразились на эффективности экономики страны, так ни одна из 15 бывших республик СССР не смогла удержать экономику от падения, в результате чего по всей совокупности получен темп снижения.

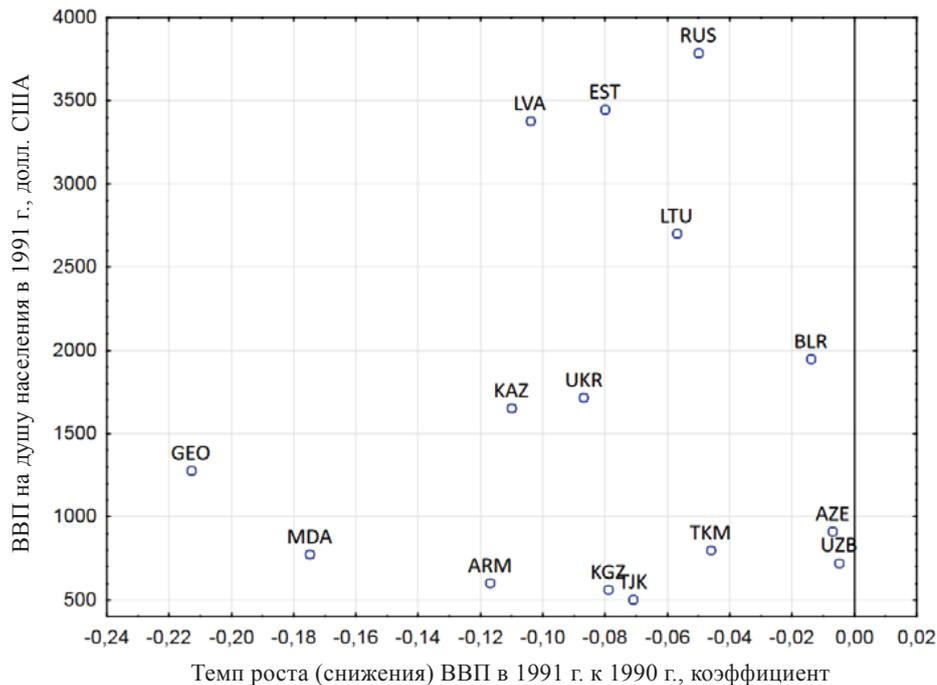

Рис. 1. Распределение постсоветских стран по ВВП на душу населения и темпу роста ВВП в 1991 г. (сост. по: [11])

Fig. 1. The distribution of the post-Soviet countries by GDP per capita and GDP growth rate in 1991 (compiled by: [11])

Если обратиться к значениям ВВП на душу населения, то высокими показателями обладали Россия, страны Балтии и три крупных республики – Казахстан, Украина и Беларусь. По остальным странам значение варьировало относительно отметки в 750 долл. США.

Для оценки влияния трансформационных процессов на экономику рассматриваемых стран обратимся к рис. 2, на котором представлены данные за 2015 г.

Согласно представленной на рис. 2 информации, 7 стран из 15 за период 2009–2015 гг. в среднем не показывали роста ВВП, отдельно стоит отметить высокие позиции по ВВП на душу населения стран Балтии. В отношении подобного успеха В. В. Воротников указывает: «Итоги 25-летнего развития независимых Латвии, Литвы и Эстонии неоднозначны. С формальной точки зрения, они провели успешные политические и социально-экономические трансформации, что позволило достичь нужных макроэкономических показателей и в сжатые сроки вступить в ЕС и НАТО. С другой стороны, став членами этих объединений, они самостоятельно, без какого-либо давления передали значительную часть суверенитета, к которому до этого так активно стремились, на наднациональный уровень. Будучи дотационными республиками в составе СССР, сегодня они стали дотироваться из Брюсселя» [4, с. 20].

Опираясь всего на два показателя, не совсем корректно судить о позициях постсоветских стран, а значит, необходимо использовать набор характеристик объектов. Для этих целей наилучшим образом подойдет многомерное группирование, одной из разновидностей которого является кластерный анализ.

В качестве признаков, участвующих в кластерном анализе, используем социально-экономические показатели, предоставляемые Всемирным Банком и Статистической комиссией ООН [10]: X1 – ВВП на душу населения, долл. США на человека; X2 – Доля промышленности (разделы С-Е) в ВВП, %; X3 – Доля сельского хозяйства (разделы А-В) в ВВП, %; X4 – Коэффициент рабочей силы, %; X5 – Уровень безработицы, %; X6 – Доля экспорта, в % к ВВП; X7 – Валовое накопление основного капитала, долл. США на одного работающего.

Обработка исходной информации в пакте STATISTICA, приводит нас к древовидной дендрограмме (рис. 3).

В нашем случае имеем 3 группы. Первая группа включает Россию, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан, которые характеризуются средними показателями ВВП на душу населения, высокой долей промышленности и низким удельным весом сельского хозяйства. Вторая группа отличается низкими значениями показателя X1

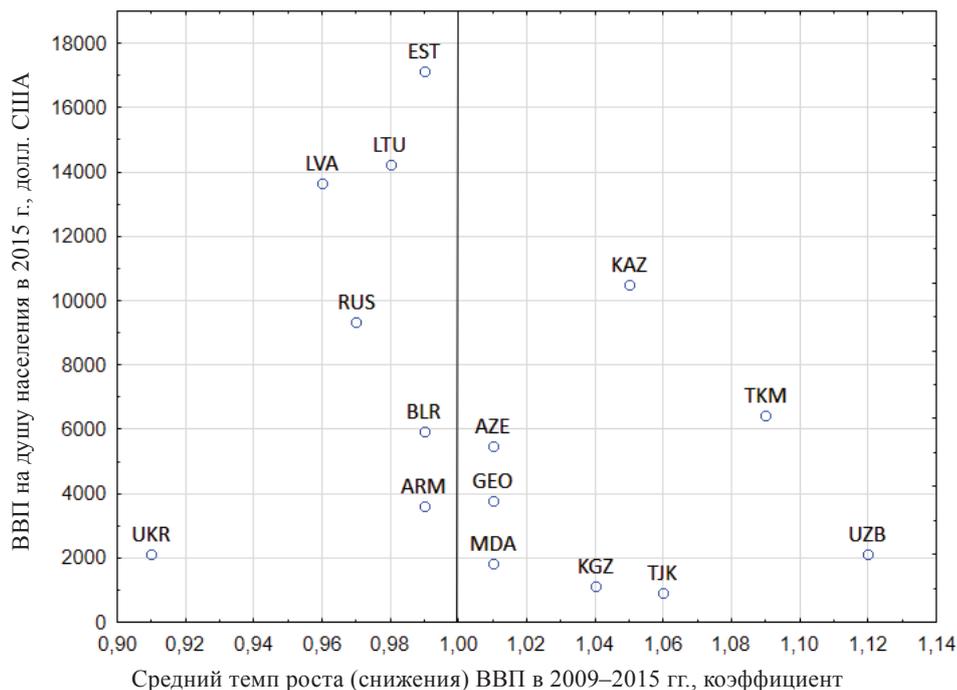

Рис. 2. Распределение постсоветских стран по ВВП на душу населения и темпу роста ВВП в 2015 году (сост. по: [12])

Fig. 2. The distribution of the post-Soviet countries by GDP per capita and GDP growth rate in 2015 (compiled by: [12])

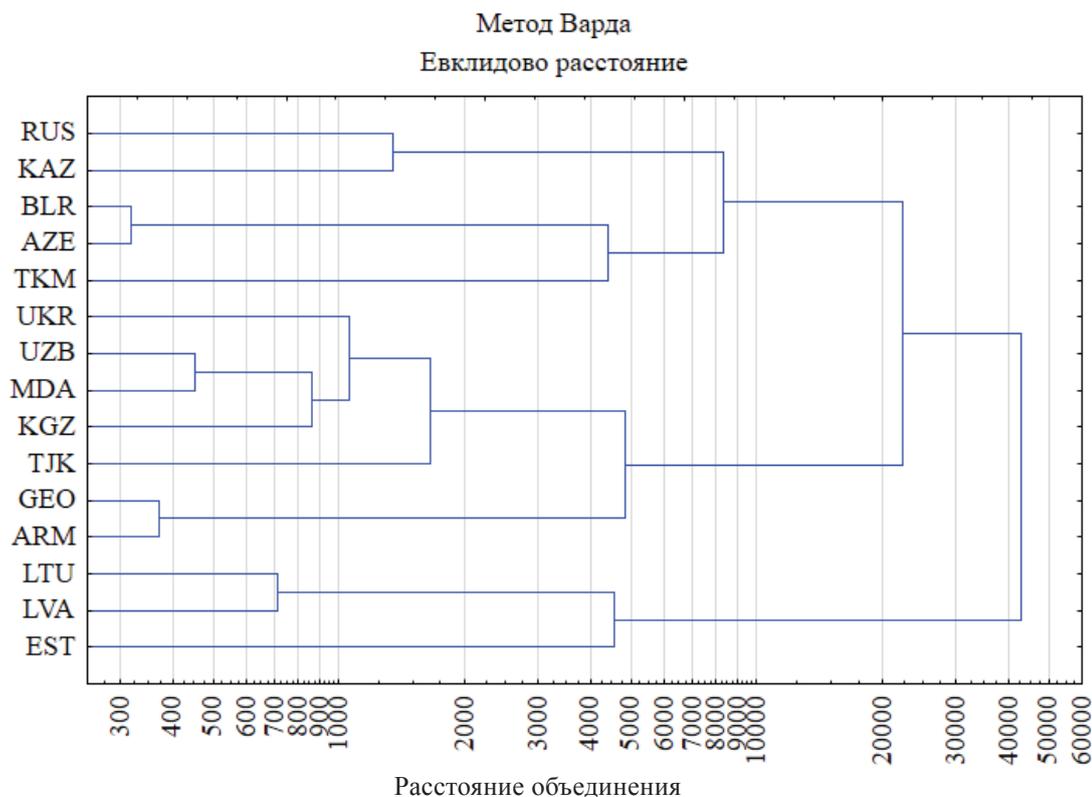

Рис. 3. Древовидная диаграмма групп постсоветских стран в 2015 г.

Fig. 3. Tree diagram of groups of post-Soviet countries in 2015

и средними долями промышленности и сельского хозяйства. Третья группа включает всего три объекта – Эстонию, Латвию и Литву, в этих странах самые высокие значения ВВП на душу населения, низкий удельный вес сельского хозяй-

ства и самый высокий уровень экспорта к ВВП.

Проведем аналогичные расчеты по остальным эталонным точкам, результаты представим в табл. 1 (рассчитано с применением пакета программ STATISTICA).

Таблица 1/Table 1

Наполнение групп субъектов постсоветских стран по результатам кластерного анализа
Filling of groups of subjects of post-Soviet countries according to the results of cluster analysis

Группа	1991 г.	1999 г.	2009 г.	2015 г.
1	RUS, LTU, LVA, EST	RUS, BLR, KAZ, TKM	RUS, BLR, KAZ, TKM	RUS, BLR, KAZ, AZE, TKM
2	UKR, BLR, KAZ, GEO	UKR, UZB, GEO, AZE, MDA, KGZ, TJK, ARM	UKR, UZB, GEO, AZE, MDA, KGZ, TJK, ARM	UKR, UZB, GEO, MDA, KGZ, TJK, ARM
3	UZB, AZE, MDA, KGZ, TJK, ARM, TKM	LTU, LVA, EST	LTU, LVA, EST	LTU, LVA, EST

Как видим, наполнение групп в 1991 г. и в последующие периоды кардинально отличаются. Так, Россия во всех временных срезах входит в первую группу, но наполняемость разная: если в первый год перехода к рыночной экономике в данную группу входили страны Балтии, то в дальнейшем эти страны выделились в отдельную группу. В конце 1990-х гг. вокруг России начали консолидироваться крупные страны, которые в настоящее время входят в ЕАЭС. Таким образом, вхождение республик Балтии в Евросоюз очень сильно повлияло на них, они удалились от России.

Выводы

Полученные нами результаты указывают на стабилизацию структуры постсоветских стран после трансформационного периода 1990-х гг. В результате проведенной кластер-процедуры было выявлено, что из анализируемой совокупности постсоветских стран выделяются три группы. В первый кластер вошли крупные постсоветские

страны во главе с Россией, общим для них является наличие природного капитала и рабочей силы.

Вторая группа – это страны, поменявшие полярность, т.е. в процессе своего развития все дальше «удаляющиеся» от России, солидарные с политическими мнениям западных стран, – это, прежде всего, Украина, Армения и Грузия.

Третья группа включает страны Балтии, имеющие наиболее быстрые темпы продвижения к рыночной системе, что обусловлено рядом факторов: существованием основ рыночной экономики до поворота к административно-командной системе, тесными экономическими и историческими связями с Западной Европой, относительной сбалансированностью структуры национального хозяйства или небольшим объемом диспропорций, консенсусом всех слоев населения в отношении необходимости перехода к рыночной системе [13].

Сравнительная характеристика имевшихся группировок, полученная в ходе исследования, приведена в табл. 2.

Таблица 2/Table 2

Сопоставление полученных результатов с прочими исследованиями
Comparison of the results with other studies

Группа	Результаты группировки в 2015 г.	Е. С. Авдеева, В. В. Варапаева *	Л. Б. Вардомский и др.	А. В. Петров
1	RUS, BLR, KAZ, AZE, TKM	RUS, KAZ, AZE	LTU, LVA, EST	UKR, BLR, MDA
2	UKR, UZB, GEO, MDA, KGZ, TJK, ARM	ARM, MDA, KGZ, TJK	RUS, MDA, BLR, UKR	KAZ, KGZ, TJK, UZB, TKM
3	LTU, LVA, EST	BLR, UKR, UZB	AZE, GEO, ARM	ARM, AZE, GEO
4	–	–	KAZ, KGZ, TJK, TKM, UZB	LTU, LVA, EST
5	–	–	–	RUS

Примечание. * группирование охватывает только страны СНГ.

Согласно данным табл. 2, разные группировочные признаки (и подходы), положенные в основание группировок, приводят к различному наполнению групп. Единственной схожей в 3 из 4 вариантов является группа, включающая страны Балтии, очевидно, эти республики настолько отличны от остальных 11 постсоветских стран, что однозначно идентифицируются.

В заключение хотелось отметить, что четверть века «свободного плавания» привели к значительной деформации постсоветских стран по уровню социально-экономического развития. Значительных успехов добились республики, имевшие в начале перехода хорошие позиции по природному и человеческому капиталу, что позволило им интегрироваться в глобальную экономику. Но формирование моноэкономики, завязанной на одном экспортируемом ресурсе (как правило, это углеводороды), оказывает негативное влияние на развитие экономик этих стран, в частности, более сильно ощущается волатильность мировых цен на нефть и газ и мировые финансовые кризисы.

Список литературы

1. *Празаускас А. А.* СНГ как постколониальное пространство // Независимая газета. 1992. 7 февр.
2. *Авдеева Е. С., Варанаева В. В.* Россия и страны постсоветского пространства : состояние экономик и внешнеторговые связи в 2013 году // Вестн. Поволж. ин-та управления. 2014. № 6 (45). С. 24–33.
3. *Вардомский Л. Б. [и др.]*. Социально-экономическое развитие постсоветских стран : итоги двадцатилетия. М. : ИЭ РАН, 2012. 400 с.
4. *Воротников В. В.* 25 лет независимости государств Балтии : из Советского в Европейский Союз // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. 2016. Т. 9, № 5 (50). С. 7–23. DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-5-7-23.
5. *Герасимова Р. Г.* Страны постсоветского пространства : 20 лет по пути трансформации (некоторые итоги) // Современная Европа. 2011. № 1 (45). С. 47–56.
6. *Егоров В. Г.* Постсоветское пространство как предмет научного осмысления // Обозреватель – OBSERVER. 2011. № 9 (260). С. 48–59.
7. *Петров А. В.* Страны постсоветского пространства. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. 172 с.
8. *Старков Р. Ф.* Анализ развития экономики постсоветской России // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. 2013. № 12 (83). С. 362–368.
9. *Шаритов М. М.* Некоторые теоретические аспекты развития рыночной экономики в странах постсоветского пространства // Вестн. Белгород. ун-та кооперации, экономики и права. 2009. № 2. С. 193–202.
10. *Цыпин А. П., Фаизова Л. Р.* Статистическое исследование влияния факторов на динамику макроэкономических показателей экс-членов Советского Союза // Азимут научных исследований : экономика и управление. 2017. Т. 6, № 4 (21). С. 259–263.
11. A world of information UNdata / Статистический отдел ООН. URL: <http://data.un.org> (дата обращения: 12.03.2018).
12. World Bank / Всемирный Банк. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 12.03.2018).
13. *Цыпин А. П.* Статистический анализ трансформации экономики России : дис. ... канд. экон. наук. Оренбург, 2005. 199 с.

Образец для цитирования:

Цыпин А. П. Статистический анализ дифференциации постсоветских стран в ходе трансформации экономики // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 298–304. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-298-304

The Statistical Analysis of Differentiation of The Post-Soviet Countries During Transformation of Economy

A. P. Tsy-pin

Alexander P. Tsy-pin, ORCID 0000-0003-1914-0719, Samara State Economic University, 141, Sovetskoy Armii Str., Samara, 443090, Russia, zipin@yandex.ru

Introduction. Process of transition of fifteen countries of ex-member of the USSR from planned economy to market, was followed by basic changes in political, economic and social life of society. Various approaches to the undertaken reforms, and opposite strategic objectives, cause the distinctions of economies of the Post-Soviet countries observed now. **Theoretical analysis.** Works of many domestic scientists are devoted to a problem of the analysis of results of the

period of transition of the Post-Soviet countries to market economy, they divide set of the Post-Soviet countries on the basis of various grouping signs, but along with advantages of these researches it is necessary to point to one essential shortcoming contributing a subjectivity share in the received results, it is high-quality approach to formation of groups. It causes need of application of quantitative approach and first of all multidimensional group. **Empirical analysis.** As a result of application to fifteen Post-Soviet countries of multidimensional group (more precisely than the cluster analysis) it has been established that in entire four reference periods (1991, 1999, 2009, 2015) three groups are allocated, at the same time in the last three periods a ratio and fullness of groups it is identical that points to stabilization of set. The first group had included the countries with impressive natural and human resources, the second the republics which have changed polarity from Russia with the European Union, the USA and China. The third group is formed by the Baltic States which were a part of the European Union and at the

expense of it have considerably increased a separation from other Post-Soviet countries that is substantially shown in such indicator as GDP per capita. **Conclusion.** Quarter of the century of development of the Post-Soviet countries out of the Soviet Union was led to their considerable deformation on the level of political and social and economic development. The republics which had good positions on the natural and human capital at the beginning of transition that it has allowed them to be integrated into global economy have achieved considerable progress. The Baltic States which were a part of the European Union and substantially, the improved macroeconomic indicators are also obviously allocated.

Keywords: statistics, multidimensional group, differentiation, cluster analysis, Post-Soviet countries.

References

1. Prazauskas A. A. Commonwealth of Independent States as post-colonial space. *Nezavisimaya gazeta* [Independent newspaper], 1992, 7 February (in Russian).
2. Avdeeva E. S., Varapaeva V. V. Russia and countries of the former Soviet Union: a condition of economies and the foreign trade communications in 2013. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Volga Region Institute of Administration], 2014, no. 6 (45), pp. 24–33 (in Russian).
3. Vardomskiy L. B., etc. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye postsovetskikh stran: itogi dvadtsatiletiya* [Social and economic development of the Post-Soviet countries: twentieth anniversary results]. Moscow: Institute of Economics RAS Publ., 2012. 400 p. (in Russian).
4. Vorotnikov V. V. 25 years of independence of the states of the Baltic: from Soviet to the European Union. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Contours of global transformations: policy, economy, right], 2016, vol. 9, no. 5 (50), pp. 7–23. DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-5-7-23 (in Russian).
5. Gerasimova R. G. Countries of the former Soviet Union : 20 years on the way of transformation (some results). *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2011, no. 1 (45), pp. 47–56 (in Russian).
6. Egorov V. G. Former Soviet Union as subject of scientific judgment. *Obozrevatel' – OBSERVER*, 2011, no. 9 (260), pp. 48–59 (in Russian).
7. Petrov A. V. *Strany postsovetskogo prostranstva* [Countries of the former Soviet Union]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 2012. 172 p. (in Russian).
8. Starkov R. F. Analysis of development of economy of Post-Soviet Russia. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Proceedings of Irkutsk State Technical University], 2013, no. 12 (83), pp. 362–368 (in Russian).
9. Sharipov M. M. Some theoretical aspects of development of market economy in the countries of the former Soviet Union. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava* [Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law], 2009, no. 2, pp. 193–202 (in Russian).
10. Tsypin A. P., Faizova L. R. Statistical research of influence of factors on dynamics of macroeconomic indicators of ex-member of the Soviet Union. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie* [Azimuth of scientific research: economy and management], 2017, vol. 6, no. 4 (21), pp. 259–263 (in Russian).
11. *A world of information UNdata*. Available at: <http://data.un.org> (accessed 12 March 2018).
12. *World Bank*. Available at: <https://data.worldbank.org> (accessed 12 March 2018).
13. Tsypin A. P. *Statisticheskii analiz transformatsii ekonomiki Rossii* [Statistical analysis of transformation of economy of Russia]. Diss. Cand. Sci. (Econ.). Orenburg, 2005. 199 p. (in Russian).

Cite this article as:

Tsypin A. P. The Statistical Analysis of Differentiation of the Post-Soviet Countries During Transformation of Economy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 298–304 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-298-304

УДК 332.14

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДИКИ РЕЙТИНГОВОЙ ОЦЕНКИ КОМПЛЕКСНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РЕГИОНА

Е. В. Чистопольская, Е. Г. Щербань

Чистопольская Елена Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, elena.saratov@list.ru

Щербань Елена Геннадьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры национальной экономики и государственного и муниципального управления, Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, shebanlena@yandex.ru

Введение. В настоящее время наблюдается территориальное неравенство социально-экономического положения не только на уровне регионов, но и на уровне муниципальных образований. Исследование социально-экономического положения на уровне муниципальных образований и построение комплексной рейтинговой оценки отвечают потребностям органов местного самоуправления. **Теоретический анализ.** Реализация поставленных задач была достигнута на основе анализа основных подходов формирования рейтингов социально-экономического развития территорий. Проанализированы основные методики построения рейтинга экономического положения территорий, выявлены достоинства и недостатки каждой из исследуемых методик. Представлено обоснование использования интегральной рейтинговой оценки в качестве основного метода построения рейтинга. **Эмпирический анализ.** Предложен авторский подход к построению комплексной рейтинговой оценки. Она строится на основании частных рейтингов, которые в свою очередь рассчитаны по относительным показателям, характеризующим экономическое развитие, инвестиционную активность, уровень развития социальной сферы и уровень жизни населения. **Результаты.** На основании данных, предоставляемых органами статистики, построены частные рейтинги развития муниципальных районов Саратовской области и проведена интегральная рейтинговая оценка социально-экономического развития данных муниципальных территорий. Представлено обсуждение полученных результатов.

Ключевые слова: рейтинг, оценка, комплексное социально-экономическое развитие, муниципальные образования, методика, частные рейтинги.

DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-305-313

Введение

В современных условиях развитие муниципальных образований нашей страны осуществляется в условиях геополитических вызовов, экономических санкций и напряженности в дипломатических отношениях с рядом зарубежных государств, в связи с чем усиливается дифференциация различных муниципалитетов по уров-

ням социального и экономического развития, инвестиционной активности, обеспеченности социальной и производственной инфраструктурой. Учитывая существующие тенденции, представляется своевременным определение ключевых параметров развития территории, их оценка и выработка направлений муниципальной экономической и социальной политики и совершенствования инструментария муниципального управления.

Прогрессивное социально-экономическое развитие и повышение качества жизни населения локальных территорий невозможно без использования на местном уровне инструментов и механизмов стратегического планирования, перехода на проектные и программные методы управления развитием муниципалитетов. В то же время у стейкхолдеров (региональных и муниципальных органов власти, инвесторов, населения, представителей бизнеса и др.) стратегий, проектов и программ возникает очевидная потребность в сопоставимой информации о социально-экономическом развитии и, соответственно, о привлекательности муниципальных образований.

В связи с этим особую актуальность приобретает внедрение в практику управления муниципальными образованиями инструментария оценки, позволяющего с определенной степенью объективности судить об уровне социально-экономического развития муниципального образования.

Теоретический анализ

Решению данной задачи служит проведение на систематической основе мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований региона на основе формирования рейтинга городских округов и муниципальных районов по уровням экономического развития, социального развития, степени инвестиционной активности, развития социальной инфраструктуры, что имеет особое значение в условиях реализации указов Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов»

[1, с. 12]; от 10.09.2012 № 1276 «Об оценке эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности» [2, с. 3]; от 07.05.2012 № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике», по которым в перечни контролируемых и оценочных показателей включены сведения о развитии экономики

и социальной сферы в субъекте РФ и муниципальных образованиях [3, с. 8].

Кроме того, мониторинг социально-экономического развития муниципальных образований позволит регулярно контролировать степень достижения соответствующих целевых параметров, установленных документами стратегического развития региона и областными долгосрочными целевыми программами, и оценивать деятельность глав муниципальных образований с точки зрения эффективности принятых управленческих решений (рис. 1) [4].

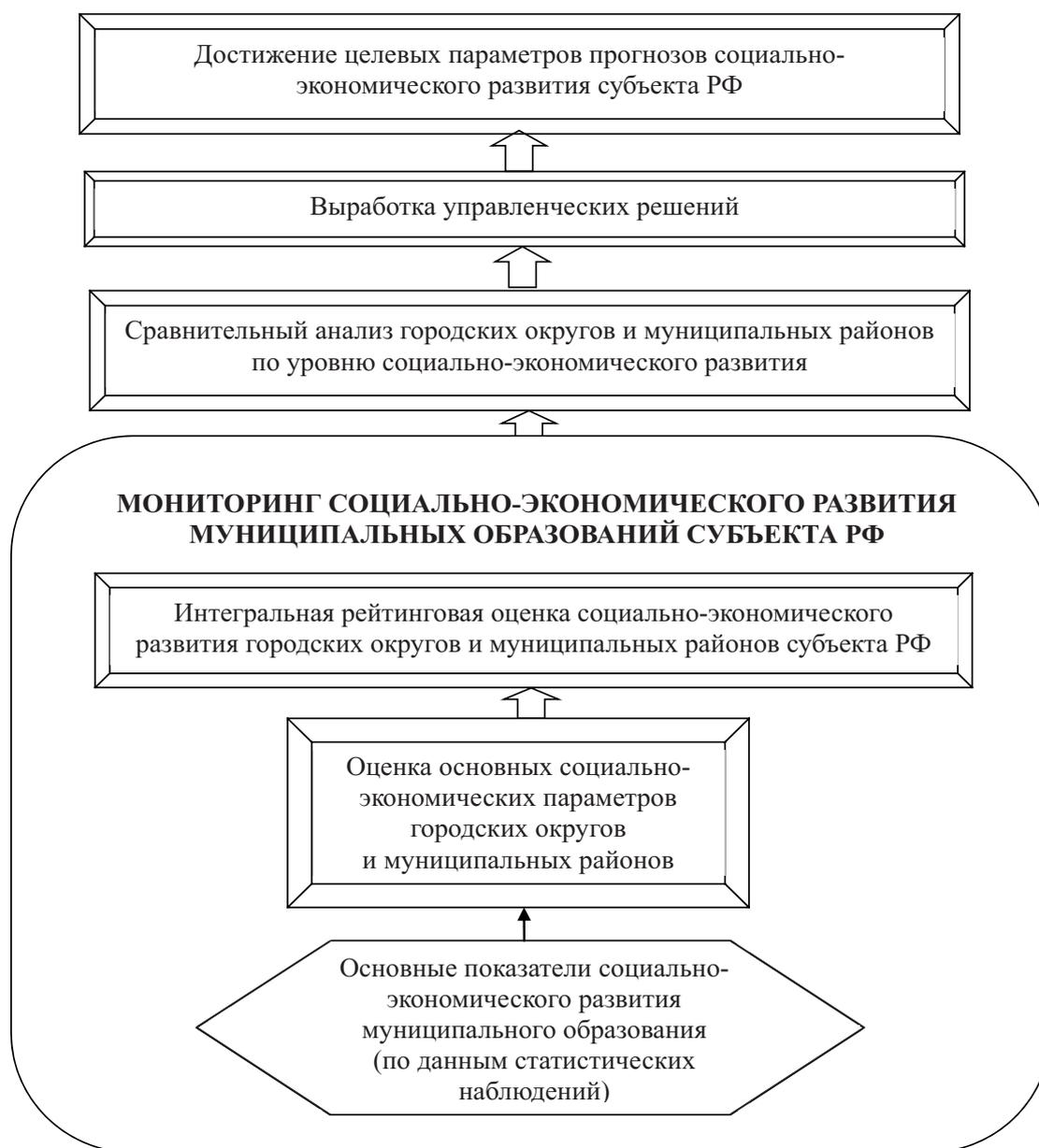

Рис. 1. Интегральная рейтинговая оценка как инструмент мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований субъекта РФ

Fig. 1. Rating of municipalities' socio-economic development as a monitoring tool used by local governments in the Russian Federation

В этой связи рейтинговая оценка муниципальных образований может стать одним из инструментов для выявления относительных преимуществ и недостатков экономики и социальной сферы муниципальных образований региона и выработки управленческих решений, направленных на повышение и выравнивание уровня социально-экономического развития муниципальных образований [5, с. 166].

Построение рейтинговой системы оценки уровня социально-экономического развития предполагает создание формализованной модели, в которой должны быть представлены основные характеристики социально-экономического развития муниципалитетов и основные факторы, которые в той или иной степени влияют на уровень последнего. Данная модель базируется на выборке показателей, отражающих подлежащие контролю параметры социально-экономического развития муниципальных образований. В систему показателей представляется целесообразным включать такие показатели, которые органы муниципальной власти смогут контролировать и на величину которых смогут оказывать управленческое воздействие.

Формирование рейтингов сопряжено с трудностями получения исходной информации. В качестве основных источников информации о муниципальных образованиях могут выступать: официальные статистические данные; результаты специальных обследований, в том числе экспертных оценок; информация, предоставляемая органами государственной власти и муниципального управления. На наш взгляд, основными критериями при выборе источника получения исходной информации для формирования рейтинга должны стать точность и объективность, возможность отслеживания в динамике, поскольку результаты оценки формируют основу для разработки управленческих решений в тех или иных отраслях и сферах муниципальных образований, а также простота и незначительная трудоемкость сбора первичной информации, так как органы местного самоуправления и органы государственной власти субъекта РФ загружены текущей работой. С точки зрения данных критериев, идеальным источником можно считать данные официальной статистики. Специальные обследования являются весьма трудоемкими и не всегда объективны, а при получении данных от органов власти велик риск искажения информации о реальном социально-экономическом положении территориального образования.

Таким образом, с целью обеспечения верификации результатов оценки рейтинги социально-экономического развития муниципальных

образований субъекта РФ предлагается строить на основе данных официальной статистики, находящихся в открытом и свободном доступе. На наш взгляд, отобранные показатели должны характеризовать тот или иной фактор социально-экономического развития муниципального образования, быть доступными в официальной статистике, простыми в измерении характеристик и предоставлять возможности сопоставления (сравнения), а также предоставлять возможность построения и интерпретации интегрального показателя.

Формирование методики оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований региона направлено на получение объективной, комплексной, легко интерпретируемой сравнительной оценки территориальных образований. С точки зрения достижения данной цели и обеспечения информативности и доступности и методических подходов для практического применения органами государственной власти и местного самоуправления методика рейтинговой оценки должна отвечать следующим требованиям:

- базироваться на применении такой технологии расчетов, которая позволит обеспечить сопоставимость отобранных показателей;
- обеспечивать построение рейтинга муниципальных образований региона на основе определения интегрального показателя уровня социально-экономического развития;
- создавать возможность измерения параметров социально-экономического развития муниципалитетов не только в статике, но и динамике;
- избегать использования экспертных оценок при определении значимости показателей, вносящих элемент субъективизма в расчеты;
- применять методы, хорошо исследованные в теории и широко используемые на практике.

К настоящему времени накоплен определенный зарубежный и отечественный опыт формирования рейтинговых оценок с использованием различных методов [6, с. 54]. Обобщение различных методических подходов к рейтинговой оценке территорий (регионов и муниципальных образований) позволяет выявить их особенности, достоинства и недостатки с точки зрения использования для оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований (табл. 1) [7, с. 13].

Сравнительный анализ методов, применяемых при построении рейтингов территорий, позволяет сделать вывод о необходимости построения методики оценки комплексного социально-экономического развития муниципальных образований на основе комбинационного подхода на базе частных рейтингов, позволяющего

Таблица 1/Table 1

Сравнительная характеристика основных методов рейтинговой оценки территорий
Comparison of territories' rating basic methods

Используемые методы	Особенности	Преимущества	Недостатки	Примеры практического применения
Метод нумерации мест	Ранжирование в соответствии со значениями отобранных для анализа ключевых показателей	Простота применения; объективность; возможность проведения комплексной оценки; легкая интерпретация результатов оценки	Несопоставимость абсолютных показателей различных по площади и по масштабу деятельности территорий; невозможность учета разной значимости показателей	Статистическое ранжирование субъектов РФ по социально-экономическим показателям
Метод интеграции по сумме мест	Расчет рейтинговых баллов по каждому показателю	Сопоставимость данных в случае использования нормализованных значений для итогового сравнения; легкая интерпретация результатов оценки	Невозможность учета разной значимости показателей; недостаточная объективность*	Рейтинговая оценка инвестиционной привлекательности регионов России, подготовленная рейтинговым агентством RAEX Рейтинговая оценка социально-экономического положения субъектов РФ РИА-рейтинг
Метод нормализации показателей	Нормализация на основе деления базисных фактических характеристик каждого показателя со средними или «идеальными» оценками по совокупности территорий	Сопоставимость анализируемых показателей по причине использования нормализованных значений для итогового сравнения; объективность; возможность проведения комплексной оценки; легкая интерпретация результатов оценки	При выборе ряда подходов к формализации не учитывается разная значимость, весомость показателей	Рейтинговая оценка социально-экономического развития муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан
Матричный метод анализа	Представление территориальной социально-экономической системы в виде матричной модели	Обобщающая оценка развития территории (позволяет определить изменения в результатах территориального развития и выявлять резервы повышения эффективности)	Сложность применения; невозможность сравнения территорий по параметрам социально-экономического развития	—

Примечание. * Сравнение различных по площади и по масштабу деятельности территорий невозможно по причине использования ряда абсолютных показателей в качестве ключевых.

сочетать сильные стороны различных методик. Формирование системы частных рейтингов создает предпосылки для поиска возможностей развития и решения проблем муниципальных образований по ключевым параметрам социального и экономического развития.

Эмпирический анализ

В качестве частных рейтингов для оценки комплексного социально-экономического развития муниципальных территорий представляется целесообразным измерение:

- рейтинга экономического развития;
- рейтинга инвестиционной активности;
- рейтинга развития социальной сферы;
- рейтинга уровня и качества жизни населения.

В свою очередь, при расчете каждого из частных рейтингов учитываются основные факторы, отражающие особенности развития соответствующих параметров социально-экономического развития муниципальных образований. Компоненты частных рейтингов представлены на рис. 2.

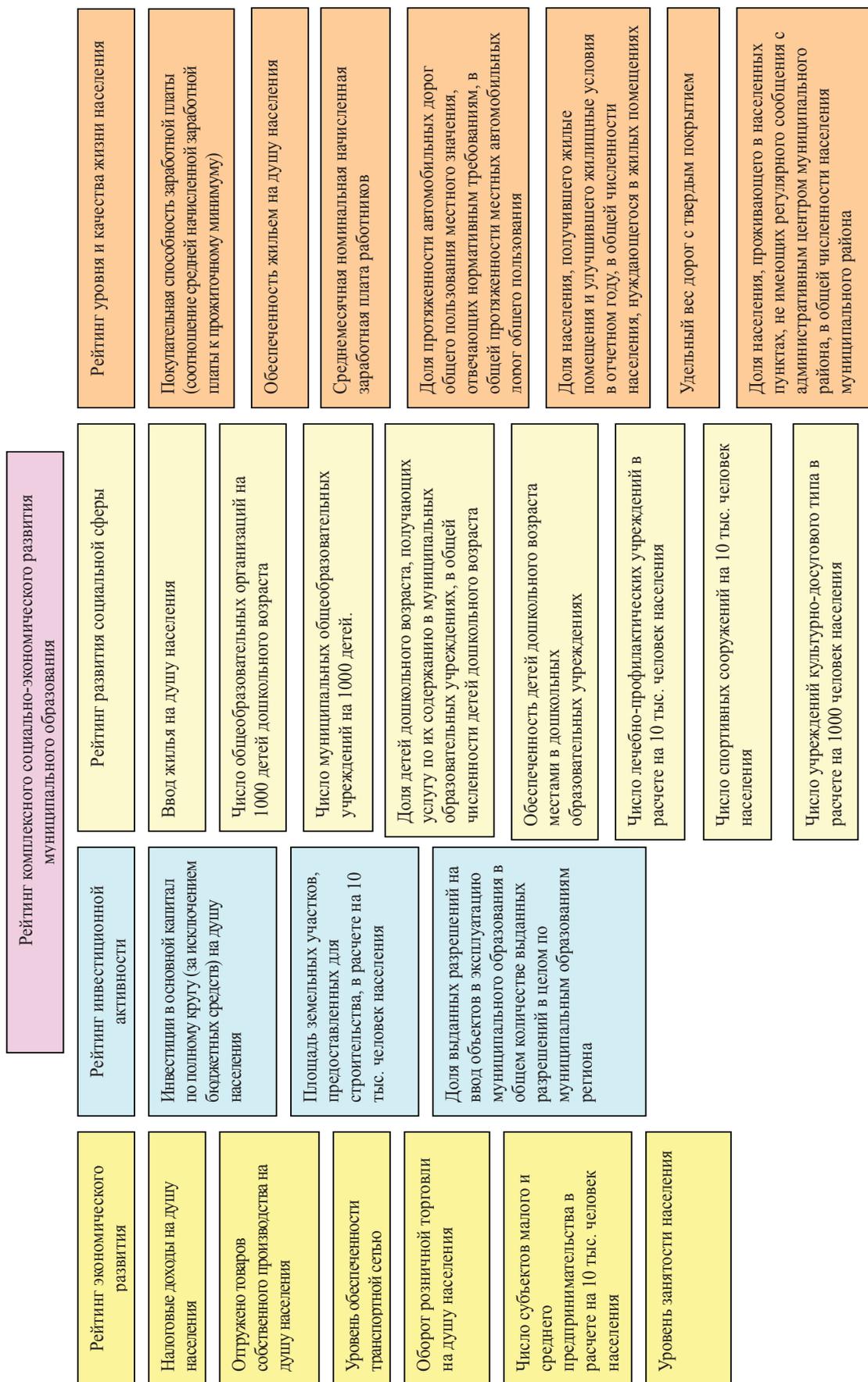

Рис. 2. Компоненты рейтинга комплексного социально-экономического развития муниципального образования

Fig. 2. Components of municipal complex socio-economic development rating

Для приведения разнородных показателей, отражающих влияние соответствующих факторов, в сопоставимый вид при расчете частных рейтингов представляется обоснованным применение метода нормирования показателей.

Нормирование показателей представляется целесообразным осуществлять по формуле

$$B_{ik} = \frac{z_{ik}}{\bar{z}}, \quad (1)$$

где B_{ik} – нормированная оценка значения i -го статистического показателя по k -му муниципальному образованию; \bar{z} – значение i -го статистического показателя по k -му муниципальному образованию.

Формула оценки частного рейтинга представляет собой среднее арифметическое из нормированных оценок значений i -го статистического показателя по k -му муниципальному образованию:

$$B_k = \frac{\sum B_{ik}}{S_k}, \quad (2)$$

где B_{ik} – частный рейтинг по k -му муниципальному образованию; ik – множество i -х статистических показателей k -го муниципального образования; S_k – количество i -х статистических показателей по k -му муниципальному образованию, имеющих ненулевое значение.

Для получения интегрального показателя комплексного социально-экономического развития муниципальных образований региона предлагается агрегировать частные индексы в итоговый интегральный показатель путем простого суммирования значений частных индексов, что обусловлено низкой трудоемкостью операций и высокой объективностью полученных результатов по причине отсутствия экспертных оценок. Таким образом, итоговый рейтинг комплексного социально-экономического развития муниципальных образований состоит из четырех частных рейтингов [8].

Рейтинг комплексного социально-экономического развития муниципальных образований строится на основе полученных интегральных показателей [9]. Дальнейшее ранжирование проводится в порядке убывания интегральных показателей, и первое место присваивается параметру, имеющему максимальное значение.

Предложенная методика позволяет осуществить пространственно-динамический анализ комплексного социально-экономического развития любых муниципальных образований, как в составе отдельных субъектов РФ, так и сравнительный муниципальных образований одного типа в разных субъектах РФ, например городских округов в составе федеральных округов [10].

Результаты

Для апробации предложенной методики использовалась выборка из муниципальных районов, входящих в состав Саратовской области. Рейтинговая оценка проводилась на основе данных за 2017 г. Некоторые показатели регистрируются один раз в три–пять лет, поэтому в расчетах использовалась информация за предыдущие годы [11], итоговые результаты расчета рейтинга представлены в табл. 2.

Как видно из данных табл. 2, лидером по социально-экономическому развитию является Балаковский муниципальный район. Саратовский и Энгельсский районы характеризуются высоким уровнем развития. Новобурасский, Вольский, Перелюбский, Балашовский, Федоровский, Аткарский, Калининский, Дергачевский, Краснокутский, Ртищевский, Балтайский районы показывают средний уровень социально-экономического развития. Екатериновский и Новоузенский муниципальные районы являются аутсайдерами данного рейтинга. В целом, 13 муниципальных районов из 38, рассмотренных в Саратовской области, демонстрируют низкий уровень социально-экономического развития.

Подводя итог, отметим, что предложенная авторами методика рейтинговой оценки позволяет осуществлять пространственно-временной анализ развития муниципальных территорий, т. е. отслеживать показатели комплексного социально-экономического развития муниципальных образований, относящихся к одному типу, и проводить их сравнение в динамике. Кроме того, данная методика может быть применена для сравнительного анализа и мониторинга социально-экономического развития всех типов муниципальных образований в Российской Федерации.

Особенностью предлагаемой методики является возможность ее корректировки и развития. Определенные недостатки методики оценки рейтинга комплексного социально-экономического развития муниципальных образований обусловлены, в первую очередь, ограниченностью и нерегулярностью предоставления информации о муниципальных образованиях органами статистики. Поэтому использование данной методики для анализа развития муниципальных образований представляется несколько затруднительным в силу нерегулярности и неодновременности предоставления ряда показателей органами статистики. В данной связи основным направлением развития предложенной методики является формирование исходной информационной базы оценки и последующее обоснование

Таблица 2/Table 2

**Рейтинг комплексного социально-экономического развития муниципальных районов
Саратовской области в 2017 году**

Complex socio-economic development rating of Saratov province's municipalities in 2017

Муниципальный район	Рейтинг экономического развития	Рейтинг инвестиционной активности	Рейтинг развития социальной сферы	Рейтинг уровня и качества жизни населения	Общий рейтинг	Место района в системе ранжирования
Балаковский	6,061963	3,002805	3,946654	1,151797	3,54080	1
Саратовский	3,537405	1,338057	1,40256	1,023871	1,82547	2
Энгельский	2,460859	1,410522	2,216386	1,039510	1,78182	3
Ершовский	0,980770	3,291668	0,623434	0,925368	1,45531	4
Новобурасский	0,972279	2,324782	0,612562	1,86560	1,44380	5
Вольский	1,6350	1,994939	1,176146	0,908245	1,42858	6
Перелюбский	0,724145	3,129809	0,422938	1,079153	1,33901	7
Балашовский	2,126583	0,301384	1,956536	0,812057	1,29914	8
Федоровский	0,935966	1,292436	1,920388	0,891115	1,25998	9
Аткарский	1,195359	0,165082	2,414934	1,025319	1,20017	10
Калининский	0,971665	1,092198	1,111415	1,508639	1,17098	11
Дергачевский	0,838970	2,127889	0,747398	0,733785	1,11201	12
Краснокутский	0,928394	1,383089	0,612620	1,488298	1,10310	13
Ртищевский	1,136321	0,597413	1,390597	1,259886	1,09605	14
Балтайский	0,532050	2,060588	0,740433	0,961721	1,07370	15
Советский	0,975133	0,892061	0,639352	1,480690	0,99681	16
Духовницкий	0,828412	1,014159	0,841508	1,124919	0,95225	17
Питерский	0,497684	1,223085	0,951833	1,051625	0,93106	18
Татищевский	1,876564	0,498417	0,323859	1,005739	0,92614	19
Ивантеевский	0,739362	1,268534	0,717742	0,784760	0,87760	20
Марковский	0,967024	0,683301	0,912681	0,918999	0,87050	21
Ардакский	0,857930	1,275896	0,510613	0,824834	0,86731	22
Пугачевский	1,179317	0,498258	0,902385	0,873444	0,86335	23
Краснопартизанский	0,970319	0,910562	0,639743	0,887874	0,85212	24
Лысогорский	1,001230	0,81920	0,602894	0,740805	0,79103	25
Базарно-Карабулакский	0,807137	0,581655	0,803907	0,960008	0,78817	26
Хвалынский	0,917661	0,349233	0,887884	0,906179	0,76523	27
Романовский	0,746730	0,645050	0,621859	0,974889	0,74713	28
Красноармейский	0,830301	0,213333	0,936668	0,957683	0,73449	29
Петровский	1,040386	0,391205	0,647499	0,841396	0,73012	30
Турковский	0,856837	0,206391	0,829089	1,015075	0,72684	31
Ровенский	0,965329	0,541712	0,613735	0,767166	0,72198	32
Воскресенский	0,610841	0,011564	1,151305	1,078726	0,71310	33
Самойловский	1,144862	0,035801	0,673561	0,810818	0,66626	34
Александрово-Гайский	0,664932	0,040101	0,717936	0,959871	0,59571	35
Озинский	0,692649	0,025638	0,602322	1,021987	0,58564	36
Екатериновский	0,639233	0,292096	0,589308	0,647338	0,54199	37
Новоузенский	0,752399	0,070086	0,587318	0,690810	0,52515	38

и расширение состава показателей, включенных в частные рейтинги экономического развития, инвестиционной активности, развития социальной сферы и уровня жизни.

Помимо этого, недостатком данной методики является то, что не учитывается разная значимость показателей, входящих в рейтинг, хотя очевидно, что используемые показатели имеют разную весомость.

Детальный анализ частных рейтингов, входящих в состав общего рейтинга комплексного социально-экономического развития, позволяет идентифицировать проблемные места и слабые параметры развития экономики и социальной сферы, которые нуждаются в дополнительном регулировании со стороны органов местного самоуправления и органов региональной власти. Предложенная методика и полученные результаты могут быть использованы в соответствующих государственных программах и проектах в целях привлечения дополнительных средств и новых управленческих технологий на муниципальные территории.

Список литературы

1. Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов : указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 (ред. от 04.11.2016). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Об оценке эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности : указ Президента РФ от 10.09.2012 № 1276. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. О долгосрочной государственной экономической политике : указ Президента РФ от 07.05.2012 № 596. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
4. О состоянии местного самоуправления в Российской Федерации, перспективах его развития и предложения по совершенствованию правового регулирования организации и осуществления местного самоуправления : доклад Правительству РФ Общероссийского Конгресса муниципальных образований // Муниципальная Россия. 2017. № 9. С. 1–56.
5. *Логина В. А., Мурашова Е. В.* Особенности рейтинговой оценки конкурентоспособности территориальных экономических систем (на примере муниципальных образований) // Вестн. ТОГУ. 2011. № 2 (21). С. 165–174.
6. *Щербань Е. Г.* Совершенствование экономической основы местного самоуправления // Современная экономика и управление : подходы, концепции, модели : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / ред. кол. : М. И. Абрамова (отв. ред.), Е. В. Масленникова, А. М. Петров. Саратов, 2017. С. 54–56.
7. *Балаш О. С., Чистопольская Е. В.* Пространственный подход к анализу экономического роста регионов России // Сборник трудов Международной научно-экономической конференции имени академика П. П. Маслова. № 1. Берлин : Wissenschaftliche Welt, e.V., 2013. С. 12–20.
8. Совет муниципальных образований Республики Татарстан : [сайт]. URL: <http://sovmo.tatarstan.ru> (дата обращения: 03.05.2018).
9. Эксперт РА : [сайт]. URL: <https://raexpert.ru/> (дата обращения: 03.05.2018).
10. РИА Рейтинг : [сайт]. URL: <http://riarating.ru/> (дата обращения: 03.05.2018).
11. Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 03.05.2018).

Образец для цитирования:

Чистопольская Е. В., Щербань Е. Г. Формирование методики рейтинговой оценки комплексного социально-экономического развития муниципальных образований региона // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 305–313. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-305-313

The Rating Method of Complex Socio-Economic Development of Municipalities in Russian Regions

E. V. Chistopolskaya, E. G. Sherban

Elena V. Chistopolskaya, ORCID 0000-0003-0023-0992, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, elena.saratov@list.ru

Elena G. Sherban, ORCID 0000-0002-0737-6524, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, 89, Radischeva Str., Saratov, 410003, shebanlena@yandex.ru

Introduction. Municipalities of the Russian Federation as well as Russian regions face the socio-economic development inequality at present. The study of the socio-economic situation at the level of municipalities and the complex socio-economic development rating estimation meets the needs of local governments. **Theoretical analysis.** The complex municipal socio-economic development rating method has been developed in the research at comparison of the main approaches to socio-economic territories' ratings. The main methods of economic rating of the territories were analyzed and advantages and deficiencies of each were defined. The use of the integrated rating assessment method was substantiated in the article. **Empirical analysis.** The method of complex rating evaluation has been proposed in the research. The proposed method

is based on private ratings, which are estimated by the relative indicators that characterize economic development, investment activity, social sphere development and the standard of living of the population. **Results.** The approbation results of the offered method are presented. Private ratings of socio-economic development of municipal areas in the Saratov region were calculated and an integral rating of complex socio-economic development of these municipalities in 2017 was estimated. Discussion of the achieved results is presented.

Key words: rating, assessment, integrated socio-economic development, municipalities, rating method, private ratings.

References

1. About assessment of efficiency of activity of local governments of city districts and municipal areas. Presidential decree from April 28, 2008 No. 607 (an edition of 04.11.2016). *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
2. About assessment of efficiency of activity of heads of federal executive authorities and the highest officials (heads of the supreme executive bodies of the government) of territorial subjects of the Russian Federation on creating favorable conditions of conducting business activity. Presidential decree from September 10, 2012 No. 276. *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
3. About long-term state economic policy. Presidential decree from May 07, 2012 No. 596. *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
4. About a condition of local government in the Russian Federation, the prospects of his development and suggestion for improvement of legal regulation of the organization and implementation of local government. Report to the Government of the Russian Federation of the All-Russian Congress of municipal units. *Munitsipal'naia Rossiia* [Municipal Russia], 2017, no. 9, pp. 1–56 (in Russian).
5. Loginova V. A., Murashova E. V. Features of competitiveness rating of territorial economic systems (on the example of municipal units). *Vestnik TOGA* [Bulletin of PNU], 2011, no. 2 (21), pp. 165–174 (in Russian).
6. Sherban E. G. Improvement of a local government economic basis. *Sovremennaiia ekonomika i upravlenie: podkhody, kontseptsii, modeli. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modern economy and management: approaches, concepts, models. Materials of the 3rd Int. sci. and pract. conf. Editorial board: M. I. Abramov (ans. ed.), E. V. Maslennikov, A. M. Petrov. Saratov, 2017, pp. 54–56 (in Russian).
7. Balash O. S., Chistopolskaya E. V. The Spatial Approach to the Analysis of Economic Growth in the Regions of Russia. *Sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchno-ekonomicheskoi konferentsii imeni akademika P. P. Maslova. No. 1* [Collection of works of the International scientific and economic conference of a name of the academician P. P. Maslov. No. 1]. Berlin: Wissenschaftliche Welt, e.V., 2013, pp. 12–20 (in Russian).
8. *Sovet munitsipal'nykh obrazovaniy Respubliki Tatarstan* (Municipal Council of Republic of Tatarstan. Site). Available at: <http://sovmo.tatarstan.ru> (accessed 3 May 2018) (in Russian).
9. *Expert RA*. Site. Available at: <https://raexpert.ru/> (accessed 3 May 2018) (in Russian).
10. *RIA Rating*. Site. Available at: <http://riarating.ru/> (accessed 3 May 2018) (in Russian).
11. *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* (Federal State Statistics Service. Site). Available at: <http://www.gks.ru> (accessed 3 May 2018) (in Russian).

Cite this article as:

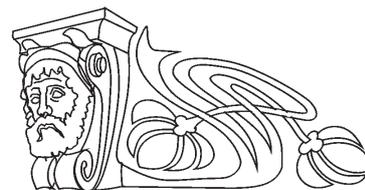
Chistopolskaya E. V., Sherban E. G. The Rating Method of Complex Socio-Economic Development of Municipalities in Russian Regions. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 305–313 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-305-313

УДК 314.172

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ РОЖДАЕМОСТИ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ В РОССИИ

Е. С. Иноземцев, О. В. Кочетыгова

Иноземцев Евгений Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики, Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, inevgenij@yandex.ru

Кочетыгова Ольга Вениаминовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики, Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, kochka1777@mail.ru

Введение. Пространственные аспекты важнейших демографических показателей (рождаемости и смертности) исследованы в недостаточной степени. Цель статьи – оценка влияния пространственных эффектов и внешних факторов на уровень и динамику суммарного коэффициента рождаемости и продолжительности жизни в Европейской части России. **Теоретический анализ.** В качестве зависимых переменных использовался суммарный коэффициент рождаемости и ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин. Применялись три вида пространственных матриц – обратная матрица расстояний, обратная матрица квадратов расстояний и матрица, взвешенная по экономическому индикатору (ВРП). **Эмпирический анализ.** Анализ проводился на основе панели из 55 российских регионов Европейской части России за 2004–2015 гг. (660 наблюдений). Для проверки гипотезы о наличии пространственного лага рассчитывался индекс Морана. Оценивались три однофакторные эмпирических модели: SAR, модель с экзогенным пространственным лагом и модель Дарбина. Модели сравнивались с помощью значения функции максимального правдоподобия. **Результаты.** Гипотеза о наличии пространственной автокорреляции подтвердилась для обеих результативных переменных. Наилучшие результаты показали модели с фиксированными эффектами с матрицей обратных расстояний. По уровню правдоподобия оптимальной оказалась пространственная модель Дарбина.

Ключевые слова: Россия, пространственный анализ, рождаемость, продолжительность жизни.

DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-314-321

Введение

Проблема пространственной автокорреляции важнейших демографических индикаторов – рождаемости и смертности (продолжительности жизни) – на удивление слабо изучена не только в России, но и за рубежом. Из отечественных публикаций, использующих современный аппарат пространственной эконометрики, можно привести лишь работы [1, 2], где доказана значимость пространственного лага для продолжительности жизни в регионах РФ. Как правило, на Западе главное внимание уделяется пространственному

анализу не общей, а младенческой смертности или смертности от отдельных заболеваний. Что касается рождаемости, одним из немногих примеров является работа [3], где для Испании констатируется наличие весьма сильной пространственной автокорреляции.

Теоретический анализ

В качестве зависимых переменных использовался суммарный коэффициент рождаемости (total fertility rate, TFR) и ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин (male/female life expectancy, MLE/FLE).

Выбор взвешивающей матрицы при пространственном анализе является весьма ответственным моментом. Она представляет собой симметричную матрицу с нулями на главной диагонали. Часто применяются матрицы соседства, где маркерами смежности (единицами) заполнены только клетки граничащих друг с другом регионов. Возможна их модификация для учета связи с особо важным регионом (в российских исследованиях – с Москвой). Модифицированная таким образом матрица включает все связи Москвы с центрами регионов [4, с. 115]. Вместо маркеров смежности можно использовать и обратные расстояния, однако качество моделей, взвешенных по данной матрице, как правило, оставляет желать лучшего [см., например, 5, с. 128; 6, с. 71].

С учетом этого использовались весовые матрицы двух типов. Первая – обратная матрица расстояний (Inverse Distance Weights, IDW):

$$w_{ij} = \begin{cases} 0, & \text{if } i = j; \\ d_{ij}^{-\gamma}, & \text{if } d_{ij} \leq D(q); \\ 0, & \text{if } d_{ij} > D(q), \end{cases}$$

где d_{ij} – расстояние между центрами регионов, $D(q)$ – квартили расстояний, $q = 1, \dots, 4$.

Вторая матрица – взвешенная по экономическому индикатору (gravity economic weights, GEW):

$$w_{ij} = \begin{cases} 0, & \text{if } i = j; \\ \frac{\sqrt{E_i E_j}}{d_{ij}}, & \text{if } d_{ij} \leq D(q); \\ 0, & \text{if } d_{ij} > D(q), \end{cases}$$

где E_i и E_j – значения некоторого экономического индикатора для i -го и j -го регионов.

Таким образом, матрица GEW усиливает влияние связей не только между двумя крупными (с большим значением E) регионами, но и между крупным и мелким регионом, так как в числителе рассчитывается средняя геометрическая для двух регионов [7].

В качестве d_{ij} принималось кратчайшее расстояние по автомобильным дорогам между центрами регионов, в качестве E – значения валового регионального продукта (ВРП). Значение q принималось равным 4, т.е. учитывались все расстояния между объектами. С целью более подробного анализа сравнивались матрицы с $\gamma = 1$ и $\gamma = 2$, так как в последнем случае усиливаются связи с ближними регионами и наоборот.

Для улучшения качества моделей все матрицы были стандартизованы (сумма по каждой строке равна единице).

Модель для анализа (Spatial Autoregression Model, SAR):

$$\ln y_{it} = \beta_0 + \beta_1 \sum_{j=1}^N w_{ij} \ln y_{jt} + \beta_2 \ln x_{it-1} + \varepsilon. \quad (1)$$

В качестве объясняющих переменных для суммарного коэффициента рождаемости были выбраны следующие:

- 1) реальные располагаемые денежные доходы на душу населения в ценах 2002 г., руб. (RealInc);
- 2) ввод в действие жилых домов, кв. м на душу населения (House);
- 3) мощность амбулаторно-поликлинических учреждений (АПУ), посещений в смену на 10000 чел. (AmbCapacity).

В качестве объясняющих переменных для MLE и FLE были выбраны следующие:

- 1) объем годовой розничной реализации водки на 1 чел. в трудоспособном возрасте, л (Vodka);

- 2) мощность амбулаторно-поликлинических учреждений (АПУ), посещений в смену на 10000 чел. (AmbCapacity).

Коэффициенты при каком-либо из факторов всегда оставались незначимыми (при совместном включении в модель). Таким образом, рассматривались лишь однофакторные модели.

Для оценки влияния пространственного лага объясняющей переменной чаще всего используют две эмпирические модели:

- 1) пространственная модель только с объясняющими переменными (exogenous variables only):

$$\ln y_{it} = \beta_0 + \beta_1 \sum_{j=1}^N w_{ij} \ln x_{jt} + \beta_2 x_{it} + \varepsilon; \quad (2)$$

- 2) пространственная модель Дарбина (Spatial Durbin Model, SDM):

$$\ln y_{it} = \beta_0 + \beta_1 \sum_{j=1}^N w_{ij} \ln y_{jt} + \beta_2 \ln x_{it} + \beta_3 \sum_{j=1}^N w_{ij} \ln x_{jt} + \varepsilon. \quad (3)$$

Оценка моделей проводилась по методу Ареллано – Бонда. Для оценки качества моделей использовался метод максимального правдоподобия [см., например, 8]. В качестве вспомогательного параметра применялся байесовский информационный критерий (BIC).

Эмпирический анализ

В качестве исходных данных использовалась панель за 12 лет (2004–2015 гг.) по 55 регионам Европейской части России, с некоторыми объективными исключениями, такими как Чечня и Ингушетия, а также Калининградская область, не имеющая общих границ с остальными регионами.

Определим значение индекса Морана, который является достаточно надежным индикатором наличия (или отсутствия) пространственной автокорреляции (табл. 1).

Таблица 1/ Table 1

Динамика индекса Морана для суммарного коэффициента рождаемости (55 европейских регионов России), рассчитанного по трем вариантам пространственных матриц

Dynamics of Moran's I for total fertility rate (55 Russian regions), three alternatives of spatial weight matrixes

Год	IDW ($\gamma = 1$)		IDW ($\gamma = 2$)		GEW	
	Moran's I	z-value	Moran's I	z-value	Moran's I	z-value
2004	0.1058	4.6547	0.2306	3.4593	0.1176	4.7831
2005	0.1071	4.6621	0.2318	3.4711	0.1138	4.7031
2006	0.1121	4.6978	0.2526	3.7445	0.1332	5.0897
2007	0.1641	6.4561	0.3581	5.1887	0.1799	6.5320
2008	0.1849	7.2383	0.4001	5.7734	0.2044	7.3858
2009	0.1540	6.0555	0.3477	5.0400	0.1803	6.5080
2010	0.1473	5.7949	0.3333	4.8392	0.1710	6.1754
2011	0.1475	5.7911	0.3414	4.9490	0.1721	6.1976
2012	0.1403	5.5141	0.3240	4.7065	0.1694	6.0845
2013	0.1570	6.1024	0.3534	5.1110	0.1854	6.6143
2014	0.1555	6.0466	0.3441	4.9840	0.1852	6.6143
2015	0.1194	4.8205	0.2741	4.0253	0.1439	5.3290

Положительные значения индекса Морана свидетельствуют о наличии кластеров с относительно высоким (или низким) уровнем рождаемости. Использование матрицы с квадратами расстояний, естественно, значительно усиливает влияние пространственных эффектов на уровень рождаемости. Некоторое повышение индекса

Морана наблюдается и при переходе к матрице, взвешенной по ВРП, однако здесь оно гораздо слабее.

Прежде чем рассчитать параметры моделей, предварительно сравним качество пространственных моделей (1), взвешенных по разным вариантам матриц (табл. 2).

Таблица 2/Table 2

Значения функции максимального правдоподобия и байесовского информационного критерия (BIC) для однофакторных моделей SAR, зависимая переменная – TFR
Level of log-likelihood function and Bayesian information criterion (BIC) for SAR models, depended variable TFR

Факторный признак	Матрица					
	IDW ($\gamma=1$)		IDW ($\gamma=2$)		GEW	
	log-likelihood	BIC	log-likelihood	BIC	log-likelihood	BIC
ln[RealInc(t-1)]	1205,71	-2041,35	1068,72	-1767,38	997,34	-1624,63
ln[House(t-1)]	1214,83	-2059,60	1059,47	-1748,89	933,76	-1497,47
ln[AmbCapacity(t-1)]	1231,14	-2092,21	1073,11	-1776,15	850,46	-1330,86

Очевидно преимущество обычной обратной матрицы расстояний. Это подтверждает предположение о незначимости влияния ВРП на уровень рождаемости в регионах [см., например, 9]. Сравним модель SAR, взвешенную по матрице IDW ($\gamma = 1$), с обычной панелью без пространственного лага (табл. 3).

Коэффициенты детерминации обычных (не-пространственных) моделей с фиксированными эффектами (LSDV R-squared) составили соответственно 85,8, 74,2 и 61,8%. Это указывает на весьма высокую объясняющую способность однофакторной панельной модели для TFR даже без учета пространственных эффектов.

Таблица 3/Table 3

Модели с фиксированными эффектами (не-пространственные и SAR), зависимая переменная – TFR
Fixed effect models (non-spatial and SAR), depended variable TFR

Параметры	Факторный показатель (X)					
	RealInc(t-1)		House(t-1)		AmbCapacity(t-1)	
	non-spatial	IDW ($\gamma=1$)	non-spatial	IDW ($\gamma=1$)	non-spatial	IDW ($\gamma=1$)
const	-2,7302*** (0,1680)	-0,3138*** (0,1847)	-0,9278*** (0,1133)	-0,1420* (0,0778)	-5,0801*** (1,3026)	-1,2036*** (0,3800)
Wln[Y]	–	0,8493*** (0,0657)	–	0,8657*** (0,0544)	–	0,8850*** (0,0384)
ln[X]	0,3678*** (0,0197)	0,0440* (0,0240)	0,2314*** (0,0197)	0,0341** (0,0159)	0,9937*** (0,2361)	0,2265*** (0,0697)
F-тест (FE=0)	347,61***	271,08***	137,91***	298,79***	17,72***	331,70***
Тест Бриша – Пэгана	1328,9***	2013,1***	977,62***	1803,2***	664,61***	1802,1***
Тест Хаусмана	74,12***	87,13***	54,39***	125,96***	19,76***	103,64***
Логарифм. правдоподобие	952,65	1205,71	756,67	1214,83	626,94	1231,14
BIC	-1541,73	-2041,35	-1149,77	-2059,60	-890,32	-2092,21

Примечание. В скобках – робастные стандартные ошибки; значимость * $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$ (нулевые гипотезы в тестах отклоняются на тех же уровнях).

Для обычной панели оптимальным (из рассмотренных) факторным признаком являются реальные располагаемые доходы, однако учет пространственного лага меняет картину в пользу мощности АПУ.

Результаты оценивания моделей (2) и (3) приведены в табл. 4.

Использование модели с пространственным лагом только объясняющей переменной, очевидно, нецелесообразно. Модель Дарбина для всех

Таблица 4/Table 4

Модели с фиксированными эффектами (экзогенная и SDM), зависимая переменная – TFR, матрица IDW ($\gamma = 1$)

Fixed effect models (exogenous only and SDM), depended variable TFR with IDW matrix ($\gamma = 1$)

Параметры	Факторный показатель (X)					
	RealInc(t-1)		House(t-1)		AmbCapacity(t-1)	
	exogenous only	SDM	exogenous only	SDM	exogenous only	SDM
const	-3,2831*** (0,1238)	-1,0655*** (0,2077)	-1,5921*** (0,0586)	-0,5473*** (0,0975)	-16,817*** (0,4987)	-6,5858*** (1,1028)
Wln[Y]	–	0,6846*** (0,0558)	–	0,6647*** (0,0543)	–	0,6188*** (0,0559)
ln[X]	-0,0141 (0,0416)	-0,0887* (0,0470)	0,0250* (0,0126)	0,0107 (0,0156)	0,1462** (0,0590)	0,1528*** (0,0409)
Wln[X]	0,4456*** (0,0473)	0,2281*** (0,0561)	0,3160*** (0,0157)	0,1060*** (0,0202)	2,9854*** (0,1186)	1,0724*** (0,1964)
F-тест (FE=0)	471,34***	268,37***	579,71***	261,90***	647,91***	319,12***
Тест Бриша – Пэгана	1448,5***	1633,7***	1217,7***	1406,7***	385,8***	2204,5***
Тест Хаусмана	140,78***	146,36***	161,42***	125,96***	908,63***	69,48***
Логарифм. правдоподобие	1087,32	1257,66	1059,18	1252,77	1108,03	1282,33
BIC	-1804,57	-2138,77	-1748,30	-2128,98	-1846,00	-2188,12

Примечание. В скобках – робастные стандартные ошибки; значимость * $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$ (нулевые гипотезы в тестах отклоняются на тех же уровнях).

факторных показателей демонстрирует лучшие результаты, чем SAR.

Как и в случае с рождаемостью, проверим значимость пространственных эффектов для смертности с помощью индекса Морана (табл. 5).

Очевидно, что матрица с учетом экономического веса районов не подходит для оценки

пространственных моделей продолжительности жизни. Если для мужского населения пространственная автокорреляция по матрице GEW крайне слаба и находится на границе значимости, то для женщин индекс Морана (принимаящий как положительные, так и отрицательные значения) можно считать практически незначимым.

Таблица 5/Table 5

**Динамика индекса Морана для ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин (55 европейских регионов России), рассчитанного по трем вариантам пространственных матриц
Dynamics of Moran's I for male and female life expectancy (55 Russian regions), three alternatives of spatial weights matrixes**

Год	IDW ($\gamma=1$)		IDW ($\gamma=2$)		GEW	
	Moran's I	z-value	Moran's I	z-value	Moran's I	z-value
	Мужчины					
2004	0.1869	7.4375	0.3791	5.4967	0.0755	3.2089
2005	0.1564	6.3968	0.3247	4.7506	0.0430	2.1552
2006	0.1506	6.1521	0.3152	4.6161	0.0377	1.9057
2007	0.1530	6.3056	0.3206	4.6970	0.0299	1.6483
2008	0.1511	6.2027	0.3157	4.6262	0.0306	1.6650
2009	0.1219	5.1123	0.2547	3.7790	0.0155	1.1479
2010	0.1354	5.5863	0.2858	4.2074	0.0285	1.5806
2011	0.1162	5.0205	0.2536	3.7757	0.0195	1.3065
2012	0.1313	5.5326	0.2849	4.2061	0.0313	1.7021
2013	0.1293	5.4868	0.2814	4.1598	0.0395	1.9904
2014	0.1340	5.6995	0.2962	4.3690	0.0344	1.8290
2015	0.1294	5.5062	0.2909	4.2925	0.0507	2.3987

Окончание табл. 5/End of table 5

Год	IDW ($\gamma=1$)		IDW ($\gamma=2$)		GEW	
	Moran's I	z-value	Moran's I	z-value	Moran's I	z-value
Женщины						
2004	0.1542	6.0607	0.3313	4.8142	0.0778	3.1973
2005	0.1634	6.3843	0.3493	5.0622	0.0741	3.1246
2006	0.1270	5.1678	0.2737	4.0288	0.0386	1.8948
2007	0.1266	5.1385	0.2802	4.1166	0.0300	1.5994
2008	0.1311	5.2623	0.2906	4.2553	0.0274	1.5066
2009	0.1091	4.5240	0.2427	3.6004	0.0165	1.1564
2010	0.1279	5.2139	0.2829	4.1572	0.0306	1.6243
2011	0.0748	3.3792	0.1771	2.7050	-0.0124	0.2064
2012	0.1047	4.4067	0.2434	3.6144	0.0079	0.8774
2013	0.0966	4.1458	0.2261	3.3785	-0.0012	0.5789
2014	0.0786	3.5096	0.1990	3.0068	-0.0060	0.4207
2015	0.1116	4.6647	0.2684	3.9604	0.0173	1.2030

В дальнейшем при построении моделей продолжительности жизни мы будем использовать только матрицы IDW ($\gamma = 1$) и ($\gamma = 2$). Заметим, что при использовании матрицы соседства значения индекса Морана увеличиваются в 3–4 раза (по сравнению с IDW ($\gamma = 1$)), но вывод не меняется – пространственные эффекты для мужской смертности сильнее [2, с. 118].

Сравнение качества моделей (табл. 6 и 7) показывает явное превосходство модели с про-

странственным лагом, взвешенным по матрице IDW ($\gamma = 1$). Как для мужчин, так и для женщин наблюдается положительная автокорреляция в пространстве. Коэффициенты детерминации не-пространственных моделей колебались от 60,7% (AmbCapacity, женщины) до 77,4% (Vodka, мужчины).

Рассмотрим модели (2) и (3) применительно к продолжительности жизни мужчин и женщин (табл. 8 и 9 соответственно).

Таблица 6/Table 6

Модели с фиксированными эффектами (не-пространственные и SAR), зависимая переменная – MLE
Fixed effect models (non-spatial and SAR), depended variable MLE

Параметры	Факторный показатель (X)					
	Vodka			AmbCapacity(t-1)		
	non-spatial	IDW ($\gamma=1$)	IDW ($\gamma=2$)	non-spatial	IDW ($\gamma=1$)	IDW ($\gamma=2$)
const	4,3294*** (0,0237)	0,5099** (0,2410)	1,6608*** (0,5688)	2,2476*** (0,4712)	0,0345 (0,1411)	0,2851 (0,2325)
Wln[Y]	–	0,8820*** (0,0566)	0,6156*** (0,1325)	–	0,8919*** (0,0484)	0,7030*** (0,0938)
ln[X]	-0,0727*** (0,0088)	-0,0082** (0,0039)	-0,0267*** (0,0094)	0,3417*** (0,0854)	0,0747** (0,0297)	0,1708*** (0,0575)
F-тест (FE=0)	68,82***	277,03***	84,95***	16,01***	423,37***	139,95***
Тест Бриша – Пэгана	1212,6***	1216,2***	1203,2***	628,7***	632,2***	625,6***
Тест Хаусмана	2,22	275,16***	23,97***	20,84***	401,81***	186,85***
Логарифмическое правдоподобие	1466,28	1971,64	1727,14	1314,04	1995,75	1761,31
BIC	-2569,00	-3573,22	-3084,23	-2264,52	-3621,44	-3152,55

Примечание. В скобках – робастные стандартные ошибки; значимость ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$ (нулевые гипотезы в тестах отклоняются на тех же уровнях).

Таблица 7/ Table 7

Модели с фиксированными эффектами (не-пространственные и SAR), зависимая переменная – FLE
Fixed effect models (non-spatial and SAR), depended variable FLE

Параметры	Факторный показатель (X)					
	Vodka			AmbCapacity(t-1)		
	non-spatial	IDW ($\gamma = 1$)	IDW ($\gamma = 2$)	non-spatial	IDW ($\gamma = 1$)	IDW ($\gamma = 2$)
const	4,4167*** (0,0120)	0,5655** (0,2720)	1,7093*** (0,5846)	3,3117*** (0,2476)	0,2855* (0,1699)	0,7968*** (0,2860)
Wln[Y]	–	0,8717*** (0,0620)	0,6126*** (0,1329)	–	0,8779*** (0,0505)	0,6982*** (0,0932)
ln[X]	-0,0377*** (0,0044)	-0,0045** (0,0022)	-0,0139*** (0,0049)	0,1818*** (0,0449)	0,0437** (0,0177)	0,0916*** (0,0314)
F-тест (FE = 0)	72,18***	247,14***	86,68***	16,41***	324,95***	131,19***
Тест Бриша – Пэгана	954,5***	915,0***	913,8***	540,6***	526,1***	519,8***
Тест Хаусмана	3,99**	214,21***	24,09***	20,24***	457,17***	222,58***
Логарифметрическое правдоподобие	1894,75	2329,48	2131,02	1750,53	2355,31	2168,56
BIC	-425,94	-4288,90	-3891,99	-3137,49	-4340,56	-3967,05

Примечание. В скобках – робастные стандартные ошибки; значимость * $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$ (нулевые гипотезы в тестах отклоняются на тех же уровнях).

Таблица 8/ Table 8

Модели с фиксированными эффектами (экзогенная и SDM), зависимая переменная – MLE, матрица IDW ($\gamma = 1$)

Fixed effect models (exogenous only and SDM), depended variable MLE with IDW matrix ($\gamma = 1$)

Параметры	Факторный показатель (X)			
	Vodka		AmbCapacity(t-1)	
	exogenous only	SDM	exogenous only	SDM
const	4,4405*** (0,0113)	1,1384*** (0,3594)	-1,8725*** (0,2312)	-0,6069** (0,2361)
Wln[Y]	–	0,7436*** (0,0817)	–	0,6928*** (0,0749)
ln[X]	0,0144*** (0,0053)	0,0044 (0,0047)	0,0441* (0,0234)	0,0523*** (0,0182)
Wln[X]	-0,1262*** (0,0068)	-0,0330*** (0,0116)	1,0480*** (0,0508)	0,2888*** (0,0784)
F-тест (FE = 0)	374,83***	281,91***	351,64***	342,44***
Тест Бриша – Пэгана	1630,9***	1794,0***	643,1***	626,2***
Тест Хаусмана	86,36***	95,68***	496,10***	263,59***
Логарифметрическое правдоподобие	1720,39	1999,35	1782,89	2034,64
BIC	-3070,71	-3622,15	-3195,72	-3692,72

Примечание. В скобках – робастные стандартные ошибки; значимость * $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$ (нулевые гипотезы в тестах отклоняются на тех же уровнях).

Для фактора «реализация водки» наблюдаются нехарактерные положительные значения бета-коэффициента при внутрирегиональном параметре. Это не позволяет признать удовлетворитель-

ными модели с данным фактором, несмотря на формальные признаки. Что касается параметра «мощность АПУ», то модель Дарбина является оптимальной для продолжительности жизни мужчин.

Таблица 9/Table 9

Модели с фиксированными эффектами (экзогенная и SDM), зависимая переменная – FLE,
матрица IDW ($\gamma = 1$)

Fixed effect models (exogenous only and SDM), depended variable FLE with IDW matrix ($\gamma = 1$)

Параметры	Факторный показатель (X)			
	Vodka		AmbCapacity(t-1)	
	exogenous only	SDM	exogenous only	SDM
const	4,4752*** (0,0060)	1,3592*** (0,3881)	1,1653*** (0,1172)	0,4352** (0,1462)
Wln[Y]	–	0,6963*** (0,0871)	–	0,6100*** (0,0832)
ln[X]	0,0081*** (0,0029)	0,0033 (0,0028)	0,0268** (0,0109)	0,0300*** (0,0099)
Wln[X]	-0,0664*** (0,0041)	-0,0210*** (0,0069)	0,5460*** (0,0241)	0,1968*** (0,0470)
F-тест (FE=0)	362,25***	240,64***	365,86***	285,09***
Тест Бриша – Пэгана	1292,4***	1542,7***	571,3***	697,0***
Тест Хаусмана	96,29***	90,01***	626,31***	187,04***
Логарифметрическое правдоподобие	2154,54	2361,32	2239,33	2404,54
BIC	-3939,03	-4346,10	-4108,60	-4432,54

Примечание. В скобках – робастные стандартные ошибки; значимость ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$ (нулевые гипотезы в тестах отклоняются на тех же уровнях).

При моделировании продолжительности жизни женщин с факторным признаком «реализация водки» возникают те же проблемы, что и для мужчин. Модель Дарбина с параметром «мощность АПУ» вновь является наиболее приемлемой.

Результаты

Обобщим результаты анализа.

1. Подтверждена гипотеза о наличии положительных пространственных эффектов в отношении как рождаемости, так и смертности (продолжительности жизни).

2. При анализе панельных данных наилучшие результаты показали модели с фиксированными эффектами с матрицей обратных расстояний размерности 1. Гипотеза об опосредованном влиянии ВРП на рождаемость или смертность (через матрицу GEW) отклонена.

3. Наиболее перспективным объясняющим параметром не только для продолжительности жизни, но и для рождаемости, является мощность АПУ, очевидно, отражающая степень доступности первичной медицинской помощи. При планировании семьи (рождаемость) доступность медицины, по-видимому, рассматривается населением как более весомый фактор, нежели динамика реальных доходов и обеспеченности жильем.

4. Наилучшей пространственной моделью, как для рождаемости, так и для смертности,

является модель Дарбина (SDM), включающая пространственные лаги зависимой и объясняющей переменных. Стоит заметить, что уровень рождаемости во всех случаях описывается факторными признаками гораздо хуже, чем продолжительность жизни. По-видимому, для рождаемости предпочтительнее многофакторные модели, однако весьма высокий уровень мультиколлинеарности (особенно в панельных данных) во многих случаях затрудняет их построение.

Список литературы

1. Балаш О. С. Пространственное моделирование темпов роста численности населения городов России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 80–86.
2. Жукова А. К., Силаев А. М., Силаева М. В. Анализ ожидаемой продолжительности жизни с учетом пространственной зависимости по регионам России // Пространственная экономика. 2016. № 4. С. 112–128. DOI: 10.14530/se.2016.4.112–128.
3. Carioli A., Devolder D., Recano J. A Spatial Analysis of Recent Fertility Patterns in Spain // European Population Conference, 25–28 June 2014. Budapest, Hungary, 2014. Paper № 140253.
4. Иванова В. И. Региональная конвергенция доходов населения : пространственный анализ // Пространственная экономика. 2014. № 4. С. 100–119. DOI: 10.14530/se.2014.4.100–119.

5. Иноземцев Е. С. Пространственный анализ молодежной безработицы в России // Молодежный рынок труда : оценка и моделирование межрегиональных различий / под ред. Т. В. Блиновой. М. : Изд-во КДУ, 2016. С. 116–130.
6. Семерикова О. В., Демидова В. А. Анализ региональной безработицы в России и Германии : пространственно-эконометрический подход // Пространственная экономика. 2015. № 2. С. 64–85. DOI: 10.14530/se.2015.2.064–085.
7. Anselin L. *Spatial Econometrics : Methods and Models*. Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1988. 284 p.
8. Yu, J., De Jong R., Lee L.-F. Quasi-maximum likelihood estimators for spatial dynamic panel data with fixed effects when both n and t are large // *Journal of Econometrics*. 2008. Vol. 146. P. 118–134.
9. Иноземцев Е. С. Программа «материнский капитал» как информационный аспект демографической безопасности региона // Информационная безопасность регионов. 2014. № 3. С. 39–45.

Образец для цитирования:

Иноземцев Е. С., Кочетыгова О. В. Пространственный анализ рождаемости и продолжительности жизни в России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 314–321. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-314-321

Spatial Panel Analysis of Fertility and Life Expectancy in Russia

E. S. Inozemcev, O. V. Kochetygova

Eugeny S. Inozemcev, ORCID 0000-0002-0146-3395, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, 89, Radischeva Str., Saratov, 410003, Russia, inevgenij@yandex.ru

Olga V. Kochetygova, ORCID 0000-0002-0150-6850, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, 89, Radischeva Str., Saratov, 410003, Russia, kochka1777@mail.ru

Introduction. Spatial aspects of most important demographic indicators (fertility and mortality) need further studies. The purpose of this work is to assess the impact of spatial effects and external factors on the level and dynamics of the total fertility rate and life expectancy in European Russia. **Theoretical analysis.** Total fertility rate and male/female life expectancy made use of depended variables. Three variants of spatial weight matrices were chosen: inverted weights matrixes ($\gamma = 1$ and $\gamma = 2$) and gravity economic weights matrix (with GRP as economic indicator). **Empirical analysis.** The analysis based on the panel data for 55 Russian regions in 2004–2015 (660 observations). The hypothesis of available of spatial lag verified through Moran's I. Three empiric models estimated and compared: spatial autoregression model, model with exogenous variables and spatial Durbin model. **Results.** This study proved the existence of spatial effects for both dependent variables. The best results showed herewith fixed effect models with inverted weights matrix. Spatial Durbin models (with relative capacity of ambulances as independent variable) has optimal level of log-likelihood.

Key words: Russia, spatial panel analysis, fertility, life expectancy.

References

1. Balash O. S. Spatial Modeling of Population Growth Rate of Russian Cities. *Izv. Sarat. Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2014, vol. 14, iss. 1, pp. 80–86 (in Russian).
2. Zhukova A. K., Silaev A. M., Silaeva M. V. Analysis of life expectancy with account of spatial dependence by Russian regions. *Prostranstvennaia ekonomika* [Spatial economics], 2016, no. 4, pp. 112–128. DOI: 10.14530/se.2016.4.112–128 (in Russian).
3. Carioli A., Devolder D., Recano J. A spatial analysis of recent fertility patterns in Spain. In: *European Population Conference, 25–28 June 2014*. Budapest, Hungary, 2014. Paper No. 140253.
4. Ivanova V. I. Regional convergence of household incomes: A spatial analysis. *Prostranstvennaia ekonomika* [Spatial economics], 2014, no. 4, pp. 100–119. DOI: 10.14530/se.2014.4.100–119 (in Russian).
5. Inozemcev E. S. Spatial analysis of youth unemployment in Russia. In: *Molodezhnyi rynek truda: otsenka i modelirovanie mezhhregional'nykh razlichiy* [Youth labor market: Assessment and modeling of interregional differences. Ed. by T. V. Blinova]. Moscow, KDU Publ., 2016, pp. 116–130 (in Russian).
6. Semerikova O. V., Demidova V. A. Analysis of regional unemployment in Russia and Germany: Spatial-econometric approach. *Prostranstvennaia ekonomika* [Spatial economics], 2015, no. 2, pp. 64–85. DOI: 10.14530/se.2015.2.064–085 (in Russian).
7. Anselin L. *Spatial Econometrics: Methods and Models*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1988. 284 p.
8. Yu J., De Jong R., Lee L.-F. Quasi-maximum likelihood estimators for spatial dynamic panel data with fixed effects when both n and t are large. *Journal of Econometrics*, 2008, vol. 146, pp. 118–134.
9. Inozemcev E. S. «Maternity capital» as an information aspect of regional demographic security. *Informatsionnaia bezopasnost' regionov* [Information security of regions], 2014, no. 3, pp. 39–45 (in Russian).

Cite this article as:

Inozemcev E. S., Kochetygova O. V. Spatial Panel Analysis of Fertility and Life Expectancy in Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 314–321 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-314-321

УДК 332.132

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД В РАЗВИТИИ СФЕРЫ УСЛУГ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Т. В. Черевичко, Т. В. Темякова

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экономических наук, профессор, директор Института истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, cherevichko@inbox.ru

Темякова Татьяна Витальевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры туризма и культурного наследия, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, temyakova@yandex.ru

Введение. Сегодня формирование кластеров в сфере услуг становится вектором развития современной российской экономики. Согласно федеральной целевой программе 2011–2018 гг. Саратовская область не вошла в перечень субъектов, в отношении которых формирование кластера в сфере услуг получило федеральное финансирование. Несмотря на это, авторы ставят вопрос о поиске формирующегося или сформированного кластера на территории Саратовского региона. **Теоретический анализ.** В теоретической части статьи исследуются понятия «комплекс» и «кластер». Указывается на заблуждение авторов, допускающих подмену понятий. В статье отмечается недопущение отождествления анализируемых категорий. Кроме того, приводится классификация кластеров в сфере услуг согласно признаку наличия ядра, локализованности связей. **Эмпирический анализ.** В статье анализируется формирование и перспективы развития Хвалынского кластера в сфере услуг. Доказывается, что в настоящее время Хвалынский кластер является ядерным продуктовым. Ядром данного кластера можно назвать ООО «Хвалынский горнолыжный курорт». Однако в районе есть все предпосылки для того, чтобы превратиться из продуктового кластера в кластер территориальный, в основе которого будет два ядра, зимнее и летнее. В работе предлагается комплекс мероприятий по продвижению Хвалынского кластера в сфере услуг. Среди мер называется создание единого бренда, использование в качестве инструмента продвижения событийных мероприятий Хвалынского района, применение интернет-технологий, развитие транспортной инфраструктуры. **Результаты.** Внедрение описанных в статье мероприятий будет способствовать реализации потенциала Хвалынского района и становлению в нем внесезонного территориального кластера с зимним ядром, ООО «Хвалынский горнолыжный курорт», и летним, комплексом объектов экскурсионного и пляжного отдыха. **Ключевые слова:** кластер в сфере услуг, кластерный подход, кластер Хвалынского района, Хвалынский горнолыжный курорт.

DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-322-329

Введение

В настоящее время исследование туристской отрасли с позиций возможности ее кластеризации является весьма актуальным. Сегодня во

внимание органов государственной власти попали некоторые регионы Российской Федерации как наиболее перспективные субъекты, в которых применение кластерного подхода в туристской отрасли является приоритетным. К числу таких регионов относятся Рязанская, Ярославская, Оренбургская, Кемеровская, Калининградская, Тверская области, Алтайский, Краснодарский, Ставропольский края и др. Как можно заметить, Саратовской области в данном перечне нет. Для того, чтобы ответить на вопрос, можно ли из приведенных рассуждений делать однозначный вывод об отсутствии в Саратовском регионе туристско-рекреационного кластера или нет, необходимо провести теоретико-прикладное исследование.

Теоретический анализ

В свете реализации федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» актуальным становится вопрос о кластеризации туристской отрасли. Так, согласно данной программе, под туристско-рекреационным кластером следует понимать сосредоточение на ограниченной территории предприятий и организаций, занимающихся разработкой, производством, продвижением и продажей туристского продукта, а также деятельностью, смежной с туризмом и рекреационными услугами [1]. Однако такое определение роднит понятие «туристско-рекреационный кластер» с понятием «туристско-рекреационный комплекс», не отражая специфических характеристик изучаемой категории.

Прежде чем перейти к изучению особенностей туристско-рекреационного кластера, обратимся к понятию «туристско-рекреационный комплекс». Туристский комплекс имеет два основополагающих узла. Первым узлом является совокупность туристских ресурсов. Именно туристские ресурсы выступают базой туристских мотивов осуществления путешествий. Другим компонентом является специализированная инфраструктура, обеспечивающая комфортное потребление туристами туристских услуг. Объектом воздействия туристско-рекреационного комплекса становится потребитель этих услуг. Первоочередными являются услуги проживания, транспортировки, питания и культурно-раз-

влекательные услуги. Следовательно, та часть туристско-рекреационного комплекса, которая обеспечивает поддержание жизнеспособности туристов во время поездки, образует элементы специализированной туристской инфраструктуры. Как видим, при таком подходе к понятию «туристско-рекреационный комплекс» понятие «туристско-рекреационный кластер», приведенное в федеральной целевой программе, становится ему тождественным. К сожалению, путаница в понятиях обусловлена не только отсутствием четкой модели туристского кластера, но и тем, что сегодня, отдавая дань модным тенденциям, люди стали склонны заниматься подменой понятий, превращая туристские комплексы в несхожие с ними по своему происхождению туристские кластеры.

С целью выявления отличительных характеристик туристского кластера необходимо проанализировать определения, имеющие место в экономической литературе. Так, например, М. Портер [2] считает, что под кластером следует понимать географически соседствующую группу взаимосвязанных компаний, функционирующих в определенной сфере, конкурирующих между собой, но при этом ведущих совместную деятельность. О. В. Козловская и Е. Н. Акерман [3] склоняются к тому, что кластер представляет собой форму сети, создаваемой в географических границах региона, в которой близкое расположение организаций способствует устойчивости институтов, увеличивает уровень взаимодействия и интенсивности. Г. Б. Клейнер, Р. М. Качалов, Н. Б. Нагрудная [4] определяют кластер как сочетание таких видов систем, как объекты – экономические агенты, процессы – череда событий, ведущих к изменениям элементов кластера, среда – совокупность институтов, становящихся площадкой для взаимодействия компонентов кластера, проекты – кратковременные существенные изменения элементов кластера. Ю. А. Арутюнов [5] предлагает рассматривать кластер как совокупность «4К»: концентрации производителей товаров и услуг на некоторой ограниченной территории; конкуренции внутри кластера; кооперации родственных видов экономической деятельности с целью обеспечения конкурентоспособности кластера на внешнем по отношению к самому кластеру рынке; конкурентоспособности продукции, выпускаемой организациями кластера, как минимум на национальном рынке, что достигается высокой степенью результативности, основанной на специализации и кооперации труда.

Из приведенных выше определений, на наш взгляд, наиболее полным, отражающим все суще-

ственные характеристики кластерного подхода к исследованию работы отрасли и экономики в целом, является определение, приведенное Ю. А. Арутюновым, поскольку в данной концепции, в отличие от мнений других авторов, указывается на необходимость наличия в кластере конкурентного взаимодействия между участниками. Именно конкуренция, существующая в рамках рыночных сегментов внутри кластера, становится тем самым механизмом, который приводит к росту результативности труда, повышению качества выпускаемого продукта, выходу на национальный или глобальный рынок.

Сегодня существуют различные виды туристских кластеров. Согласно признаку наличия ядра они бывают ядерными и безъядерными. Другим критерием является локализованность связей, данный критерий позволяет выделить кластеры, масштабы потребления которых ограничиваются пределами кластера или выходят за его пределы. Кроме того, важно видеть различия между продуктовым кластером и кластером территориальным. Говоря о продуктивном кластере, следует отметить, что продуктивный узел, повышающий качество взаимодействия компаний, участвующих в производстве туристского продукта, способствует усилению конкурентных преимуществ всех участников кластера. Территориальный кластер предполагает активное взаимодействие участников, базируясь на конкурентно-партнерских отношениях, с целью развития территории всего кластера.

Эмпирический анализ

Проанализировав теоретические постулаты, необходимо рассмотреть вопрос о формировании туристско-рекреационного кластера в Саратовской области как регионе постоянного проживания авторов настоящей статьи, чем и был вызван интерес к исследуемой проблематике в отношении данного субъекта. В настоящее время в Саратовской области ведется активная работа по формированию и продвижению туристско-рекреационного кластера. Таким кластером на территории региона можно считать Хвалынский район. Хвалынский туристский кластер, на наш взгляд, является ядерным. Его ядром по праву можно считать ООО «Горнолыжный Хвалынский курорт». Парк отдыха привлекает туристов подготовленными горнолыжными трассами, наличием учебного склона, открытого бассейна, СПА-центра, сауны и хамама, русской бани. Согласно информации, находящейся в открытом интернет-доступе, в период с 2011 по 2016 г. наблюдался ежегодный рост выручки хозяйственного общества с 22 млн руб. до

100 млн руб. При этом объем прибыли также имел положительную динамику, и в 2016 г. прибыль организации составила 37 млн руб. [6].

Ввиду отсутствия открытых данных о численности туристов, посетивших в предложенный к рассмотрению период горнолыжный курорт, можно воспользоваться вышеприведенными статистическими данными и констатировать, что курорт обладает аттрактивностью, является своеобразным центром притяжения туристов в Хвалынском районе, в связи с чем будет справедливым называть данный объект туристского интереса ядром Хвалынского туристско-рекреационного кластера. Косвенно о возможности называть его таковым также может служить показатель частоты посещения сайта курорта интернет-посетителями [7]. Сайт является специализированным, он направлен на продвижение услуг курорта, в связи с этим число уникальных посетителей сайта в более чем 1000 человек

ежедневно в высокий сезон является показательным, также позволяющим утверждать, что данный курорт выступает ядром кластера.

В настоящее время Хвалынский туристско-рекреационный кластер является, по нашему мнению, в большей степени продуктовым, нежели территориальным, направленным на реализацию туристского продукта – комплекса услуг горнолыжного курорта.

Однако в регионе наличествует большое число уникальных объектов туристского интереса, а также организаций, оказывающих туристские услуги, деятельность которых пока недостаточно кооперирована в целях развития территориального кластера. Тем не менее, туристско-рекреационный потенциал региона создает предпосылки к изменению профиля Хвалынского кластера и превращению его из продуктового в территориальный. На наш взгляд, именно таким должен стать вектор развития рассматриваемого кластера (рис. 1).

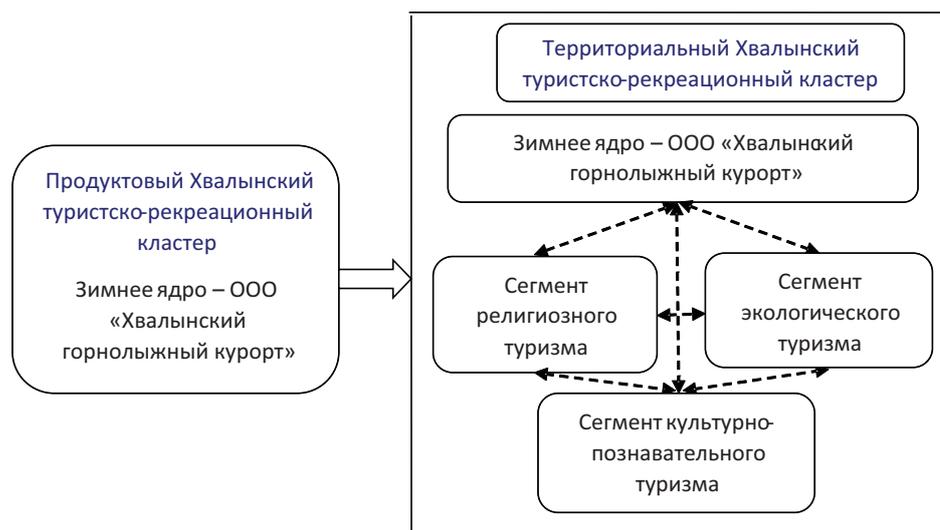

Рис. 1. Сезонный Хвалынский туристско-рекреационный кластер

Fig. 1. Seasonal Khvalyn Tourist and Recreational Cluster

К числу организаций, расположенных в Хвалынском районе и способных стать участниками территориального кластера, можно отнести Художественно-мемориальный музей К. С. Петрова-Водкина, музей народной монументальной живописи «Дом со львом» в с. Поповка, крестьянское (фермерское) хозяйство в с. Благодатное, в котором держат лошадей. Данные участники кластера являются объектами интереса туристов. Помимо них в число объектов туристского интереса, расположенных на территории Хвалынского района, можно включить Национальный парк «Хвалынский», мемориальный

комплекс участникам Великой Отечественной войны, объекты религиозного туризма, расположенные в с. Алексеевка, старообрядческом селе Подлесное, селах Поповка, Новоспаское, Сосновая Маза, Благодатное.

Отнесение названных сел к числу объектов религиозного туризма не случайно. Так, в с. Алексеевка в память о благословенном визите в 1894 г. в Сергиевский храм Алексеевки выдающегося церковного деятеля России Св. Иоанна Кронштадского в 2008 г. был основан Иоанновский женский монастырь. Через с. Благодатное лежит путь к Спасо-Преображенской церкви,

уникальному строению, единственно уцелевшей постройке исчезнувшего с. Новоспасское. В с. Благодатное в XIX в. герой Отечественной войны 1812 года К. Ф. Остен построил церковь в память о почившей супруге Прасковье Клементьевне. В 1839 г. храм был освящен в честь Параскевы Пятницы. В с. Поповка осуществляются восстановительные работы в Никольском храме, который был построен в 1910 г. Эти и другие объекты должны лечь в основу развития сегмента религиозного туризма территориально-Хвалынского кластера.

Среди организаций, оказывающих услуги размещения, выделим следующие: гостиница «Хвалынская жемчужина», Гостевой дом «Верста», гостиницы «Серебряный век», «Хвалынь», «Пещера Монаха» и др.

Вместе с тем наличие большого количества разнообразных объектов туристского интереса и организаций, оказывающих туристские услуги, для эффективного функционирования территориального кластера является необходимым, но недостаточным. Требуется кооперация родственных видов экономической деятельности, увидеть в действии которую можно на примере реализуемых туристско-экскурсионных маршрутов. Так, сегодня в Хвалынском районе туркомпанией «Светлица» оказываются туристские услуги по реализации экскурсионной программы «Хвалыньск – “Волжская Швейцария”», представляющей собой сочетание обзорной экскурсии по городу, осмотр краеведческого музея, посещение картинной галереи и мемориального дома К. С. Петрова-Водкина, пешеходной экскурсии по Национальному парку с предоставлением на выбор тематической экскурсии в Заповедный край, Пещеру Монаха, на Святой родник, Меловые горы [8]. Кроме того, предлагаются однодневные экскурсии с посещением Хвалынского горнолыжного курорта, термального бассейна «Хвалыньские термы», Крафтовой пивоварни, формируемые туроператором «Сокровища Поволжья» [9]. Другим примером может послужить работа Центра туризма и ремесел «Яблочко», расположенного в Хвалынке, который предлагает разнообразные экскурсионные программы в Музей Хвалынского Яблочка, в с. Поповка, к хвалыньским родникам, в Пещеру Монаха [10].

Однако, например, объекты туристского интереса, находящиеся в селах Алексеевка, Подлесное, Новоспасское, Сосновая Маза, найдены в экскурсионных программах Хвалынского района не были, что может свидетельствовать либо о включении этих объектов в перечень мест, посещаемых при самостоятельном туризме,

либо об отсутствии налаженных хозяйственных связей с турпредприятиями, занимающимися туристской деятельностью.

Таким образом, можно предполагать, что в настоящее время идет активный процесс формирования туристско-рекреационного кластера в Хвалынском районе, однако для его полного становления, помимо концентрации производителей турпродукта на определенной территории, а также конкуренции внутри сегментов кластера за завоевание и удержание потребителя, необходима кооперация территориальных институтов для поддержания конкурентоспособности кластера на внешнем рынке, что будет способствовать превращению туристско-рекреационного кластера Хвалынского района в полноценно функционирующий территориальный кластер.

Значительным шагом по его формированию стала разработка программы «Развитие туризма в Хвалынском муниципальном районе на 2018–2019 гг.», предусматривающей финансирование мероприятий по продвижению Хвалынского района как туристской дестинации [11].

Кроме того, данная программа предполагает обустройство и создание условий по улучшению пляжного отдыха, приведение в эстетически привлекательный вид туристских объектов, что само по себе является инструментом продвижения Хвалынского туристско-рекреационного кластера.

Однако для дальнейшего продвижения кластера на межрегиональном туристском рынке, по нашему мнению, требуется принятие дополнительных мер.

На сегодняшний день айдентика Хвалыньска очень разрознена. И если говорить о продвижении туристского кластера, то, во-первых, необходим единый бренд. С нашей точки зрения, единый бренд должен включать разработку фирменного стиля и логотипа, аутентичной сувенирной продукции. Упомянув о едином туристском бренде, нельзя забывать и о навигационной составляющей туристского пространства, а именно знаках туристской дорожной навигации на протяжении всех маршрутов внутри кластера в едином брендовом стиле.

Во-вторых, необходимо продвижение Хвалынского туристско-рекреационного кластера посредством проведения событийных мероприятий, выставок, ярмарок. Следует отметить, что в Хвалынском районе проводится достаточно много мероприятий туристской направленности, и это позволяет сформировать единый календарь событийных мероприятий с учетом интересов различных групп туристов. В качестве примера event-мероприятий, имеющих место в

Хвалынском районе, можно назвать: фестиваль творчества «Хвалынские этюды», единственный в Саратовской области фестиваль художников-профессионалов, занимающихся изобразительным искусством; спортивно-туристский лагерь «Туриада», один из важнейших общественных проектов Приволжского федерального округа, проводимый на базе Хвалынского горнолыжного курорта, и др. Фестивали, приведенные выше, будут информационным поводом для PR-акций, чтобы Хвалынка была на слуху. Данные событийные мероприятия необходимо включать в туристские и экскурсионные программы.

В-третьих, нельзя забывать о современных интернет-технологиях и о возможностях продвижения туристского кластера с их помощью. На наш взгляд, необходимо создание и наполнение контентом информационного сайта Хвалынска. Однако сайт не должен быть статичным, необходимы постоянное обновление информации на сайте и работа по его оптимизации. В перспективе нужно создать фото- и видеоконтент высокого качества по объектам интереса туристского кластера, размещенный на информационном сайте. Кроме того, информационный ресурс должен содержать возможность обратной связи с целью оценки качества предоставляемых туристских услуг.

Если мы говорим о современных интернет-технологиях, то создание информационных групп в социальных сетях – также огромная необходимость. Для достижения наилучшего результата при реализации данного мероприятия необходимо привлекать специалистов по SMM-маркетингу.

Кроме того, в целях продвижения Хвалынского туристского кластера можно активно использовать мобильные устройства, так как они обеспечивают доступ к информации о достопримечательностях, интересных местах, туристских маршрутах, предоставляют информационную поддержку туристам и т.д. в режиме оффлайн. А также именно мобильное приложение будет дополнять навигационное туристское пространство, о котором мы говорили выше. А в будущем оно может стать совместимым с технологиями дополненной реальности.

Продолжая разговор о мобильных устройствах, необходимо отметить, что в целях продвижения Хвалынского туристского кластера на межрегиональном рынке необходима sms-рассылка на телефонные номера абонентам, прибывшим на территорию Саратовской области, информационного сообщения о туристском информационном ресурсе области и на информационном сайте Хвалынска в частности. Пересекая границу

Саратовской области, на телефонный номер абонента должно приходиться sms-информирование о наличии в регионе специализированных сайтов, содержащих в себе исчерпывающую информацию о туристских услугах области или района; техническая возможность реализовать подобное есть, в частности, у оператора МТС.

Создание виртуальных экскурсий по всем объектам туристского интереса Хвалынского района также может внести существенный вклад в продвижение туристского кластера. Заказчиком виртуальных экскурсий должен выступать комитет по туризму Саратовской области. Разработанные виртуальные экскурсии следует разместить на едином электронном туристском ресурсе Хвалынска.

И еще одним направлением продвижения Хвалынского туристско-рекреационного кластера является развитие транспортной инфраструктуры района. Туристским компаниям хотелось бы рекомендовать организацию туров в формате выходного дня на регулярной основе. Так, например, 24 февраля 2018 г. состоялась туристская поездка с использованием железнодорожного и автобусного транспорта в г. Хвалынка [12]. Туристский маршрут «поезд плюс автобус» из Саратова в Хвалынка был запущен пригородной пассажирской компанией. Подобные путешествия могут приобрести популярность в рамках самостоятельного туризма благодаря появлению единого билета в прямом смешанном сообщении.

Раз в качестве продвижения Хвалынского туристского кластера была затронута необходимость развития транспортной сети, то для дальнейшего его развития крайне необходима реконструкция пристани в г. Хвалынке, которая позволит включить город в круизные маршруты по Волге.

Сегодня задача района в сфере туризма заключается не в том, чтобы привлечь большее число однодневных посетителей (экскурсантов), а посетителей, совершающих ночевки. Для этого необходимо наличие на территории Хвалынского района уникальных объектов туристского интереса, осмотр которых требует минимум двухдневного присутствия. Таким уникальным объектом уже стал Хвалынский горнолыжный курорт. Однако данное ядро Хвалынского туристского кластера обеспечивает приток туристов преимущественно в зимнее время года. Предлагаем не отказываться от идеи создания территориального кластера, а лишь трансформировать его из территориального сезонного в территориальный внесезонный, в котором будет иметь место как зимнее ядро – Хвалынский горнолыжный курорт, так и летнее ядро – объекты пляжного и экскурсионного отдыха (рис. 2).

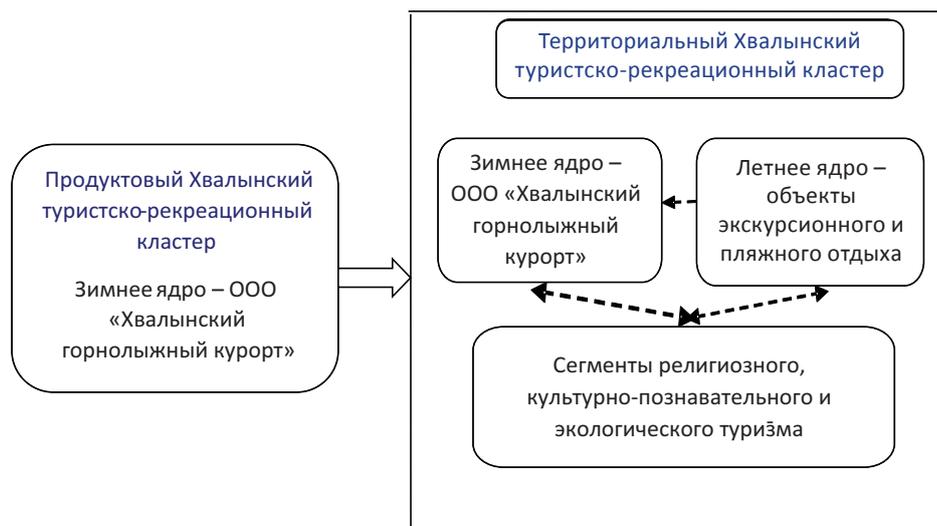

Рис. 2. Внесезонный Хвалынский туристско-рекреационный кластер

Fig. 2. Off-season Khvalyn Tourist and Recreational Cluster

Летнее ядро будет способствовать не только включению Хвалынска в круизные маршруты по Волге, т.е. учитывать его в составе летних водных туров как промежуточный пункт высадки туристов по маршруту следования теплохода, но и превращению района в пункт длительного временного пребывания туристов. Летнее ядро способно сделать посещение района целью туристского путешествия. Наличие двух ядер выведет потребление услуг Хвалынского кластера за пределы Саратовского региона. На наш взгляд, перспективными регионами-поставщиками туристов в Хвалынский район могут стать Пензенская, Тамбовская, Липецкая, Воронежская области, республики Мордовия, Башкортостан.

Результаты

Все предложенные мероприятия будут способствовать формированию территориального кластера, включающего как зимний (ООО «Горнолыжный Хвалынский курорт»), так и летний компонент путем вовлечения в кластер объектов экскурсионного и пляжного отдыха.

Таким образом, у Хвалынского района есть все шансы превратиться из продуктового кластера, являющегося одноядерным, характеризующимся потреблением туристского продукта, прежде всего, жителями Саратовской области, в территориальный внесезонный туристско-рекреационный кластер, выходящий по локализованности потребителей продукта за пределы Саратовского региона, имеющий известность на межрегиональном туристском рынке.

Список литературы

1. Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)». URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/deyatelnost/programmy-i-proekty/federalnaya-tselevaya-programma-razvitie-vnutrennego-i-vezdnogo-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-2011-2018-gody-/> (дата обращения: 05.03.2018).
2. *Портер М.* Международная конкуренция : Конкурентные преимущества стран : пер. с англ. / предисл. В. Д. Щетинина. М. : Международные отношения, 1993. 896 с.
3. *Акерман Е. Н.* Трансформация государственной экономической политики в условиях «новой экономики» / под ред. О. В. Козловской. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 174 с.
4. *Клейнер Г. Б., Качалов Р. М., Нагрудная Н. Б.* Синтез стратегии кластера на основе системно-интеграционной теории // Отраслевые рынки. № 5–6 (18), (сентябрь–декабрь) 2008. URL: <http://kurs.znate.ru/docs/index-114564.html> (дата обращения: 15.03.2018).
5. *Арутюнов Ю. А.* Формирование региональной инновационной системы на основе кластерной модели экономики региона // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера : Вестн. Науч.-исслед. центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывк. гос. ун-та. 2008. № 4. С. 6–24.
6. Информация о юридических лицах и индивидуальных предпринимателях // Rusprofile.ru : [сайт]. URL: <http://www.rusprofile.ru/id/2481257> (дата обращения: 05.03.2018).
7. Хвалынский горнолыжный курорт : [сайт]. URL: <http://hvalin.ru/> (дата обращения 05.03.2018).

8. Светлица : [сайт]. URL: <http://svetlica-saratov.ru> (дата обращения: 06.03.2018).
9. Сокровища Поволжья : [сайт]. URL: <https://www.gold-volga.ru/> (дата обращения: 06.03.2018).
10. Экскурсии по Хвалынску от центра «Яблочко». URL: <http://hvalin.ru/prochie-uslugi/razvlecheniya/ekskursii-po-xvalynsku-ot-centra-yablochko/> (дата обращения: 06.03.2018).
11. Протокол № 1 заседания межведомственной комиссии по разработке проекта решения Собрания о бюджете Хвалынского муниципального района на 2017 год и среднесрочного финансового плана на 2017–2019 годы. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=http://hvalynsk.sarmo.ru/upload/medialibrary/f24/f2481446103e2e84af028276be077ff2.docx> (дата обращения: 20.03.2018).
12. Агентство деловых новостей «Бизнес-вектор». URL: <http://www.business-vector.info/saratovtsy-smogut-otpravit-sya-katat-sya-na-ly-zhah-v-hvalynsk-turisticheskoy-e-lektrichkoj/> (дата обращения: 10.03.2018).

Образец для цитирования:

Черевичко Т. В., Телякова Т. В. Кластерный подход в развитии сферы услуг: региональный аспект // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 322–329. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-322-329

Cluster Approach in the Development of the Service Sector: The Regional Dimension

T. V. Cherevichko, T. V. Temyakova

Tatiana V. Cherevichko, ORCID 0000-0002-9645-1513, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, cherevichko@inbox.ru

Tatiana V. Temyakova, ORCID 0000-0002-1767-7240, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, temyakova@yandex.ru

Introduction. Nowadays, clusters in the service sector formation becomes one of the characteristics of the Russian economy region development. In accordance with The Federal Aim Program for the period from 2011 to 2018, the Saratov region is not among the federal subjects which were included in the program of federal funding assistance to promote the creation of clusters in the service sector. Despite this, we consider the possibility to discover such cluster (emerging cluster or developed one) in the territory of the Saratov region. **Theoretical analysis.** The “complex” and “cluster” concepts have been investigated at theory chapter of this article. We make critique of the authors who have being confused these two different concepts. Also, we recommend that substitution and the same identification of these two concepts should not be allowed. In addition, there is the clusters in the service sector classification according to the core presence and the localized connection in this article. **Empirical analysis.** The article presents analysis of the Khvalynsk cluster in the service sector formation and the perspectives of its development. It have been proved that the Khvalynsk cluster is a nuclear- product one. Khvalynsk ski resort can be considered as the core of this cluster. However, Khvalynsk district possesses all the requisites and characteristics to turn from the product cluster into the territorial cluster, based on two cores, the winter cluster and the summer one. A set of measures to promote the Khvalynsk cluster in the service sector has been proposed in the article. Among these measures are the following ones: unique brand creation; the Khvalynsk district events as an instrument for promotion, Internet technologies application; transport infrastructure development. **Results.** The implementation of the proposed

measures would be contribute to the realization of the potential of the Khvalynsk district as well as the creation of all-seasons cluster with the winter core (Khvalynsk Ski Resort) and the summer core (the complex of excursion and beach recreation facilities).

Key words: cluster in the service sector, cluster approach, cluster of Khvalynsk district, Khvalynsk ski resort.

References

1. *The Federal aim program “Development of domestic and inbound tourism in the Russian Federation (for the period from 2011 to 2018)”*. Available at: <https://www.russiatourism.ru/contents/deyatelnost/programmy-i-proekty/federalnaya-tselevaya-programma-razvitiivnutrennego-i-vezdnogo-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-2011-2018-gody/> (accessed 5 March 2018) (in Russian).
2. Porter M. *Mezhdunarodnaia konkurentsiya: Konkurentnye preimushchestva stran* [International competition: Competitive advantages of countries. Trans. from Engl. Foreword. V. D Schetinina]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1993. 896 p. (in Russian).
3. Akerman E. N. *Transformatsiya gosudarstvennoy ekonomicheskoi politiki v usloviyakh “novoi ekonomiki”* [State economy policy transformation under conditions of “new economy”. Ed. by O. V. Kozlovskaiya]. Tomsk: Tomsk University Publ., 2011. 174 p. (in Russian).
4. Klainer G. B., Kachalov P. M., Nagrudnaya N. B. Synthesis of cluster strategy on the basis of system integration. *Otraslevye rynki* (Branch markets), no. 5–6 (18), (September–December) 2008. Available at: <http://kurs.znate.ru/docs/index-114564.html> (accessed 5 March 2018) (in Russian).
5. Arutyunov Yu. A. Regional innovation system formation based on the cluster model of the regional economy. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitiye ekonomiki Severa* [Corporate management and innovative development of economy of the North], 2008, no. 4, pp. 6–24 (in Russian).

6. Information on legal entities and individual entrepreneurs. *Rusprofile.ru. Site*. Available at: <http://www.rusprofile.ru/id/2481257> (accessed 5 March 2018) (in Russian).
7. *Khvalynskiy gornolyzhnyi kurort* (Khvalynsk ski resort. Site). Available at: <http://hvalin.ru/> (accessed 5 March 2018) (in Russian).
8. *Svetlitca. Site*. Available at: <http://svetlica-saratov.ru> (accessed 6 March 2018) (in Russian).
9. *Sokrovitsha Povolzhya*. (Treasures of the Volga region. Site). Available at: <https://www.gold-volga.ru/> (accessed 6 March 2018) (in Russian).
10. *Ekskursiya po Khvalynsku ot stentra "Yablochko"* (Khvalynsk excursion from "Yablochko" center). Available at: <http://hvalin.ru/prochie-uslugi/razvlecheniya/ekskursii-po-xvalyinsku-ot-czentra-yablochko/> (accessed 6 March 2018) (in Russian).
11. *Protocol No. 1 of the meeting of the interdepartmental commission for drafting the decision of the Assembly on the budget of the Khvalynsk municipal district for 2017 and the medium-term financial plan for 2017–2019*. Available at: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=http://hvalynsk.sarmo.ru/upload/medialibrary/f24/f2481446103e2e84af028276be077ff2.docx> (accessed 20 March 2018) (in Russian).
12. *Agentstvo delovykh novostei "Business-vector"* (Agency of business news "Business-vector"). Available at: <http://www.business-vector.info/saratovtys-smogut-otpravit-sya-katat-sya-na-ly-zhah-v-hvalynsk-turisticheskoy-e-lektrichkoj/> (accessed 10 March 2018) (in Russian).

Cite this article as:

Cherevichko T. V., Temyakova T. V. Cluster Approach in the Development of the Service Sector: The Regional Dimension. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 322–329 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-322-329

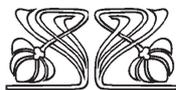
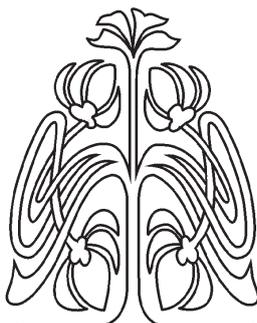
ПРАВО

УДК 351.751

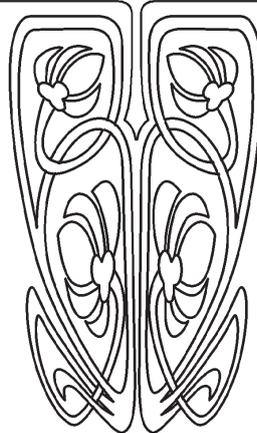
КОНСТИТУЦИОННЫЙ ЗАПРЕТ ЦЕНЗУРЫ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

С. А. Куликова

Куликова Светлана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kulikovasveta@inbox.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Введение. Для более полного понимания ч. 5 ст. 29 Конституции РФ необходимо учитывать позиции Конституционного суда РФ по вопросу о содержании конституционного запрета цензуры. **Цель** – провести систематизацию и обобщение правовых позиций Конституционного суда РФ по проблемам, связанным с реализацией конституционного запрета цензуры. **Результаты.** Решения Конституционного Суда РФ, посвященные соотношению запрета цензуры и ограничений свободы массовой информации, классифицируются по трем тематическим группам: цензура и ограничения свободы массовой информации в целях защиты нравственности; цензура и защита чести и достоинства личности; цензура и ограничения свободы распространения информации, предусмотренные законодательством о противодействии терроризму и экстремизму. Конституционный Суд РФ указывает, что ограничение свободы слова, свободы массовой информации не должно приводить к утрате реального содержания этих свобод; должно использовать не чрезмерные, а только необходимые меры. На сохранение свободы массовой информации направлены разъяснения Конституционного Суда РФ: о критике политических организаций, идеологических и религиозных объединений; о возможности высказывания суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах; о необходимости отличать распространение сведений, порочащих честь, достоинство, деловую репутацию, от обсуждения деятельности политических деятелей и должностных лиц. **Выводы.** Высказываются предложения по изменению формулировки диспозиции ст. 3.1. Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и ч. 1 ст. 152 Гражданского кодекса (Часть первая) Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, направленные на законодательное закрепление позиций Конституционного Суда РФ.

Ключевые слова: цензура, свобода массовой информации, экстремистские материалы, решения Конституционного Суда РФ.

DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-330-337

Введение

Конституция Российской Федерации гарантирует свободу массовой информации и устанавливает запрет цензуры (ч. 5 ст. 29) [1]. Однако вопрос о цензуре постоянно присутствует в публичном политико-правовом дискурсе последних лет. О пределах свободы массовой информации и различных проявлениях цензуры неоднократно говорил Президент РФ В. В. Путин: сначала в своем Послании Федеральному собранию 1 декабря 2016 г., затем на Совместном заседании Совета при Президенте РФ по культуре и искусству и Совета при Президенте РФ по русскому языку 2 декабря 2016 г., а также во время Прямой линии 7 июня 2018 г.

Примеры ущемления свободы массовой информации и административного давления на СМИ приводятся в докладе Центра поддержки СМИ Общероссийского народного фронта, представленном на медиафоруме «Правда и справедливость» 2 марта 2018 г. Попытки запретить фильм А. Учителя «Матильда» за искажение образа Николая II; сожжение книг, некогда переданных в библиотеки организациями, деятельность которых позже была признана нежелательной; акты вандализма в музеях – подобные события так или иначе актуализируют вопросы о гарантиях соблюдения конституционного запрета цензуры.

В этих условиях интерес представляют позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о содержании конституционного запрета цензуры и его соотношении с ограничениями свободы массовой информации. Как отмечалось в научной литературе, Конституционный Суд РФ посредством своей деятельности формирует, толкует, развивает конституционные принципы, способствует их большей определенности, облегчает их правильное понимание и применение, способствует формированию стимулов к отказу от их нарушения [2, с. 6; 3, с. 86].

Цель

Цель нашего исследования – провести систематизацию и обобщение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам, связанным с реализацией конституционного запрета цензуры.

Результаты

Вопрос о цензуре затрагивался уже в одном из первых решений Конституционного Суда РФ – Постановлении об оценке деятельности КПСС и КП РСФСР [4]. В этом постановлении Конституционный суд признал, что существование цензуры в СССР было обусловлено монополизацией политической власти со стороны КПСС, и указал на недопустимость советской практики установления государственного контроля над СМИ.

Вскоре Конституционному Суду пришлось опять вернуться к проблеме цензуры для разрешения вопроса о возможных формах контроля над деятельностью СМИ при соблюдении гарантий свободы слова. Противостояние Президента РФ и Верховного Совета РФ в период конституционного кризиса 1993 г. в том числе выражалось и в стремлении этих двух органов власти влиять на государственные СМИ. В развернувшейся борьбе за монополизацию государственного телерадио-

вещания обе стороны создали собственные органы влияния на СМИ и стали обвинять друг друга в попытке установления цензуры.

Своим решением Конституционный Суд РФ признал создание Президентом РФ ФТС «Россия» и ФИЦ России не соответствующим его полномочиям, предусмотренным Конституцией РФ и российским законодательством.

По поводу вопроса о законности формирования наблюдательных советов Верховным Советом РФ Конституционный Суд заявил, что само по себе создание таких советов не противоречит Конституции, поскольку способствует реализации «возможностей граждан участвовать в управлении делами государства и общества, расширению гласности и постоянному учету общественного мнения». В то же время Конституционный Суд отметил «неопределенность юридического содержания» положений, устанавливающих правовой статус наблюдательных советов, предлагаемых Верховным Советом РФ (постановление от 27 мая 1993 г. № 11-П).

Данное решение Конституционного Суда было направлено на недопущение создания органов цензуры со стороны обеих ветвей власти: путем пресечения деятельности контролирующих структур, созданных Президентом РФ, и путем превенции, адресованной Съезду, о незаконности наделения наблюдательных советов при СМИ властными полномочиями.

Анализ последующих решений Конституционного Суда РФ показывает, что норма о запрете цензуры не являлась предметом конституционно-правового толкования.

Однако проблема соотношения конституционного запрета цензуры и ограничения свободы слова, права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию, свободы массовой информации рассматривается в многочисленных решениях Конституционного Суда РФ, которые можно разделить на несколько тематических групп, а именно: 1) цензура и ограничения свободы массовой информации в целях защиты нравственности; 2) цензура и защита чести и достоинства человека и гражданина; 3) цензура и ограничения свободы на передачу, производство и распространение информации, предусмотренные законодательством о противодействии терроризму и экстремизму.

Проблеме правомерности ограничения свободы массовой информации в целях защиты нравственности были посвящены два ранних определения Конституционного Суда РФ. Было отмечено, что хотя статья действовавшего тогда УК РСФСР не содержит в себе положений, прямо направленных на ограничение свободы

слова, «предписания оспариваемой нормы могут быть распространены на деятельность средств массовой информации и публикуемых в них авторов, если эта деятельность связана с игнорированием нравственных запретов и правил приличия». При разрешении подобных дел суды общей юрисдикции должны учитывать «не только сам факт использования в опубликованном произведении ненормативной лексики, но и опасность такого ее использования для защищаемых Конституцией Российской Федерации ценностей» (определения от 4 декабря 1995 г. № 94-О, от 4 декабря 1995 г. № 103-О).

Тем самым Конституционный Суд признал, что установление запрета использования ненормативной лексики в произведении, предназначенном для массового читателя, не является цензурой, а выступает допустимым ограничением свободы слова.

Позже запрет использования оскорбительных выражений был подтвержден Конституционным Судом при рассмотрении конституционности нормы ч. 3 ст. 11 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (определение от 13 октября 2009 г. № 1264-О-О).

Примером ограничения свободы слова в целях защиты нравственности может служить и определение Конституционного Суда по делу о противоречии Конституции РФ Закона Рязанской области от 3 апреля 2006 г. № 41-ОЗ «О защите нравственности и здоровья детей в Рязанской области». Решая вопрос о соразмерности установленных ограничений, Конституционный суд РФ отметил, что пропаганда гомосексуализма запрещается только среди несовершеннолетних, т.е. среди лиц, лишенных в силу возраста возможности самостоятельно критически оценить информацию. В связи с этим ограничения свободы слова, установленные законами Рязанской области, признаны Конституционным Судом оправданными и соразмерными (определение от 19 января 2010 г. № 151-О-О).

Вторую группу составляют решения Конституционного Суда, разграничивающие цензуру и правовые механизмы, направленные на защиту чести и достоинства человека и гражданина.

Рассматривая вопрос о соответствии Конституции РФ положений ст. 152 Гражданского кодекса РФ (Часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [5], регулирующей порядок опровержения сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, Конституционный Суд РФ отмечал, что при реализации права свободно искать, получать, передавать,

производить и распространять информацию любым законным способом, обеспеченного свободой массовой информации и запретом цензуры (ст. 29, ч. 4 и 5 Конституции Российской Федерации [1]), в любом случае должна быть обеспечена реальная защита прав и законных интересов лица, чьи честь, достоинство и доброе имя потерпели ущерб в результате распространения не соответствующей действительности негативной информации (определения от 22 января 2014 г. № 12-О, от 22 января 2014 г. № 13-О).

При этом Конституционный Суд РФ, опираясь на Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» от 24 февраля 2005 г. № 3 [6], сформулировал несколько важных позиций.

По мнению Конституционного Суда РФ, само по себе закрепление в ст. 152 Гражданского кодекса РФ «порочащие сведения» без его раскрытия обусловлено разнообразием фактических обстоятельств и преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций (определения от 21 февраля 2008 г. № 120-О-О, от 19 марта 2009 г. № 231-О-О и др.). При этом единообразное применение данной нормы в практике судов общей юрисдикции должно обеспечиваться в соответствии с толкованием этого понятия Верховным Судом Российской Федерации, которое содержится в приведенном выше постановлении.

Со ссылкой на положения Декларации о свободе политической дискуссии в СМИ, принятой 12 февраля 2004 г. на 872-м заседании Комитета Министров Совета Европы, Конституционный Суд РФ указал, что государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в СМИ в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий. Тем самым Конституционный Суд РФ признал, что обсуждение публичной деятельности политических деятелей и исполнения обязанностей должностными лицами органов государственной власти и органов местного самоуправления необходимо в демократическом обществе и не должно трактоваться как распространение порочащих сведений.

Далее, Конституционный Суд РФ подтвердил позицию Верховного Суда о том, что при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно

проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 Гражданского кодекса РФ, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности.

Важной нам представляется позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой суды, разрешающие дела о защите чести и достоинства, должны учитывать не только соответствие или несоответствие действительности опубликованных сведений, но и оценивать само содержание опубликованной информации, контекст, в котором она преподносится, порядок и полноту изложения, а также устанавливать, что не имело места манипулирование фактами (определение от 1 марта 2010 г. № 323-О-О).

Третью и, пожалуй, самую большую группу решений Конституционного Суда в изучаемой сфере составляют решения по обращениям граждан Российской Федерации, иностранных граждан с просьбой признать не соответствующими ст. 19 (ч. 1 и 2), 29 (ч. 1, 3–5) и 55 (ч. 2 и 3) Конституции РФ ряда положений антиэкстремистского законодательства, а именно:

– п. 3 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», определяющего понятие «экстремистские материалы», ст. 13 данного Закона, устанавливающей порядок и последствия признания информационных материалов экстремистскими;

– ч. 5 ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», где определяются основания и порядок включения в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети “Интернет” и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети “Интернет”, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» информации, запрещенной к распространению в Российской Федерации;

– ст. 280.1 «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» Уголовного кодекса РФ;

– ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение человеческого достоинства» Уголовного кодекса РФ.

Систематизация обращений (определение от 22 апреля 2010 г. № 564-О-О, от 24 сентября

2012 г. № 1509-О, от 2 июля 2013 г. № 1053-О, от 27 октября 2015 г. № 2450-О, от 22 декабря 2015 г. № 3024-О, от 29 сентября 2016 г. № 1927-О, от 28 марта 2017 г. № 665-О, от 27 июня 2017 г. № 1411-О) позволяет сделать выводы о том, что, по мнению заявителей, указанные нормы несоразмерно ограничивают права граждан и способствуют установлению политической цензуры либо использованию цензурных методов, поскольку:

– позволяют привлекать к уголовной ответственности за высказанное лицом мнение, используя неопределенные понятия «социальная группа» и «мотивы ненависти либо вражды»;

– допускают возможность привлечения к уголовной ответственности лица за распространение материалов, не связанных с экстремистской деятельностью, не признанных экстремистскими, а также за распространение материалов и информации, в которых отсутствуют призывы, возбуждающие применение насилия по отношению к представителям какой-либо национальной, религиозной или расовой группы;

– позволяют назначать уголовное наказание в виде лишения свободы за действия, не повлекшие причинения вреда здоровью человека или имуществу и не создавшие угрозу безопасности населения и окружающей среды;

– включение в федеральный список экстремистских материалов предусматривает конфискацию тиражей произведений литературы, науки и искусства, в том числе созданные руководителями национал-социалистической рабочей партии Германии и фашистской партии Италии, которые предназначены для обнародования, но без цели пропаганды, возбуждающей расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду;

– обнаружение экстремистских материалов на сайте позволяет блокировать доступ ко всем материалам сайта.

По обозначенным проблемам Конституционный Суд Российской Федерации выработал следующие позиции.

Во-первых, Конституционный Суд РФ отметил, что любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы, исходя непосредственно из текста соответствующей нормы – в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия) (постановления от 27 мая 2008 г. № 8-П, от 13 июля 2010 г. № 15-П, от 17 июня 2014 г. № 18-П

и др.). Однако эти требования, предъявляемые к качеству уголовного закона, не означают, что при формулировании его предписаний не могут использоваться оценочные или общепринятые понятия (категории), позволяющие учесть необходимость эффективного применения уголовно-правовых запретов к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций (определения от 4 декабря 2003 г. № 441-О, от 15 апреля 2008 г. № 260-О-О, от 2 апреля 2009 г. № 484-О-П, от 25 ноября 2010 г. № 1561-О-О, от 21 апреля 2011 г. № 572-О-О, от 5 марта 2013 г. № 323-О, от 26 мая 2016 г. № 1142-О и др.).

В связи с этим Конституционный Суд РФ сделал вывод о том, что ст. 282 УК РФ не содержит неопределенности, в результате которой лицо было бы лишено возможности осознавать противоправность своих поступков и предвидеть наступление ответственности за их совершение и которая препятствовала бы единообразному пониманию и применению оспариваемой нормы правоприменительными органами.

Во-вторых, Конституционный Суд РФ указал, что, применяя положения п. 1 и 3 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», суды обязаны исходить из того, что обязательным признаком экстремистских материалов является их явное или завуалированное противоречие конституционным запретам возбуждения ненависти и вражды, разжигания розни и пропаганды социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства, наличие которого должно определяться с учетом всех значимых обстоятельств каждого конкретного дела (форма и содержание деятельности или информации, их адресаты и целевая направленность, общественно-политический контекст, наличие реальной угрозы, обусловленной в том числе призывами к противоправным посягательствам на конституционно охраняемые ценности, обоснованием или оправданием их совершения и т.п.). Кроме того, судебной оценке подлежит и характер действий, на осуществление которых направлены призывы (определение от 28 марта 2017 г. № 665-О). В то же время Конституционный Суд РФ отметил, что ограничение посредством антиэкстремистского законодательства свободы слова и права на распространение информации не должно иметь места в отношении какой-либо информации на том лишь основании, что эти действия не укладываются в общепринятые представления, не согласуются с устоявшимися традиционными взглядами и мнениями, вступают в противоречие с морально-нравственными и (или)

религиозными предпочтениями (определение от 2 июля 2013 г. № 1053-О и др.).

При этом Конституционный Суд РФ обратил внимание на то, что Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 03.11.2016 № 41) разъяснил, что критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды; не является преступлением, предусмотренным ст. 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по каким-либо признакам [7].

В-третьих, по мнению Конституционного Суда РФ, непосредственно из закрепленных Конституцией Российской Федерации основ конституционного строя вытекает обязанность государства по установлению правовых механизмов, в максимальной степени способствующих обеспечению общественной безопасности, предупреждению и пресечению преступлений, предотвращению их негативных последствий для охраняемых законом прав и интересов граждан (определение от 19 февраля 2009 г. № 137-О-О). Если гражданин, осуществляя свои конституционные права и свободы (включая свободу мысли и слова, свободу творчества, право иметь и распространять убеждения и действовать сообразно с ними), вместе с тем нарушает права и свободы других лиц, и такое нарушение (независимо от того, направлено оно против конкретных лиц или против общественного порядка в целом) носит общественно опасный и противоправный характер, то виновный может быть привлечен к публично-правовой, в том числе уголовной, ответственности, которая преследует цель охраны публичных интересов (определения от 25 сентября 2014 г. № 1873-О, от 27 октября 2015 г. № 2450-О и от 29 сентября 2016 г. № 1927-О).

Конституционный Суд РФ подтвердил, что нормы ст. 280, 280.1, 282 УК РФ являются частью механизма охраны прав и свобод человека и гражданина независимо от каких-либо физических или социальных признаков, основ

конституционного строя, территориальной целостности Российской Федерации (определение от 22 апреля 2010 г. № 564-О-О). Следовательно, оспариваемые заявителями нормы не могут рассматриваться как противоречащие Конституции РФ.

В-четвертых, обосновывая возможность блокировки сайтов в сети Интернет, Конституционный Суд РФ применил метод аналогии, указав, что в российском законодательстве закреплены основания ликвидации и запрета деятельности общественного или религиозного объединения, иной организации, а также основания прекращения деятельности средства массовой информации в случае выявления фактов, свидетельствующих о наличии признаков экстремизма в их деятельности, или осуществления экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, общественному порядку, общественной безопасности, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда. Таким же образом признание сайта в сети Интернет экстремистским в целом является, по мнению Конституционного Суда, оправданным механизмом противодействия экстремистской деятельности и возможно в двух случаях: если экстремистские материалы размещаются на нем систематически и если такой сайт специально создан общественным или религиозным объединением, иной организацией (которые признаны экстремистскими и деятельность которых на территории Российской Федерации запрещена) в целях распространения информации экстремистского характера.

Выводы

1. Анализ решений Конституционного Суда РФ показывает, что норма ч. 5 ст. 29 Конституции РФ рассматривается им в качестве гарантии субъективного права на информацию, закрепленного в ч. 4 ст. 29, что получило свое отражение в неоднократно используемой формулировке о необходимости «соблюдения баланса общественных и частных интересов при реализации права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, обеспеченного свободой массовой информации и запретом цензуры».

2. Конституционный Суд РФ в своих решениях последовательно разграничивает понятия «цензура» и «ограничения свободы слова, права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом».

При этом Конституционный Суд РФ неизменно обращает внимание на то, что ограничения

конституционных прав не должно посягать на само существо того или иного права и приводить к утрате его реального содержания; должно использовать не чрезмерные, а только необходимые меры; публичные интересы, перечисленные в ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и не затрагивают само существо конституционного права, т.е. не ограничивают пределов и применения основного содержания соответствующих конституционных норм.

В частности, на сохранение самого существа права на информацию направлены указания Конституционного Суда РФ, что критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды; что высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по расовым, национальным, социальным и религиозным признакам, не должно преследоваться по ст. 282 УК РФ; что необходимо отличать распространение сведений, порочащих честь, достоинство, деловую репутацию от обсуждения и критики деятельности политических деятелей и должностных лиц.

3. В ранних решениях Конституционного Суда РФ проблемы ограничения свободы слова, права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом рассматривались в основном по отношению к информации, распространяемой в СМИ. В дальнейшем Конституционный Суд указывал, что сформулированные ими положения в полной мере относятся к информации, распространяемой с помощью различных форм, в том числе с помощью листовок, плакатов, книг, размещения на сайтах, форумах или в блогах, массовой рассылки электронных сообщений и т.п.

4. Рассматривая вопросы о соответствии норм российского законодательства, устанавливающих ограничения свободы слова, права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию, свободы

массовой информации Конституционный Суд РФ в большинстве своих решений не усматривает правовой неопределенности изучаемых норм или несоразмерности установленных ими ограничений. Однако в решениях постоянно указывается, что суды, разрешающие гражданско-правовые споры и рассматривающие уголовные дела, предметом которых являются информационные материалы, должны оценивать само содержание опубликованной информации, контекст, в котором она преподносится, мотив и целевую направленность создания информационных материалов, круг адресатов, которым они предназначены, порядок и полноту изложения, имело ли место манипулирование фактами.

Тем самым Конституционный Суд РФ, с одной стороны, признает невозможность уйти от оценочности при разрешении дел данного рода, а с другой – указывает на необходимость проведения комплексного анализа представленных информационных материалов, что актуализирует вопрос о повышении качества судебной экспертизы по такого рода делам.

В целом, сформулированные выше позиции Конституционного Суда РФ направлены на недопущение произвольного вмешательства со стороны публичных властей в реализацию права на поиск, передачу, получение, производство и распространение информации, умаления свободы массовой информации и тем самым способствуют развитию конституционно-правового содержания запрета цензуры.

В целях совершенствования правоприменительной практики предлагается внести изменения в ст. 3.1. Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и ст. 152 Гражданского кодекса РФ, используя формулировки, соответствующие правовым позициям Конституционного Суда РФ.

Изложить ст. 3.1. Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» в следующей редакции:

«3.1. Особенности применения законодательства Российской Федерации о противодействии экстремистской деятельности в отношении религиозных и иных текстов, имеющих значительную ценность для общества.

Не могут быть признаны экстремистскими материалами:

1) Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них;

2) произведения, имеющие значительную историческую, художественную или иную культурную ценность для общества, их содержание и цитаты из них;

3) суждения и умозаключения, использующие факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующие цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе».

Внести в ч. 1 ст. 152 Гражданского кодекса РФ следующее положение:

«Не признается порочащими сведениями критика должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления за исполнение их должностных обязанностей».

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. Комкова Г. Н. Судебный конституционализм и экономическая стабильность Российского государства : способы обеспечения и защиты // Судебная система и гражданское общество России. К 150-летию судебной реформы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2015. С. 6–7.
3. Сычев В. Б. Защита конституционного принципа недискриминации Конституционным Судом РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2016. 33 с.
4. Решения Конституционного суда Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 29.04.2018).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301 ; 2018. № 22, ст. 3040.
6. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.
7. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8 ; 2017. № 1.

Образец для цитирования:

Куликова С. А. Конституционный запрет цензуры в решениях Конституционного Суда РФ // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 330–337. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-330-337

Constitutional Prohibition of Censorship in Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation

S. A. Kulikova

Svetlana A. Kulikova, ORCID 0000-0002-0975-9588, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, kulikovasveta@inbox.ru

Introduction. For a more thorough understanding of Part 5 Article 29 of the Constitution of the Russian Federation, it is necessary to take into account the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the content of the constitutional prohibition of censorship. **Purpose.** To carry out the systematization and generalization of the legal positions of the Constitutional Court on problems related to the implementation of the constitutional prohibition of censorship. **Results.** Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation devoted to the correlation of the prohibition of censorship and restrictions on freedom of the media are classified into three thematic groups: 1) censorship and restrictions on freedom of the media in order to protect morality, 2) censorship and protection of honour and dignity of the individual, 3) censorship and restrictions on the freedom of information dissemination provided by legislation on countering terrorism and extremism. The Constitutional Court of the Russian Federation states that restriction on freedom of speech, freedom of mass information should not lead to the loss of the factual content of these freedoms. This restriction should use not excessive, but only necessary measures. The explanations of the Constitutional Court of the Russian Federation of the criticism of political organizations, ideological and religious associations; of statements about the possibility of judgment and reasoning, using the facts of interethnic, interfaith or other social relations in scientific and political discussions and texts; of the need to distinguish the dissemination of information discrediting honor, dignity, business reputation from the discussion of the activities of politicians and officials, are aimed at preserving freedom of the mass media. **Conclusions.** Proposals are made to change the words of the dispositions of Article 3.1 of the Federal Law dated July 25, 2002 No. 114 Federal Law "On Countering Extremist Activity" and Part 1 Article 152 of the Civil Code (Part One) of the Russian Federation dated November 30, 1994 No. 51 Federal Law, aimed at legislative consolidation of the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Key words: censorship, freedom of mass information, extremist materials, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of 21.07.2014 No. 11-FKZ). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398 (in Russian).
2. Komkova G. N. Judicial constitutionalism and economic stability of the Russian state: ways of providing and protection. In: *Sudebnaya sistema i grazhdanskoe obshchestvo Rossii. K 150-letiyu sudebnoi reform* [Judicial system and civil society of Russia. Towards the 150th anniversary of the Judicial Reform. Materials of the Int. sci. and pract. conf.]. Saratov, 2015, pp. 6–7 (in Russian).
3. Sychev V. B. *Zaschita konstitutsionnogo printsipa nediskriminatsii Konstitutsionnym sudom RF* [Protection of the constitutional principle of non-discrimination by the Constitutional Court of the Russian Federation]. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Penza, 2016. 33 p. (in Russian).
4. *Resheniya Konstitutsionnogo suda Rossiiskoi Federatsii* (Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Site). Available at: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (accessed 29 April 2018) (in Russian).
5. The Civil Code of the Russian Federation. Federal law of 30.11.1994 No. 51-FZ (an edition of 23.05.2018). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301; 2018, no. 22, art. 3040 (in Russian).
6. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2005, no. 4 (in Russian).
7. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2011, no. 8; 2017, no. 1 (in Russian).

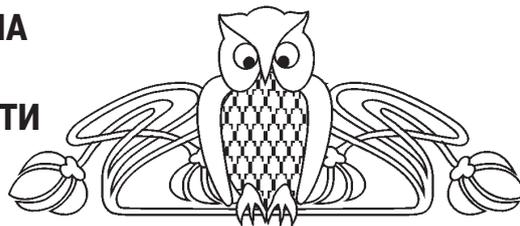
Cite this article as:

Kulikova S. A. Constitutional Prohibition of Censorship in Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 330–337 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-330-337

УДК 342.76

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. А. Подмарев

Подмарев Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, podmarev2004@mail.ru

Введение. Конституция РФ 1993 г. допускает возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина. Одним из условий установления ограничений прав и свобод индивида является их соответствие международным договорам о правах человека. Основными международными документами в сфере прав человека являются Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Указанные международные акты о правах человека универсального и регионального характера закрепляют не только перечень прав и свобод, но и стандарты их ограничений. **Цель.** Целью статьи являются выявление и анализ международных стандартов ограничения прав и свобод человека и гражданина, а также определение их значения для правотворческой и правоприменительной деятельности в Российской Федерации. **Результаты.** Анализ основных международных актов о правах человека позволил выявить международные стандарты ограничения прав и свобод человека и гражданина: ограничения должны устанавливаться с определенными целями; устанавливаться только законом; быть соразмерны (пропорциональны) тем целям, ради которых они вводятся; нельзя ограничивать права и свободы человека из-за пола, расы, цвета кожи и других признаков; некоторые права и свободы нельзя ограничивать ни при каких обстоятельствах (свобода от рабства и подневольного состояния, право не подвергаться пыткам и др.); для ограничения права на жизнь и права на свободу существует исчерпывающий перечень оснований; является допустимым ограничение прав представителей администрации, сотрудников полиции, военнослужащих, иностранцев; в условиях чрезвычайного положения в отношении некоторых прав и свобод личности могут вводиться дополнительные ограничения, в отношении отдельных прав и свобод дополнительные ограничения недопустимы, неограничиваемые (абсолютные) права и свободы сохраняют свое действие. **Заключение.** Делается вывод о том, что значение международных стандартов ограничения прав и свобод человека и гражданина для правотворческой и правоприменительной деятельности в Российской Федерации заключается в следующем: они должны учитываться при разработке федеральных законов, устанавливающих ограничения прав и свобод личности, независимо от отраслевой принадлежности законов; они уточняют содержание норм Конституции РФ, касающихся ограничений

прав и свобод человека и гражданина; должны использоваться судами при обосновании решений и приговоров; используются Конституционным судом РФ в качестве дополнительных критериев при оценке конституционности действующих ограничений индивидуальных и коллективных прав и свобод; играют роль пределов допустимых ограничений прав и свобод.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, международные стандарты ограничения прав и свобод человека и гражданина.

DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-338-342

Введение

Одним из вопросов, регулируемых Конституцией РФ 1993 г. [1], является установление основ правового статуса личности, которые включают в себя основные права, свободы и обязанности человека и гражданина (глава 2), принципы их реализации (ст. 17, 18, 19, 45), наиболее важные вопросы гражданства (ст. 6, 61, 62), общие условия ограничения всех прав и свобод (ч. 3 ст. 55, ч. 1 и ч. 3 ст. 17, ч. 4 ст. 15, ч. 2 ст. 19), основания и способы ограничения отдельных прав и свобод (ч. 5 ст. 13, ч. 2 ст. 20, ч. 2 ст. 22, ч. 2 ст. 23, ст. 25, ч. 2 и 4 ст. 29, ч. 3 ст. 32 и др.). Закрепление в ч. 3 ст. 55 Основного закона принципиальной возможности, допустимости ограничения государством прав и свобод личности предопределяется тем, что ни один человек, живущий в обществе, не может претендовать на неограниченную свободу, он должен в определенных законодательством случаях соотносить свои желания и устремления с интересами других лиц и государственных органов, действовать в определенных юридических границах, рамках. Часть 3 ст. 55 является самой важной в регулировании ограничений прав и свобод, поскольку перечисляет исчерпывающим образом цели ограничений – защита основ конституционного строя, защита нравственности, защита здоровья, защита прав и законных интересов человека, обеспечение обороны страны и безопасности государства.

В Российской Федерации конституционным условием ограничения прав и свобод индивида является требование соответствия вводимых

ограничений нормам международных договоров о правах человека. Это конституционное условие вытекает из ст. 17 (ч. 1) и 15 (ч. 4). Во-первых, права и свободы должны признаваться и гарантироваться согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ч. 1 ст. 17); во-вторых, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы; если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (ч. 4 ст. 15). Следствием этих норм является то, что в России круг прав и свобод личности, их формулирование, содержание (правомочия), принципы реализации, возможные ограничения должны соответствовать международным договорам о правах человека, участником которых является наше государство. Формула о приоритете международных договоров РФ над федеральными законами повторяется во многих законах, регламентирующих статус личности (Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Семейный кодекс РФ, законы «О персональных данных» 2006 г., «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» 2009 г., «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» 2011 г., «Об образовании в Российской Федерации» 2012 г.). Иногда в законах, посвященных правам и свободам, говорится о том, что эти законы основываются на общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах РФ («О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» 2004 г.) или что права и свободы гарантируются в соответствии с ними («Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» 1998 г.).

Цель

Цель статьи – выявление и анализ международных стандартов ограничения прав и свобод человека и гражданина, а также определение их значения для правотворческой и правоприменительной деятельности в Российской Федерации.

Результаты

На международном уровне (глобальном, региональном) заключены десятки договоров о правах человека как общего характера (о личных, политических, экономических, социальных, культурных правах и свободах), так и специального характера (о правах ребенка, женщин, инвалидов, беженцев, неграждан, жертв преступлений, участников вооруженных конфликтов,

заключенных, о борьбе с дискриминацией, пытками, рабством, геноцидом, торговлей людьми). Основные акты в этой сфере, обязательные для Российской Федерации, – это Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Протоколы к ней. Эти международные документы – форма закрепления и существования на международном уровне общепризнанных, общеприемлемых и общеобязательных фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, своеобразное общее согласие государств относительно минимума прав и свобод индивида, которыми он должен обладать в частной, политической, экономической, культурной и иных сферах жизнедеятельности.

Положения вышеуказанных международных документов в юридической науке принято рассматривать и определять как международные стандарты прав и свобод человека и гражданина, или как международные гуманитарные стандарты, или просто как стандарты, т. е. международно закрепленные права и свободы личности, их перечень, словесное выражение, содержание, значение должны служить обязательным ориентиром для национальных законодателей и даже для разработчиков конституций (учредительных собраний, парламентов). Например, Б. С. Эбзеев отмечает, что в настоящее время применительно к правам и свободам личности «сложились международные гуманитарные стандарты...; международный гуманитарный консенсус, предусматривающий единство в понимании прав и свобод человека и гражданина и обязательств государств по их защите...» [2, с. 28].

Международные документы о правах человека, помимо собственно прав и свобод личности, закрепляют принципиальную возможность их ограничения, а также цели, основания, принципы, случаи, способы ограничений некоторых прав и свобод. В Декларации допускается, что при осуществлении прав и свобод человек может подвергаться ограничениям (ст. 29). Положения основополагающих международных актов о правах человека, касающиеся ограничений, можно рассматривать как международные стандарты ограничения прав и свобод человека и гражданина, т. е. как единые международно-правовые подходы к необходимым в демократическом государстве ограничениям прав и свобод личности, их смыслу, сущности, обоснованию, необходимости, целям, способам. О возможности выделения таких стандартов пишет А. В. Малько: «...точно

так же, как существуют международные стандарты всеобщих прав, должны существовать и стандарты их ограничений...» [3, с. 104].

Международные соглашения о правах человека разрешают ограничивать права и свободы как в условиях ординарного (нормального) правопорядка, так и при введении какого-либо чрезвычайного режима (чрезвычайное положение, военное положение, осадное положение и др.).

Международные правила ограничения прав и свобод индивида содержатся в ст. 2, 4, 5, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 17, 29 Декларации, ст. 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 25 Пакта о гражданских и политических правах, ст. 2, 4, 5, 8 Пакта об экономических, социальных и культурных правах, ст. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 17 Конвенции. При этом нормы Конвенции должны восприниматься в истолковании, данном Европейским судом по правам человека.

Представляется, что в качестве международных стандартов ограничения прав и свобод человека и гражданина можно рассматривать следующие требования указанных международных документов:

1) ограничения должны устанавливаться в определенных целях (защита прав и свобод других лиц, интересы государственной или общественной безопасности, поддержание общественного порядка, предотвращение беспорядков и преступлений, обеспечение общего благосостояния, охрана здоровья и нравственности);

2) ограничения должны устанавливаться только законом;

3) ограничения должны быть соразмерны (пропорциональны) тем целям, ради которых они вводятся;

4) нельзя ограничивать права и свободы человека из-за пола, расы, цвета кожи, языка, национальности, социального происхождения, вероисповедания, имущественного положения, принадлежности к национальным меньшинствам и других признаков;

5) некоторые права и свободы нельзя ограничивать ни при каких обстоятельствах (свобода от рабства и подневольного состояния; право не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию; право на защиту нарушенных прав и свобод; право каждого обвиняемого в совершении преступления считаться невиновным до тех пор, пока виновность не будет установлена судом; право на иммунитет от обратной силы уголовного закона; право не быть лишенным свободы за невыполнение договорных обязательств; право на признание правосубъектности);

6) для ограничения права на жизнь и права на свободу (физическую) существует исчерпывающий перечень оснований;

7) является допустимым ограничение прав определенной профессиональной или социальной группы лиц, к примеру, представителей администрации, сотрудников полиции, военнослужащих, иностранцев;

8) в условиях чрезвычайного положения в отношении некоторых прав и свобод личности могут вводиться дополнительные ограничения (право на физическую свободу), в отношении отдельных прав и свобод дополнительные ограничения недопустимы (право на жизнь, свобода вероисповедания), неограничиваемые (абсолютные) права и свободы сохраняют свое действие (свобода от рабства, свобода от пыток).

Заключение

Значение международных стандартов ограничения прав и свобод человека и гражданина для правотворческой и правоприменительной деятельности в Российской Федерации заключается в том, что они:

1) должны учитываться при разработке федеральных законов, устанавливающих ограничения прав и свобод личности, независимо от отраслевой принадлежности этих законов; при этом вводимые федеральными законами ограничения должны соответствовать международно-правовым;

2) уточняют содержание норм Конституции РФ, касающихся ограничений прав и свобод человека и гражданина (например, ч. 2 ст. 22 Конституции РФ, предусматривающую такие ограничения права человека на свободу, как арест, заключение под стражу, содержание под стражей, необходимо понимать и толковать во взаимосвязи со ст. 9 и 10 Пакта о гражданских и политических правах и со ст. 5 Конвенции);

3) должны использоваться судами при обосновании решений и приговоров, затрагивающих права и свободы личности, в том числе если имеются пробелы или коллизии в российском законодательстве, касающиеся ограничений.

На использование норм международных договоров о правах человека при разрешении вопроса о законности или незаконности ограничений прав и свобод индивида ориентируют суды постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» от 31.10.1995 г. № 8 [4], «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» от 10.10.2003 № 5 [5], «О применении

судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» от 27.06.2013 № 21 [6]. То есть вопрос об учете международных стандартов ограничений прав индивида в правоприменительной деятельности – это вопрос практический, а не отвлеченно-теоретический;

4) используются Конституционным судом РФ в качестве дополнительных критериев при оценке конституционности действующих ограничений индивидуальных и коллективных прав и свобод.

Например, в 2017 г. Конституционный суд РФ постановил, что возможность ограничения права граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование согласуется с общепризнанными принципами и нормами международного права, в том числе закрепленными во Всеобщей декларации прав человека (п. 1 ст. 20), в Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 21), в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 11) [7];

5) играют роль пределов допустимых ограничений прав и свобод, за который национальный законодатель выходить не должен (так считает Конституционный суд России [8]).

Таким образом, международные стандарты ограничения прав и свобод человека и гражданина развивают, уточняют, конкретизируют общие условия и отдельные случаи ограничения прав и свобод личности и тем самым являются ориентиром для правотворческих и правоприменительных органов государственной и муниципальной власти Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом по-

правок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

2. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России : взаимная ответственность и конституционные обязанности. М. : Норма, 2007. 384 с.
3. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2003. 250 с.
4. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.
5. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.
6. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.
7. По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина : постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 9, ст. 1422.
8. По делу о проверке конституционности статьи 12 Закона СССР от 9 октября 1989 года «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» (в редакции от 20 мая 1991 года) в части, запрещающей проведение забастовок работниками гражданской авиации, в связи с жалобой Профсоюза летного состава РФ : постановление Конституционного Суда РФ от 17.05.1995 г. № 5-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1976.

Образец для цитирования:

Подмарев А. А. Международные стандарты ограничения прав и свобод человека и гражданина и их значение для правотворческой и правоприменительной деятельности в Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 338–342. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-338-342

The International Standards of Restriction of the Rights and Freedoms of the Person and Citizen and Their Value for Law-making and Law-enforcement Activity in the Russian Federation

A. A. Podmarev

Alexander A. Podmarev, ORCID 0000-0003-3518-2521, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, podmarev2004@mail.ru

Introduction. The constitution of the Russian Federation allows 1993 possibility of restriction of the rights and freedoms of the person and citizen. One of conditions of establishment of restrictions of the rights and freedoms of the individual is their compliance to international human rights treaties. The main international documents in the sphere of human rights are the Universal declaration of human rights of 1948, the International Covenant on Civil and Political Rights of 1966, the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights of 1966, the European convention on protection of human rights and fundamental freedoms of 1950. The specified international acts of

human rights of universal and regional character fix not only the list of the rights and freedoms, but also standards of their restrictions.

Purpose. The purpose of article is identification and the analysis of the international standards of restriction of the rights and freedoms of the person and citizen, and also determination of their value for law-making and law-enforcement activity in the Russian Federation.

Results. The analysis of the main international acts of human rights allowed to reveal the international standards of restriction of the rights and freedoms of the person and citizen: restrictions have to be set in definite purposes; restrictions have to be set only by the law; restrictions have to be proportional (are proportional) to those purposes for the sake of which they are entered; it is impossible to limit the rights and freedoms of the person because of a floor, races, skin color and other signs; some rights and freedoms can't be limited under no circumstances (freedom from slavery and a servitude, the right not to be exposed to tortures, etc.) ; for restriction of the right for life and the rights for freedom there is an exhaustive list of the bases; restriction of the rights of representatives of administration, police officers, the military personnel, foreigners is admissible; in the conditions of state of emergency concerning some rights and personal freedoms additional restrictions can be introduced, concerning the separate rights and freedoms additional restrictions are inadmissible, not limited (absolute) rights and freedoms keep the action. **Conclusion.** The conclusion that value of the international standards of restriction of the rights and freedoms of the person and citizen for law-making and law-enforcement activity in the Russian Federation consists in the following is drawn: they have to be considered when developing the federal laws setting restrictions of the rights and personal freedoms irrespective of branch accessory of laws; they specify the content of the standards of the Constitution of the Russian Federation concerning restrictions of the rights and freedoms of the person and citizen; they have to be used by courts at justification of decisions and sentences; they are used by the Constitutional Court of the Russian Federation as additional criteria at an assessment of constitutionality of the operating restrictions of the individual and collective rights and freedoms; they play a role of limits of admissible restrictions of the rights and freedoms.

Key words: Constitution the Russian Federation, international standards of restriction of the rights and freedoms of the person and citizen.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of 21.07.2014 No. 11-FKZ). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398 (in Russian).
2. Ebzeev B. S. *Lichnost' i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaya otvetstvennost' i konstitutsionnye obyazannosti* [Personality and state in Russia: mutual responsibility and constitutional duties]. Moscow: Norma Publ., 2007. 384 p. (in Russian).
3. Malko A.V. *Stimuly i ogranicheniya v prave* [Incentives and restrictions in the law. 2nd ed., rev. and add.]. Moscow: Yurist Publ., 2003. 250 p. (in Russian).
4. On some issues of application by the courts of the Constitution of the Russian Federation in the administration of justice. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 31.10.1995 No. 8. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 1996, no. 1 (in Russian).
5. On the application by the courts of general jurisdiction of generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.10.2003 No. 5. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2003, no. 12 (in Russian).
6. On the application by the courts of general jurisdiction of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950 and the Protocols there to. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 06.27.2013 No. 21. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2013, no. 8 (in Russian).
7. In the case on the verification of the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I. I. Dadin. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 10.02.2017 No. 2-P. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2017, no. 9, art. 1422 (in Russian).
8. In the case on the verification of the constitutionality of Article 12 of the Law of the USSR of 9 October 1989 "On the Procedure for the Resolution of Collective Labor Disputes (Conflicts)" (as amended on May 20, 1991), which prohibits strikes by civil aviation workers in connection with the complaint of the Trade Union of the Airline Composition of the Russian Federation. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 17.05.1995 No. 5-P. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1995, no. 21, art. 1976 (in Russian).

Cite this article as:

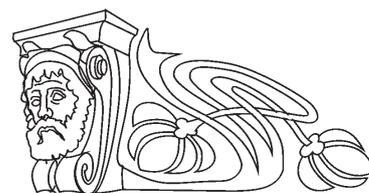
Podmarev A. A. The International Standards of Restriction of the Rights and Freedoms of the Person and Citizen and Their Value for Law-making and Law-enforcement Activity in the Russian Federation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 338–342 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-338-342

УДК 340.1

КРИТЕРИИ НАУЧНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ПРАКТИКА ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

Н. В. Тюменева

Тюменева Наталия Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tumeneva82@mail.ru

Введение. Усложнение объектов правового воздействия, обогащение теории за счет приращения новых знаний из неюридических сфер ставят вопрос, во-первых, о демаркации юридического знания в системе гуманитарных наук, во-вторых, о повышении требований к точности объектно-предметной области и методологии правовых исследований, в-третьих, о формализации правовых явлений в юридической практике, наконец, об оценке результатов исследований с точки зрения их практической полезности, социальной востребованности. Эти вопросы невозможно решить без применения критериев научности юридического знания. Цель работы состоит в выявлении комплекса научных критериев, необходимых и пригодных для стандартизации юридического знания. **Теоретический анализ.** Необходимо сформировать систему дисциплинарных научных критериев в юриспруденции как инструмент оценки юридического знания, которое обладает рядом особенностей (в частности, государственно-правовые явления представляют собой сложные уникальные системы, при анализе которых обязательно учитываются политические и исторические факторы, мировоззренческие предпочтения исследователя, выбор методологии исследования и прочее, и это увеличивает субъективный момент в их оценке). Данное обстоятельство не всегда позволяет единообразно применять универсальные критерии для стандартизации юридического знания. **Выводы.** Проблема установления границ формализации и материализации государственно-правовых явлений решается с помощью применения комплекса критериев научности, позволяющих, во-первых, констатировать научную значимость объектов познания, во-вторых, вывести правовые феномены из абстракции (сферы неявного знания) в объектно-предметную область и придать им категориальный статус.

Ключевые слова: дисциплинарные критерии научности, юридическая наука, объектно-предметная область, методология.

DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-343-348

Введение

Юридическая наука выражает определенное знание в границах конкретной объектно-предметной области. Применение научных стандартов позволяет не просто исключать то, что не доступно непосредственной эмпирической проверке, а, напротив, осознанно, рационально контролируемо и, значит, более эффективно использовать различные допущения, предположения, образующие массив первичного знания (предположения, гипотезы, идеи и проч.). Та-

кой анализ устанавливает сферу использования предположений, определяет, в какой момент следование тем или иным из них превращается из условия, обеспечивающего прогрессивное развитие научного знания, в фактор, его тормозящий. Именно критерии научности придают концептуальную завершенность и нормативную определенность любым юридическим конструкциям путем систематизации и структурирования разнообразного фактического материала. Подобная формализация ведет к установлению правовых, аксиологических, социально-гуманитарных границ юридической науки.

Цель работы состоит в выявлении комплекса критериев научности, необходимых и пригодных для стандартизации юридического знания.

Теоретический анализ

Любая система знаний тяготеет к своему эталону научности, поскольку качество знания и его практическая приложимость определяется наличием обязательных научных критериев (стандартов), фиксирующих все важнейшие свойства результатов исследовательского труда.

Критерии научности – это правила оценки продуктов познания на их соответствие стандартам науки; они позволяют субординировать знание с позиций близости (отдаленности) его от науки; это фундаментальные теоретико-методологические принципы, нормы, ценности, идеалы, эталоны, обуславливающие определенность оснований, по которым пробное знание (корпус идей: гипотезы, концепции, теории) и деятельность (корпус актов: мышление, теоретизация, концептуализация) расцениваются как научные и зачисляются в раздел науки [1, с. 23], т.е. они задают гносеологическую возможность знания быть именно научным знанием.

С функциональной точки зрения речь идет о том, что наличие стандартов оценки юридического знания в конечном счете повышает эффективность правового регулирования, совершенствует юридическую практику. Ведь право не должно регулировать некую идеальную сферу жизни, оставляя реальную в своем прежнем неизменном качестве. Напротив, потребности социально-экономического развития будут отражены в законе только после того, как они осознаны и сформулированы в виде политиче-

ских требований государства. Для того чтобы управлять процессом функционирования социального бытия, существующие общественные отношения необходимо «стандартизировать» в области юриспруденции соответствующими категориями, адекватными социальной реальности (например, такими как правоотношение, правопорядок, правовой режим, юридическая ответственность, механизм правового регулирования и т.д.). Особенно это актуально в отношении новых юридических явлений (например, таких как правовой мир, правовая реальность, правовая жизнь и др.), категориальный статус которых только предстоит обосновать. И первый шаг в этом направлении необходимо сделать с их оценки на предмет научности, иначе они будут псевдонаучными правовыми химерами [2, с. 4].

Еще в начале прошлого столетия осознавалась необходимость обозначения научных критериев именно юридической науки. «Юриспруденция еще не выработала своих аксиом, своих бесспорных положений не только не давая руководящей нити для практики, но идя позади ее <...>. Стоит только вспомнить бесконечные пререкания по самым азбучным вопросам..., чтобы представить, насколько юриспруденция далека от точности, того именно свойства, которое только и делает науку наукой в строгом, истинном значении этого слова» [3, с. 4].

Ситуация принципиально не изменилась и сегодня [4, с. 31–33]. Ученые продолжают «ломать копья», полемизируя по поводу сущностных проблем государство- и правопонимания, не говоря уже об иных вопросах, например, понятия и содержания юридической ответственности, значения и понимания правоприменения в право-реализационном процессе, структуре и юридическом содержании правоотношений и проч.

Если вопрос стандартизации юридического знания в советский период был актуален [5, с. 89], то в современный период, когда разрабатываются многочисленные теории государство- и правопонимания, используются разнообразные методы научного познания (не только диалектика, но и иные методологии: феноменология, структурализм, герменевтика и др.), решение данного вопроса остро необходимо. А в условиях хаоса, по сути, кризиса методологии социологизация и политизация не только неоправданно размывают и расширяют границы юридического знания [6, с. 15], но и могут свести юриспруденцию всего лишь к эмпирической деятельности [7, с. 1013, 1015] описательно-комментаторского значения [8,

с. 14]. Для того чтобы система юридического знания сохраняла свою самостоятельность в качестве отрасли науки, необходимы критерии (стандарты) научности, преимущественно дисциплинарные.

Дисциплинарные критерии предъявляются к профессионально (предметно и методически) расчлененным отраслям знания, например, требования для логико-математических, естественных, общественных, технических наук, отдельных родов знания, конкретных теорий, гипотез и т.д. Эти критерии представляют собой инструмент аттестации конкретных видов знания, отражают частные параметры науки [1, с. 25–26].

Функциональная роль дисциплинарных критериев в юриспруденции проявляется в том, что они обозначают границы правовой объективации исследуемого явления в качестве системы; показывают, как идентифицировать его и отличить от других правовых образований и как оно, это явление, применяется в действительности, на практике. Таким образом, практическая значимость критериев сводится, во-первых, к отбору единиц знания на базе имеющихся фильтров предпочтения [1, с. 26], а во-вторых, к охране правового знания от непригодных, несостоятельных идей.

Поскольку сугубо дисциплинарных критериев, отражающих частные параметры юридической науки, представляющие собой инструмент аттестации юридического знания, до сих пор не выработано, а имеющиеся аксиомы в правовой науке не решают поставленной проблемы, поскольку сами требуют правового осмысления [9, с. 3], то для решения проблемы дисциплинарных критериев юридического знания предлагается или обратиться к философии, или «заимствовать» критерии естественных и математических наук» [10, с. 21–22].

Что касается заимствования научных стандартов точных наук, то такая постановка вопроса не нова. Еще в советскую эпоху в теории права ставились вопросы о целесообразности переноса научных стандартов, обычно «работающих» в отношении точных и естественных наук, в плоскость гуманитарного знания, в частности, юриспруденцию, а также об определении специфики их применения в отношении предмета социального познания [11, с. 15].

В связи с приращением знания из неюридических сфер, которое в настоящее время сохранило и значительно приумножило тенденцию к росту, по сравнению с предыдущим столетием, подход к проблеме изменился. У ряда авторов

суждение о необходимости применения критериев точных наук в юриспруденции уже не вызывает сомнения [12, с. 3–4]. Проблема для них заключается в другом: насколько эффективным будет использование параметров точных наук в области гуманитарного знания, смогут ли научные критерии занять такое же место, сыграть ту же функциональную роль в теории государства и права, какую они играют в математике и физике? Истории науки известны примеры, когда некритическая обработка средств естественно-математического познания породила сильнейшую ответную реакцию, выразившуюся в противопоставлении гуманитарного знания «точному».

Резонность постановки подобных вопросов обусловлена имеющимися сложностями формализованного описания правовых явлений, во многом близких к общим трудностям применения математики в социальных науках [13, с. 60]. Проблема заключается в том, что основой социально-гуманитарного знания являются не количественные параметры, а качественная характеристика неповторимых, уникальных социальных явлений, таких как правовое государство, гражданское общество, суверенитет, демократия, правовая система, правосознание, правоотношение, права и свободы человека и т.д. Так, например, далеко не всегда возможно однозначно и четко определить связь между количеством гарантированных прав и качеством жизненного уровня населения [14, с. 68]. Именно поэтому в плоскости права социальные законы не действуют с математической точностью, а проявляют себя в виде тенденции, предрасположенности определенных событий, процессов к определенному результату [10, с. 53].

С другой стороны, социально-гуманитарное знание, в систему которого входит и юриспруденция, в противоположность естествознанию, характеризуется значительно большим числом «извращений» в духе идеологии экономически и политически господствующих классов [15, с. 157]. Поэтому содержание правовых теорий не сводится целиком ни к науке, ни к идеологии и является сложным их конгломератом [16, с. 22].

Таким образом, в гуманитарной науке осмысление выработанных человечеством смысловых структур осуществляется на основе мотивационно-чувственного понимания, а не понятийно-рационального, как в точных науках. Н. Н. Тарасов это обстоятельство относит к «слабым» местам методологических проблем юриспруденции [8, с. 15], порождающих определенные ограни-

чения в возможностях формулирования точных требований к юридическому знанию [8, с. 17–18]. Это еще раз свидетельствует о том, что юристам нельзя без всякой обработки воспринимать идеи, выводы, категории, методы неюридических наук; механическое их перенесение ведет к ошибкам в познании права [17, с. 15].

Важнейшая особенность, которая должна учитываться при формулировании дисциплинарных научных критериев, – это специфика объекта правовой теории. В. А. Шабалин справедливо отмечает, что объект познания не только невозможно вычленивать из целостной структуры общества, но и трудно элиминировать от познающей деятельности субъекта [18, с. 47], поэтому предметом познания выступает объект, отраженный в сознании субъекта.

Это означает, что юриспруденция имеет дело со сложными «человекомерными» единицами, заметно увеличивающими удельный вес субъективного момента в науке. Не случайно проблемы правопонимания, типологии государства и права, их сущности были и остаются ареной острой идеологической борьбы – науки с политикой, материализма с идеализмом. Как следствие – снижение степени объективации научно-гуманитарного знания и преобладание личностно-оценочных характеристик.

С другой стороны, богатство содержания социальных объектов, по сравнению с физическими и математическими, не позволяет в полной мере осуществлять их интеллектуальную контролируемость и регистрируемость. Правовые явления – обычно сложные, динамические, многослойные системы с разветвленной структурой, не позволяющей установить их качественную однородность, чтобы обнаружить сравнимое количественное разнообразие [19, с. 100].

Этим отчасти объясняется то, что право, например, не имеет своей «единицы измерения», т.е. такого номинального (идеального, эталонного) объекта, который был бы достаточно прост, чтобы быть описанным математически, а с другой стороны – достаточно богат, чтобы охватить всю систему социальных отношений. Даже правовая норма, которую принято считать «первичной клеточкой права», не всегда может выступать «единицей измерения» правовых явлений. Обусловлено это тем, что содержание юридического предписания разнообразно, а взаимосвязь структурных элементов нормы права гораздо многослойнее, чем в большинстве математических объектов.

Структурирование и содержание элементов системы любого правового явления детермини-

ровано господствующей правовой парадигмой. Современная ситуация сложна тем, что наука в целом переживает кризис, связанный со сменной картиной мира, научного мировоззрения: классические принципы уже не действуют, а алгоритм постклассических еще не внедрен в правовую науку [20, с. 137]. Это спровоцировало ситуацию, когда объект познания до конца не ясен: или это реальная общественная жизнь, опосредованная законами, действующими в юридической практике, или это отвлеченное правопонимание, которое еще никогда не было однозначным. А это, в свою очередь, затрудняет выработку системы дисциплинарных критериев научности. Поэтому юриспруденция использует систему универсальных параметров оценки научного знания, выработанную в философии науки.

Прежде чем анализировать специфику применения универсальных критериев научности в юриспруденции, отметим, что их использование не снимает и не отменяет проблемы разработки собственно юридических (дисциплинарных) эталонов научности. Напротив, анализ правового знания только на уровне философской методологии недостаточен и чрезмерно абстрактен для выявления специфики правовых явлений, поскольку философия науки содержит в себе не знания о государстве и праве, а знание об их знании, точнее, о формах, типах этого знания.

Выводы

Критерии научности, выступающие частью методологии науки, стандартизируют юридическое знание в рамках заданной объектно-предметной области. Вместе с тем сугубо дисциплинарных критериев в самой юридической науке не выработано, что негативно отражается на качестве юридического знания. В частности, отсутствие дисциплинарных критериев юридического знания затрудняет демаркацию юридического знания в системе гуманитарных наук, затрудняет выработку и оформление нового знания, формирование понятийного аппарата юридической науки.

Список литературы

1. Ильин В. В. Критерии научности знания. М. : Высш. шк., 1989. 128 с.
2. Хохлов Е. Б. Юридические химеры как проблема современной российской правовой науки // Изв. вузов. Правоведение. 2004. № 1. С. 4–14.
3. Потапов С. М. Научные основы права. Т. 1 : Формула права как явление действительности. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1908. 76 с.
4. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та, 2001. 264 с.
5. Козлов В. А. Проблема предмета и методологии общей теории права. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 120 с.
6. Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 5–15.
7. Веденеев Ю. А. Юриспруденция : конец или начало? // Lex Russica. 2014. Т. ХСVI, № 9. С. 1009–1022.
8. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы современного правоведения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 42 с.
9. Масленников А. В. Правовые аксиомы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 24 с.
10. Сырых В. М. Логические основания общей теории права : в 2 т. Т. 1. Элементный состав. М. : Юстициформ, 2000. 528 с.
11. Рузавин Г. И. Математизация научного знания. М. : Мысль, 1984. 207 с.
12. Короновский А. А., Трубецков Д. И. Нелинейная динамика в действии : Как идеи нелинейной динамики проникают в экологию, экономику и социальные науки. Саратов : Колледж, 2002. 324 с.
13. Орлов Д. В. Интеграционный процесс и отдельные аспекты влияния нейронауки на развитие и формирование современного уголовного права // Право и политика. 2017. № 2. С. 60–66.
14. Тюменева Н. В. Научные критерии изучения права на жизнь // Философия права. 2008. № 1. С. 65–70.
15. Кедров Б. М. Классификация наук. Прогноз К. Маркса о науке будущего. М. : Мысль, 1985. 543 с.
16. Зорькин В. Д. Соотношение идеологического и познавательного аспектов буржуазной юриспруденции // Право и борьба идей в современном мире. Критика буржуазных современных концепций права : материалы науч. конф. (Москва, 24–26 декабря 1979 г.). М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1980. С. 20–25.
17. Лисюткин А. Б. Юридическое значение категории «ошибка» : теоретико-методологический аспект. Саратов : Изд-во СГАП, 2001. 348 с.
18. Шабалин В. А. Методологические вопросы правоведения. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1972. 226 с.
19. Тюменева Н. В. Логические основания права (к постановке вопроса) // Труды Тамбовского филиала Московского университета МВД России за 2006 г. / под ред. И. Ф. Амельчакова, Р. Б. Осокина, А. А. Сафонова. Вып. 10. Тамбов : Изд-во Р. В. Першина, 2007. С. 91–107.
20. Разуваев Н. В. Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания // Изв. вузов. Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 136–153.

Образец для цитирования:

Тюменева Н. В. Критерии научности юридического знания и практика их применения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 343–348. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-343-348

Criteria of Scientific Character of Legal Knowledge and Practice of Their Application

N. V. Tumeneva

Natalia V. Tumeneva, ORCID 0000-0002-1227-6923, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, tumeneva82@mail.ru

Introduction. The complexity of the objects of legal influence, the enrichment of the theory due to the increment of new knowledge from non-legal spheres raise the question, firstly, about the demarcation of legal knowledge in the Humanities, secondly, about increasing the requirements for the accuracy of the object-subject area and the methodology of legal research, thirdly, about the formalization of legal phenomena in legal practice, finally, about the evaluation of the results of the research, in terms of their practical utility, social relevance. These issues cannot be solved without the application of scientific criteria of legal knowledge. The purpose is to identify a set of scientific criteria necessary and suitable for the standardization of legal knowledge. **Theoretical analysis.** It is necessary to form a system of disciplinary scientific criteria in law as a tool for assessing legal knowledge, which has a number of features (in particular, state-legal phenomena are complex unique systems, the analysis of which necessarily takes into account political and historical factors, worldview preferences of the researcher, the choice of research methodology, etc., and this increases the subjective moment in their assessment). This fact does not always allow uniform application of universal criteria for the standardization of legal knowledge. **Conclusions.** The problem of establishing the boundaries of the formalization and materialization of the state-legal phenomena is solved by applying a set of criteria of scientific character, allowing, first, to state the scientific significance of the objects of knowledge, and secondly, to withdraw the legal phenomena of abstraction (the sphere of tacit knowledge) into an object-subject area and give them a categorical status.

Key words: disciplinary criteria of science, legal science, object-subject area, methodology.

References

1. Ил'ин В. В. *Критерии научности знания* [Criteria of scientific knowledge]. Moscow: Vysshaia shkola Publ., 1989. 128 p. (in Russian).
2. Hohlov E. B. Legal chimeras as a problem of modern Russian legal science. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie], 2004, no. 1, pp. 4–14 (in Russian).
3. Potapov S. M. *Nauchnye osnovy prava. T. 1. Formula prava kak iavlenie deistvitel'nosti* [Scientific basis of law. Vol. 1. Formula of law as a phenomenon of reality]. St. Petersburg: Print house of A. S. Suvorin. 76 p. (in Russian).
4. Tarasov N. N. *Metodologicheskie problemy iuridicheskoi nauki* [Methodological problems of legal science]. Ekaterinburg: Humanity University Press, 2001. 264 p. (in Russian).
5. Kozlov V. A. *Problema predmeta i metodologii obshchei teorii prava* [The problem of the subject and methodology of the general theory of law]. Leningrad: Leningrad Univ. Publ., 1989. 120 p. (in Russian).
6. Cherdancev A. F. Integrative misunderstanding of law. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2016, no. 10, pp. 5–15 (in Russian).
7. Vedenev Yu. A. Law: the end or the beginning? *Lex Russica*, 2014, vol. XCVI, no. 9, pp. 1009–1022 (in Russian).
8. Tarasov N. N. *Metodologicheskie problemy sovremenogo pravovedeniya* [Methodological problems of modern jurisprudence]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Jur.). Ekaterinburg, 2002. 42 p. (in Russian).
9. Maslennikov A. V. *Pravovye aksiomy* [Legal axioms]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Vladimir, 2006. 24 p. (in Russian).
10. Syryh V. M. *Logicheskie osnovaniya obshchei teorii prava: v 2 t. T. 1. Elementnyi sostav* [Logical foundations of a general theory of law: in 2 vol. Vol. 1. The elemental composition]. Moscow: Yustitsinform, 2000. 528 p. (in Russian).
11. Ruzavin G. I. *Matematizatsiya nauchnogo znaniya* [Mathematization of scientific knowledge]. Moscow: Mysl' Publ., 1984. 207 p. (in Russian).
12. Koronovskij A. A., Trubeckov D. I. *Nelineinaya dinamika v deistvii: Kak idei nelineinoy dinamiki pronikaut v ekologiyu, ekonomiku i social'nye nauki* [Nonlinear dynamics in action: How the ideas of nonlinear dynamics penetrate into the ecology, economy and social sciences]. Saratov: College Publ., 2002. 324 p. (in Russian).
13. Orlov D. V. The process of integration and some aspects of the influence of the influence of neuroscience on the development and formation of modern criminal law. *Pravo i politika* [Law and politics], 2017, no. 2, pp. 60–66 (in Russian).
14. Tumeneva N. V. Scientific criteria exploring the right to life. *Filosofiya prava* [Philosophy of law], 2008, no. 1, pp. 65–70 (in Russian).
15. Kedrov B. M. *Klassifikatsiya nauk. Prognoz K. Marksa o nauke buduschego* [Classification of sciences. The

- prognosis of K. Marx about the science of the future]. Moscow: Mysl' Publ., 1985. 543 p. (in Russian).
16. Zor'kin V. D. The Ratio of the ideological and educational aspects of bourgeois law. In: *Pravo i bor'ba idey v sovremennom mire. Kritika burzhuznykh sovremennykh kontsepciy prava* [Law and the struggle of ideas in the modern world. Critique of modern bourgeois concepts of law: materials sci. conf. (Moscow, 24–26 December 1979)]. Moscow: The Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences Publ., 1980, pp. 20–25 (in Russian).
 17. Lisjutkin A. B. *Juridicheskoe znachenie kategorii «oshibka»: teoretiko-metodologicheskij aspekt* [Legal significance of the category “error”: theoretical-methodological aspect]. Saratov: SGAP Publ., 2001. 348 p. (in Russian).
 18. Shabalin V. A. *Metodologicheskie voprosy pravovedeniya* [Methodological questions of jurisprudence]. Saratov: Saratov University Press, 1972. 226 p. (in Russian).
 19. Tumeneva N. V. Logical foundations of law (to question statement). *Trudy Tambovskogo filiala Moskovskogo universiteta MVD Rossii za 2006 g.* [Proceedings of Tambov branch of the Moscow University of MIA of Russia for 2006. Ed. by I. F. Amelchakov, R. B. Osokin, A. A. Safonov. Iss. 10]. Tambov: R. V. Pershin's Publ., 2007, pp. 91–107 (in Russian).
 20. Razuvaev N. V. Contemporary theory of law in search of a post-classical paradigm of cognition. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie* [Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie], 2014, no. № 5 (316), pp. 136–153 (in Russian).

Cite this article as:

Tumeneva N. V. Criteria of Scientific Character of Legal Knowledge and Practice of Their Application. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 343–348 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-343-348

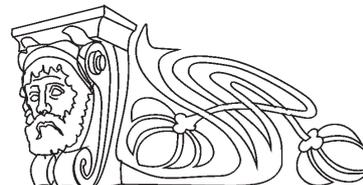

УДК 342.41

РАВЕНСТВО ПОЛОВ В СФЕРЕ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Р. А. Торосян

Торосян Рима Андраниковна, ассистент кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, rima_t@mail.ru

Введение. Статья посвящена комплексному анализу конституционно-правового регулирования равенства прав и обязанностей мужчин и женщин в сфере семейных правоотношений.

Обсуждение. Автором проведен анализ конституций советского периода с целью установления наличия гарантии защиты прав и интересов отцов (мужчин), подверженных гендерной дискриминации. Отмечается, что определенные преимущества, предоставляемые государством, направленные на уравнивание правового положения мужчин и женщин, распространяются только на женщин. При этом не учитываются интересы и права мужчин, которые в результате предоставления женщинам соответствующих преимуществ могут быть нарушены, что способно привести к дискриминации мужчин по признаку пола.

Заключение. В результате анализа конституций советского периода автор приходит к выводу, что, хотя Основные законы советского периода закрепляли принцип гендерного равенства, они не содержали гарантии защиты института отцовства (за исключением Конституции РСФСР 1978 г.). Конституция РФ демонстрирует новый подход к семье, выделяя и материнство, и отцовство. Автором отмечается, что в настоящее время мужчины не обеспечены фактической гарантией на государственную охрану интересов отцовства. Отцовство не включено в сферу государственной политики, что приводит к гендерной асимметрии статуса матери и отца в обществе. Это подтверждается отсутствием соответствующего закона, направленного на регулирование отношений материнства, отцовства и детства; не установлением гарантии защиты института отцовства на конституционном уровне.

Ключевые слова: равенство родителей, мужчины и женщины, отцовство, дискриминация.

DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-349-356

Введение

Конституцией Российской Федерации (ч. 3 ст. 19) [1] закрепляются равенство прав и свобод и равенство возможностей мужчин и женщин для их реализации. Принцип равенства прав и свобод мужчин и женщин отражает специфические взаимоотношения полов, является фактором развития любого государства.

Следует отметить, что особенно актуальным является вопрос относительно деятельности органов государственной власти в России при формировании направлений социальной политики в сфере семейных отношений, в рамках которых принимаются решения и законы, как правило, не учитывающие прав и интересов отцов. При формировании мер демографической и семей-

ной политики мужские и отцовские проблемы зачастую не принимаются во внимание, в связи с чем у мужчин (отцов) возникают сложности с реализацией своих конституционных прав. В данном случае на законодательном уровне допускается гендерная дискриминация мужчин [2].

Обсуждение

Нами был проведен анализ конституций советского периода с целью установления наличия гарантий защиты прав и интересов отцов (мужчин), подверженных гендерной дискриминации.

Так, было установлено, что Конституция РСФСР 1918 г. [3], Конституция СССР 1924 г. [4], Конституция РСФСР 1925 г. [5] не содержали положений, которые регулировали бы институт отцовства, а также институт материнства и детства, взаимоотношение полов в той или иной сфере.

Статьей 122 Конституции СССР 1936 г. [6] устанавливалась государственная охрана материнства и детства, государственная помощь одиноким и многодетным матерям, чего в предыдущих конституциях не было. Закрепление данной Конституцией только гарантии охраны интересов материнства было вызвано отнесением в советском государстве женщин не только к труженицам, но и к матерям. Об институте отцовства в Конституции СССР 1936 г. не упоминалось. Статьей 126 Конституции 1937 г. [7], ст. 35 Конституции СССР 1977 г. [8] закреплялось аналогичное положение.

Впервые на конституционном уровне термин «отцовство» был упомянут в Конституции РСФСР 1978 г. [9]. Согласно п. «е» ст. 81.1, координация вопросов здравоохранения, защиты семьи, материнства, отцовства и детства; социальная защита, включая социальное обеспечение, относилась к совместному ведению федеральных органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти республик в составе РФ. Пункт «и» ст. 84.1 закреплял, что координация вопросов здравоохранения, защиты семьи, материнства, отцовства и детства, социальная защита, включая социальное обеспечение, относятся к совместному ведению органов государственной власти автономной об-

ласти, автономных округов в составе Российской Федерации. Пункт «и» ст. 84.11 закреплял, что координация вопросов здравоохранения, защиты семьи, материнства, отцовства и детства, социальная защита, включая социальное обеспечение, относятся к совместному ведению органов государственной власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга. Следовательно, защита института отцовства обеспечивалась на всех уровнях государственной власти.

Статьей 59 Конституции РСФСР 1978 г. устанавливалась обязанность государства обеспечивать защиту материнства и младенчества, прав детей и других категорий лиц. Важно отметить, что в данный перечень не включалась обязанность обеспечения защиты института отцовства, хотя отцам так же, как и матерям, необходима гарантированная защита со стороны государства.

Важно отметить, что принятая в 1991 г. Декларация прав человека и гражданина закрепляла равенство мужчин и женщин, однако аналогично с конституциями советского периода отражала идею неравного статуса отца и матери, обеспечивая государственную защиту только институтам материнства и детства.

Таким образом, несмотря на то что Основные законы советского периода и Декларация прав человека и гражданина закрепляли принцип гендерного равенства, они не содержали гарантии защиты института отцовства (за исключением Конституции РСФСР 1978 г.).

Конституция РФ демонстрирует новый подход к семье, выделяя и материнство, и отцовство. В частности, ч. 2 ст. 7 действующей Конституции РФ устанавливает: «В Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства». Вопросы отцовства наравне с вопросами материнства и детства отнесены к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (п. «ж» ст. 72). Однако в современных конституционных нормах присутствует как гендерная симметрия (ст. 7), так и гендерная асимметрия (ст. 38). В ч. 1 ст. 38 Конституции РФ указывается, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства. На наш взгляд, существование специальной статьи, устанавливающей гарантию защиты государством институтов материнства, детства, семьи, подтверждает преимущественную политику государства, направленную на защиту материнства и детства, что дискриминирует мужчин в сфере семейных правоотношений.

С появлением возможности пересмотра второй главы Конституции РФ целесообразно будет изложить ч. 1 ст. 38 Конституции РФ в следую-

щей редакции: «Материнство, отцовство и детство, семья находятся под защитой государства».

Следует отметить, что законодателем были осуществлены попытки закрепления статуса отцовства, а именно 12 марта 1999 г. в Государственную Думу РФ депутатом В. В. Жириновским был внесен проект Федерального закона «Об отцовстве» [10], однако он был отклонен на основании официального отзыва Правительства РФ [11], Заключение Комитета по делам женщин, семьи и молодежи [12], Заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы РФ [13], тогда как целью закона было фактическое урегулирование отношений между мужчиной и женщиной в сфере семейных отношений. В заключениях и отзыве установлены несоответствия некоторых положений проекта закона «Об отцовстве» действующему законодательству, что приводит к ущемлению и нарушению прав мужчин. Например, Комитет по делам женщин, семьи и молодежи указал, что ст. 7 проекта Федерального закона «Об отцовстве» лишает права на законное отцовство мужчину, являющегося кровным родителем по материнской линии, т. е. дядей, двоюродным дядей, дедушкой, прадедушкой. Следует согласиться с комментариями Комитета по делам женщин, семьи и молодежи о наличии случаев рождения детей у лиц, состоящих в кровном родстве, что также должно попасть в сферу правового регулирования. «Лишение права на законное отцовство мужчину освобождает законных отцов от содержания своих детей, нарушает интересы не только отцов, матерей и иных лиц, но и самих детей, лишая их права быть усыновленными родственниками по материнской линии в случае смерти матери либо ее недееспособности» [14]. На наш взгляд, сама цель, исходя из которой был разработан законопроект «Об отцовстве», не соответствует его названию и, возможно, приведет к нарушению прав женщин, в связи с отсутствием аналогичного закона «О материнстве». С целью решения проблемы защиты мужчин от дискриминации и обеспечения гендерного равенства считаем необходимым принять федеральный закон «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации». В данном законе могут быть определены меры по обеспечению равных возможностей среди мужчин и женщин, правовой статус каждого из них.

Процесс развития современной российской государственности, появление все новых проблем, связанных с обеспечением субъективных прав, требуют совершенствования старых и

создания новых правовых способов обеспечения прав человека. Не является исключением в данной связи и институт отцовства ввиду очевидного комплекса нерешенных вопросов в этой сфере [15, с. 47].

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., 6,2 млн семей в стране являются неполными, из них 5,6 млн матерей-одиночек и 648 тыс. отцов-одиночек [16]. За последние 20 лет количество отцов-одиночек увеличилось с 6 до 10% от количества неполных семей. В связи с этим можно констатировать, что проблема реализации мужчинами своих прав в сфере семейных правоотношений является актуальной в настоящее время [17, с. 128]. Важно отметить, что на федеральном уровне Минздравсоцразвития не ведет ежегодного учета этой категории семей. В связи с этим данные, представленные Всероссийской переписью населения, являются единственным официальным источником.

Несмотря на то что в Семейном кодексе РФ отсутствует конкретизация статуса отца-одиночки, есть практика закрепления понятия «отцовство» на региональном уровне. Например, в ст. 1 Закона «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Брянской области» [18] закреплено понятие отцовства. Исходя из положения указанной статьи, отцом является мужчина, который внесен в запись актов гражданского состояния в качестве отца ребенка, на основании заявления обоих родителей ребенка. В случае смерти матери, признания ее недееспособной, невозможности установления места нахождения матери или в случае лишения ее родительских прав установление отцовства осуществляется по заявлению отца ребенка с согласия органа опеки и попечительства, при отсутствии такого согласия – по решению суда.

Согласно ст. 1 Закона Воронежской области «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства» [19], отцовство есть происхождение ребенка от отца. Важно отметить, что в Законе есть отдельная глава, посвященная вопросам материнства и отцовства, в рамках которой рассматриваются вопросы обеспечения охраны прав одинокой матери (отца), а именно: ст. 24 закрепляется право отца, воспитывающего ребенка без матери, на получение семейного пособия, пособия по уходу за ребенком в возрасте до полутора лет в случае работы на условиях неполного рабочего дня или на дому, оплату больничного листа по уходу за ребенком на более продолжительный срок, другие льготы, предусмотренные действующим законодательством Российской Федерации для одиноких лиц с детьми. Право на получение семейного пособия имеет также

разведенная мать (отец) при невозможности получения алиментов на детей и вдова (вдовец), не получающая пенсии по случаю потери кормильца. В ст. 21 указанного Закона закрепляется равенство прав и обязанностей матери и отца на решение всех вопросов семейной жизни, воспитание и содержание детей, они выполняют равные обязанности по отношению к семье, а также несут равную ответственность.

В Саратовской области такой закон отсутствует. Саратовстат, пользуясь полученными во время Всероссийской переписи населения 2010 г. данными, установил, что в Саратовской области проживают более 9 тыс. отцов-одиночек [20]. На наш взгляд, Саратовскому региону следует перенять положительный опыт Брянской области с целью создания равных условий для гендерного равенства в сфере семейных правоотношений, определив в едином законе правовой статус отцовства и материнства, социальные гарантии, предоставляемые на областном уровне, направленные на улучшение жизнедеятельности семьи, установив меры социальной поддержки семей, имеющих детей, за счет средств областного бюджета, в том числе права отцов и матерей, являющихся единственными родителями.

Частью 3 ст. 1 Семейного кодекса РФ [21] закрепляется принцип равенства прав супругов в семье. Следовательно, мужчины и женщины имеют одинаковые права, возможности, несут равные обязанности при реализации своих прав в сфере семейных отношений.

Согласно ч. 2 ст. 38 Конституции РФ забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей. Вместе с тем анализ семейного законодательства и правоприменительной практики показывает, что реализация принципа равенства мужчин и женщин в сфере семейных правоотношений осуществляется не всегда, что влечет возникновение гендерной дискриминации мужчин.

Важно отметить, что в силу наличия гендерных стереотипов, в частности, что «мужчина олицетворяет собой сильный пол», одинокие отцы не обращаются за помощью в органы государственной власти, а полагаются только на себя, стараются самостоятельно защитить свои права при их нарушении.

В настоящее время стало актуальным формирование объединений в защиту прав отцов. Первой официальной правозащитной организацией стала Российская правозащитная ассоциация «Отцы и дети» [22], созданная в 1990 г., главная задача которой – защита детей и их отцов, направленная на оказание моральной, психологической, консультационной и иной помощи

неполным семьям, в которых детей воспитывает один отец [23]. На региональном уровне также отмечается формирование движений в поддержку отцов в Российской Федерации. Так, в июне 2010 г. на конференции в г. Белгороде был создан Межрегиональный отцовский комитет [24] как объединение родителей, чьи дети лишены возможности общаться со вторым родителем.

Отмечается положительная тенденция постепенного преодоления гендерных стереотипов относительно дискриминации мужчин при рассмотрении дел об определении места жительства ребенка. Наблюдается увеличение положительных решений суда, в которых удовлетворяются требования отцов. В настоящее время в 10–12% случаев суд определяет постоянным местом жительства несовершеннолетнего ребенка место жительства отца [25]. Согласно действующему семейному законодательству при разрешении спора суд должен исходить из равенства прав и обязанностей обоих родителей, отдавая предпочтение тому из них, кто может создать наиболее благоприятные условия для воспитания ребенка, что обеспечивает охрану интересов ребенка. Исходя из обзора судебной практики, отмечается положительная тенденция определения места жительства несовершеннолетнего ребенка местом жительства отца [26, с. 57].

Тем не менее, в России по-прежнему присутствует проблема недостаточности создаваемых условий для воспитания несовершеннолетнего ребенка отцом, аналогичных созданным для матери ребенка. Необходимо отметить, что необоснованное асимметричное положение мужчин и женщин в сфере семейных правоотношений приводит к возникновению дискриминации отцов по признаку пола при осуществлении ими родительских прав, что напрямую затрагивает права и интересы в том числе детей.

В частности, права мужчин (одиноких отцов) подвергаются гендерной дискриминации при реализации права на получение материнского капитала, алиментов.

В соответствии с ч. 1 ст. 61 Семейного кодекса РФ [21], родители между собой юридически равны, т. е. не имеют преимущества друг перед другом независимо от возраста, пола, религиозной принадлежности, места жительства и т. д. В то же время ст. 89 и 90 Кодекса устанавливается обязанность мужа (бывшего мужа) предоставлять жене (бывшей жене) алименты в течение трех лет со дня рождения их общего ребенка. Однако муж (бывший муж), воспитывающий ребенка, не достигшего возраста трех лет и не относящегося к категории «ребенок-инвалид», подобной гарантией необоснованно не наделяен

[27, с. 13]. Такое законодательное регулирование нарушает права отцов, а точнее, их право на воспитание своих детей, и противоречит конституционному принципу равноправия. В указанном случае у трудоспособного мужа (бывшего мужа) должно быть право на алименты в отношении ребенка, не являющегося инвалидом, от жены (бывшей жены).

Предлагаем абзац четвертый ч. 2 ст. 89 Семейного кодекса РФ изложить в следующей редакции: «В случае отказа от материальной поддержки и отсутствия соглашения между супругами об уплате алиментов право требовать предоставления алиментов в судебном порядке от другого супруга, обладающего необходимыми для этого средствами, имеют: нуждающийся супруг, *осуществляющий уход за общим ребенком, ребенком-инвалидом до достижения ребенком возраста восемнадцати лет или за общим ребенком-инвалидом с детства I группы*».

Абзац третий ч. 1 ст. 90 Семейного кодекса РФ изложить в следующей редакции: «Право требовать предоставления алиментов в судебном порядке от бывшего супруга, обладающего необходимыми для этого средствами, имеют: нуждающийся бывший супруг, *осуществляющий уход за общим ребенком, ребенком-инвалидом до достижения ребенком возраста восемнадцати лет или за общим ребенком-инвалидом с детства I группы*» [28, с. 186–187].

Дискриминация прав отцов наблюдается при применении законодательства о так называемом материнском капитале. Согласно ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», право на дополнительные меры государственной поддержки возникает при рождении (усыновлении) ребенка (детей) [29, с. 328], имеющего гражданство Российской Федерации, у следующих граждан России независимо от места их жительства: женщин, родивших (усыновивших) второго ребенка, начиная с 01.01.2007 года; женщин, родивших (усыновивших) третьего ребенка или последующих детей, начиная с 01.01.2007 года, если ранее они не воспользовались правом на дополнительные меры государственной поддержки; мужчин, являющихся единственными усыновителями второго, третьего ребенка или последующих детей, ранее не воспользовавшихся правом на дополнительные меры государственной поддержки, если решение суда об усыновлении вступило в законную силу, начиная с 01.01.2007 года [30]. Таким образом, согласно вышеуказанной норме мужчинам предоставляется право на получение мер государственной поддержки при наличии установленных законом условий.

Однако возникают трудности в фактической реализации установленного права, а именно, получения материнского капитала отцом ребенка или усыновителем. С такой проблемой столкнулся отец троих детей Эдуард Якименко из города Благовещенска Амурской области. Обратившись в Пенсионный фонд с заявлением на получение материнского капитала в связи со смертью супруги, он получил отказ в связи с тем, что право не возникло у мамы изначально, оно не может перейти ни к отцу, ни к детям. На основании именно этих норм закона управлением было вынесено решение об отказе в выдаче сертификата.

С таким решением, однако, не согласилась Благовещенская межрайонная прокуратура Республики Башкортостан. В ходе проверки выяснилось, что отказали многодетному отцу незаконно. Указав, что Конституцией РФ, Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, гарантируются права и свободы граждан, а также равное право мужчины и женщины на реализацию своих прав, Эдуард обратился в суд и выиграл дело. Управление пенсионного фонда намерено опротестовать решение областного суда в суде Верховном [31]. Информация об обращении Управления пенсионного фонда с протестом на решение областного суда в Верховный Суд отсутствует. Однако данный пример подтверждает сложность в реализации своего права мужчинами.

Верховный Суд в обзоре судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский капитал, отметил юридическое значение наличия гражданства Российской Федерации женщины и детей. Право отца ребенка на дополнительные меры государственной поддержки является производным от права женщины на материнский капитал. То есть право на материнский капитал возникает у мужчины, если данное право ранее возникло у женщины или у мужчины, на попечении которого находятся двое или более детей, являющихся гражданами Российской Федерации [32]. В связи с этим можно сделать вывод, что в случае обращения Управления пенсионного фонда с протестом на решение областного суда в Верховный Суд решение областного суда останется без изменения, а обращение без удовлетворения, так как дети Эдуарда и он сам были гражданами Российской Федерации.

Право на материнский капитал в 2009–2010 гг. пытался получить в Башкирии отец-одиночка, который воспитывает двоих детей. Пенсионный фонд отказал ему в выдаче материнского капи-

тала в связи с тем, что дети от разных матерей, пояснив, что, если бы вторая жена истца усыновила первого ребенка, ее право получения материнского капитала перешло бы к мужу. Однако, несмотря на отказ Пенсионного фонда России, в защиту его прав выступила городская прокуратура. После нескольких судебных заседаний суд встал на сторону мужчины (отца), удовлетворив его требование в выдаче материнского капитала [33].

Приведенная выше практика показывает, что фактически только путем обращения в суд или в органы прокуратуры отец-одиночка может добиться получения материнского (семейного) капитала, так как при обращении в установленном законом порядке с заявлением на предоставление материнского капитала в соответствующее отделение Пенсионного фонда данным категориям лиц отказывают.

На наш взгляд, в силу того, что мужчина (отец) и женщина (мать) имеют на законодательном уровне равное право на получение материнского (семейного) капитала, было бы целесообразно переименовать его в «семейный капитал», так как данная мера государственной поддержки предоставляется, прежде всего, для ребенка с целью создания благоприятных условий его воспитания и развития.

Заключение

Таким образом, на основе вышесказанного можно сделать вывод, что проблемы семьи, материнства и отцовства являются одними из наиболее актуальных и социально важных для современного российского общества.

Принцип равенства, в соответствии с которым все члены общества должны быть поставлены в одинаковые условия, всегда был и остается одним из важнейших идеалов справедливого общественного устройства.

В настоящее время российское законодательство не обеспечивает в полной мере условий для воспитания малолетнего ребенка отцом, аналогичных созданным для матери ребенка, что приводит к гендерной асимметрии статуса матери и отца в обществе. Важно отметить, что дискриминация отцов по признаку пола при осуществлении ими родительских прав напрямую затрагивает права и интересы как детей, так и родителей. Следовательно, при формировании мер демографической и семейной политики должны учитываться интересы обоих полов, с целью реализации положений ч. 3 ст. 19 Конституции РФ, гарантирующей равенство прав и свобод мужчин и женщин в различных сферах жизнедеятельности общества.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. Новоселов В. М. Проблемы института отцовства в России. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/2013/7/sociologiya/novoselov.pdf (дата обращения: 10.12.2017).
3. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10.07.1918) (прекратила действие) // СУ РСФСР. 1918. № 51, ст. 582.
4. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. II Съездом Советов Союза ССР от 31.01.1924) (с изм. и доп.) (прекратила действие) // Вестн. ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. № 2, ст. 24.
5. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утв. постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11.05.1925) (с изм. и доп.) (прекратила действие) // СУ РСФСР. 1925. № 30, ст. 218.
6. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Изв. ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.
7. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937) // СУ РСФСР. 1937. № 2, ст. 11.
8. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии ВС СССР девятого созыва 07.10.1977) (с изм. и доп.) (прекратила действие) // Свод законов СССР. 1990. Т. 3. Ст. 14.
9. Конституция (Основной закон) РСФСР от 12.04.1978 (с изм. и доп.) (прекратила действие) // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 1. Ст. 13.
10. О проекте Федерального закона «Об отцовстве»: постановление ГД ФС РФ от 25.10.2000 № 771-III ГД // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 45, ст. 4423.
11. Официальный отзыв Правительства РФ от 31.05.1999 № 2502п-П12 «На проект Федерального закона “Об отцовстве”». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Заключение Комитета по делам женщин, семьи и молодежи от 22.09.1999 «На проект Федерального закона “Об отцовстве”». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Заключение ПУ Аппарата ГД ФС РФ от 19.05.1999 № 2.2-15/4800 «На проект Федерального закона “Об отцовстве”». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “Об отцовстве”». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Мархгейм М. В., Деревянко П. А. Институт отцовства в России: проблемы конституционно-правовой теории и практики. Ростов н/Д: РостИздат, 2012. 150 с.
16. Всероссийская перепись населения 2010 // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.12.2017).
17. Кириллова О. С., Петрова Л. Е. Социальные практики одиноких отцов: анализ на основе качественных интервью // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Социология. Психология. 2014. Вып. 3 (19). С. 128–136.
18. Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Брянской области: закон Брянской области от 20.02.2008 № 12-3 (ред. от 07.10.2008) // Официальная Брянщина: информ. бюллетень. 2008. № 3.
19. Об охране семьи, материнства, отцовства и детства: закон Воронежской области от 02.08.2000 № 176-II-ОЗ (ред. от 02.03.2016) // Коммуна. 2000. № 138.
20. На 89 тысяч одиноких матерей приходится 9 тысяч отцов-одиночек // МК Саратов: [сайт]. URL: <http://saratov.mk.ru/articles/2014/05/14/na-89-tyisyach-odinokih-materey-prihoditsya-9-tyisyach-otsovovodinochek.html> (дата обращения: 15.12.2017).
21. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 16; 2018, № 1 (ч. 1), ст. 22.
22. Российская правозащитная ассоциация «Отцы и дети»: [сайт]. URL: <http://otcydeti.ru/> (дата обращения: 03.01.2018).
23. Алексеева М. Отечественная война. В России неуклонно растет число отцов-одиночек // Мир новостей: [сайт]. URL: <http://www.mirnov.ru/arhiv/mn724/mn/08-1.html> (дата обращения: 03.01.2018).
24. Межрегиональный отцовский комитет: [сайт]. URL: <http://www.otkom.ru> (дата обращения: 03.01.2018).
25. С кем останется ребенок после развода // Правовой центр «ЮСТ»: [сайт]. URL: http://gorelikoff.ru/deti_posle_razvoda.htm (дата обращения: 20.12.2017).
26. Шелютто М. Л. Реализация конституционных принципов семейного права в российском законодательстве // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 56–64.
27. Макеева О. А. Актуальные направления реформирования алиментного законодательства России // Семейное и жилищное право. 2012. № 2. С. 11–14.
28. Борисов А. Б. Комментарий к Семейному кодексу РФ (постатейный). С практическими разъяснениями официальных органов и постатейными материалами. М.: Книжный мир, 2010. 416 с.
29. Гусева Т. С. Конституционные основы социального обеспечения семей с детьми // Конституция Российской Федерации – правовая основа развития современной российской государственности: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию Конституции Российской Федерации (в рамках VI Саратовских правовых чтений, Саратов, 19–20 сентября 2013 г.) / под общ. ред. С. А. Белоусова. Саратов: Изд-во СГЮА, 2014. С. 327–328.

30. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : федер. закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1 (ч. 1), ст. 19 ; 2017. № 1 (ч. 1), ст. 11.
31. После гибели жены житель Благовещенска отстоял в суде право на государственную помощь детям // Новости Первого канала : [сайт]. URL: https://www.1tv.ru/news/2009-11-12/154778-posle_gibeli_zheny_zhitel_blagoveschenska_otstoyal_v_sude_
- pravo_na_gosudarstvennuyu_pomosch_detyam (дата обращения: 10.12.2017).
32. Обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал (утв. Президиумом ВС РФ 22.06.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
33. *Имангулов И.* Отца-одиночку из Башкирии лишили материнского капитала // Рос. газ. : [сайт]. URL: <http://www.rg.ru/2010/11/15/reg-bashkortostan/kapital-anons.html> (дата обращения: 10.12.2017).

Образец для цитирования:

Торосян Р. А. Равенство полов в сфере семейных правоотношений // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 349–356. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-349-356

Equality of Floors in the Sphere of Family Relationships

R. A. Torosyan

Rima A. Torosyan, ORCID 0000-0001-8870-7809, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, rima_t@mail.ru

Introduction. The article is devoted to the complex analysis of the constitutional legal regulation of the equality of rights and duties of men and women in the sphere of family legal relations. **Discussion.** The author analyzed the constitutions of the Soviet period with the aim of establishing the existence of a guarantee for the protection of the rights and interests of fathers (men) subject to gender discrimination. The author notes that certain advantages provided by the state, aimed at equalizing the legal status of men and women, apply only to women. It does not take into account the interests and rights of men who, as a result of providing women with appropriate benefits, may be violated, which can lead to discrimination against men on the basis of gender. **Conclusion.** As a result of the analysis of the constitutions of the Soviet period, the author comes to the conclusion that despite the fact that the Basic Laws of the Soviet period enshrined the principle of gender equality, they did not contain a guarantee of protection of the institution of paternity (with the exception of the 1978 RSFSR Constitution). The Constitution of the Russian Federation demonstrates a new approach to the family, highlighting both motherhood and paternity. The author notes that at present men are not provided with an actual guarantee for the state protection of the interests of paternity. Paternity is not included in the sphere of state policy, which leads to gender asymmetry in the status of mother and father in society. This is confirmed by the absence of an appropriate law aimed at regulating the relations of motherhood, paternity and childhood; not by establishing a guarantee of protection of the institution of paternity at the constitutional level.

Key words: equality of parents, men and women, paternity, discrimination.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended on 30.12.2008 No. 6-FKZ, on 30.12.2008 No. 7-FKZ, on 05.02.2014 No. 2-FKZ, on 21.07.2014 No. 11-FKZ). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398 (in Russian).
2. Novoselov V. M. *Problemy instituta otsovstva v Rossii* (Problems of institute of paternity in Russia). Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/7/sociologiya/novoselov.pdf (accessed 10 December 2017) (in Russian).
3. The Constitution (Basic law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (it is accepted by the V All-Russian Congress of Councils in a meeting from 7/10/1918) (has terminated). *SU RSFSR*, 1918, no. 51, art. 582 (in Russian).
4. The Constitution (Basic law) of the Union of Soviet Socialist Republics (it is approved by the II Congress of Councils of USSR of 31.01.1924) (with amendment and additional) (has terminated). *Vestnik TsIK, SNK i STO SSSR* [Bulletin of the CEC, CHK and CTO USSR], 1924, no. 2, art. 24 (in Russian).
5. The Constitution (Basic law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (it is approved by the resolution XII of the All-Russian Congress of Councils of 11.05.1925) (with amendment and additional) (has terminated). *SU RSFSR*, 1925, no. 30, art. 218 (in Russian).
6. The Constitution (Basic law) of the Union of Soviet Socialist Republics (it is approved by the resolution of the Extraordinary VIII Congress of Councils of the Union of Soviet Socialist Republics of 05.12.1936). *Izvestiya TsIK SSSR i VTsIK* [News of the Central Election Commission of the USSR and VTsIK], 1936, no. 283 (in Russian).
7. The Constitution (Basic law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (it is approved by the resolution of the Extraordinary XVII All-Russian Congress of Councils of 21.01.1937). *SU RSFSR*, 1937, no. 2, art. 11 (in Russian).
8. The Constitution (Basic law) of the Union of Soviet Socialist Republics (it is adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Council of the USSR of the ninth convocation 07.10.1977) (with amendment and additional) (has terminated). *Svod zakonov SSSR* [The Code of laws of the USSR], 1990, vol. 3, art. 14 (in Russian).
9. The Constitution (Basic law) of RSFSR of 12.04.1978 (with amendment and additional) (has terminated). *Svod zakonov RSFSR* [The Code of laws of RSFSR], 1988, vol. 1, art. 13 (in Russian).
10. About the draft Federal law “About Paternity”. Resolution of the State Duma of Federal Assembly of the Russian Federation of 25.10.2000 No. 771-III of the State Duma. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2000, no. 45, art. 4423 (in Russian).
11. An official response of the Government of the Russian Federation of 31. 05.1999 No. 2502p-P12 «On the draft

- Federal law "About Paternity"». *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
12. The conclusion of Committee on affairs of women, family and youth of 22.09.1999 «On the draft Federal law "About Paternity"». *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 13. The conclusion of PU of the Staff of the State Duma of Federal Assembly of the Russian Federation of 19.05.1999 No. 2.2-15/4800 «On the draft Federal law "About Paternity"». *ATP «Consultant»* [electronic resource].
 14. The explanatory note «To the draft Federal law "About Paternity"». *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 15. Markhgeym M. V., Derevyanko P. A. *Institut otsovstva v Rossii: problemy konstitutsionno-pravovoy teorii i praktiki* [Institute of Paternity in Russia: problems of constitutional and legal theory and practice]. Rostov on Don: RostIzdat, 2012. 150 p. (in Russian).
 16. All-Russian population census 2010. *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoy statistiki* (Federal State Statistics Service. Site). Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 15 December 2017) (in Russian).
 17. Kirillova O. S., Petrova L. E. Social practices of single fathers: analysis on based of qualitative interviews. *Vestnik Permsko universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Psikhologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Sociology. Psychology], 2014, iss. 3 (19), pp. 128–136 (in Russian).
 18. About protection of family, motherhood, paternity and the childhood in the Bryansk region. The law of the Bryansk region of 20.02.2008 No. 12-Z (an edition of 07.10.2008). *Ofitsial'naia Brianshina: informatsionnyi biulleten'* [Official Briansk Region: newsletter], 2008, no. 3 (in Russian).
 19. About protection of family, motherhood, paternity and the childhood. Law of the Voronezh region of 02.08.2000 No. 176-II-OZ (an edition of 02.03.2016). *Kommuna* [Commune], 2000, no. 138 (in Russian).
 20. Na 89 tysiach odinokikh materey prikhoditsya 9 tysiach otsov-odinochek (The 89 thousand single mothers have 9 thousand single fathers). *MK Saratov*. Site. Available at: <http://saratov.mk.ru/articles/2014/05/14/na-89-tyisyach-odinokih-materey-prihoditsya-9-tyisyach-otsovodinochek.html> (accessed 15 December 2017) (in Russian).
 21. The Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-ФЗ (an edition of 29.12.2017). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1996, no. 1, art. 16; 2018, no. 1 (pt. 1), art. 22 (in Russian).
 22. *Rossiyskaia pravozashchitnaia assotsiatsiya "Ottsy I deti"* (The Russian Human Rights Association "Fathers and Children"). Site. Available at: <http://otcydeti.ru/> (accessed 3 January 2018) (in Russian).
 23. Alekseeva M. Fatherly war. In Russia, a growing number of single fathers. *Mir novostey* (World of news. Site). Available at: <http://www.mirnov.ru/arhiv/mn724/mn/08-1.html> (accessed 3 January 2018) (in Russian).
 24. *Mezhregional'nyi otsovskiy komitet* (Interregional fatherly committee. Site). Available at: <http://www.otkom.ru> (accessed 3 January 2018) (in Russian).
 25. With whom will the child remain after the divorce. *Pravovoy tsentr «YuST»* (The Legal Center "YuST". Site). Available at: http://gorelikoff.ru/deti_posle_razvoda.htm (accessed 20 December 2017) (in Russian).
 26. Shelyutto M. L. Realization of the constitutional principles of family law in the Russian legislation. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2013, no. 12, pp. 56–64 (in Russian).
 27. Makeeva O. A. Relevant directions of reforming of the alimentary legislation of Russia. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo* [Family and housing law], 2012, no. 2, pp. 11–14 (in Russian).
 28. Borisov A. B. *Kommentariy k Semeinomu kodeksu RF (postateinyi). S prakticheskimi raz'yasneniyami ofitsial'nykh organov i postateinyimi materialami* [The comment to the Family code of the Russian Federation (itemized). With practical explanations of official bodies and itemized materials]. Moscow: Knizhnyi mir Publ., 2010. 416 p. (in Russian).
 29. Guseva T. S. Constitutional bases of social security of families with children. In: *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii – pravovaia osnova razvitiya sovremennoi rossiyskoi gosudarstvennosti* [The Constitution of the Russian Federation – a legal basis of development of modern Russian statehood: collected of articles on a mater. Int. scientific and practical conf. (within the VI Saratov legal readings, Saratov, on September 19–20, 2013). By total ed. S. A. Belousov]. Saratov: Saratov State Legal Academy Publ., 2014, pp. 327–328 (in Russian).
 30. About additional measures of the state support of the families having children. Federal law of 29.12.2006 No. 256-FZ (an edition of 28.12.2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2007, no. 1 (pt. 1), art. 19; 2017, no. 1 (pt. 1), art. 11 (in Russian).
 31. After death of the wife, the resident of Blagoveshchensk has asserted in court the right for the state help to children. *Novosti Pervogo kanala* (News of the First channel. Site). Available at: http://www.ltv.ru/news/2009/11/12/154778posle_gibeli_zheny_zhitel_blagoveschenska_otstoyal_v_sude_pravo_na_gosudarstvennyu_pomosch_detyam (accessed 10 December 2017) (in Russian).
 32. The review of jurisprudence on the affairs connected with realization of the right for the maternity (family) capital (Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 22.06.2016). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 33. Imangulov I. The single father from Bashkiria have deprived of maternity capital. *Rossiyskaya gazeta* (The Russian newspaper. Site). Available at: <http://www.rg.ru/2010/11/15/reg-bashkortostan/kapital-anons.html> (accessed 10 December 2017) (in Russian).

Cite this article as:

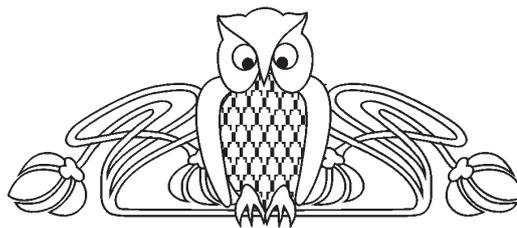
Torosyan R. A. Equality of Floors in the Sphere of Family Relationships. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 349–356 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-349-356

УДК 342

КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ: ПРЕДМЕТНЫЙ, НОРМАТИВНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ

Д. А. Карев

Карев Дмитрий Александрович, аспирант кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kdmity07@mail.ru

Введение. В статье рассматриваются различные подходы к классификации принципов права с позиций конституционно-правового регулирования. **Теоретический анализ.** На основе анализа различных точек зрения автор приходит к выводу, что возможно применение предметного, нормативного и функционального критериев к классификации правовых принципов. Первый лежит в основе традиционной классификации принципов права в зависимости от сферы их действия или распространения. Второй представляет собой попытку разграничить правовые принципы в зависимости от источника их нормативного закрепления. Автор рассматривает вопрос о юридической силе правовых принципов. Принципы права, в отличие от норм – правил поведения, не предполагают бинарного способа разрешения конкуренции между ними в пользу одного из них. Возможные коллизии правовых принципов разрешаются на основе поиска баланса различных императивов.

Результаты. На основе изложенного в статье предлагается разграничение принципов права по функциональному признаку на системные и инструментальные. Первые являются эмерджентными характеристиками правовых институтов, отраслей права и системы права в целом (в зависимости от их уровня) и оказывают воздействие преимущественно на систему соответствующих правовых норм (принцип-начало). Вторые функционируют в правовой системе как непосредственные критерии правоприменительной деятельности и выступают детерминантами такой деятельности (принципы-правила поведения).

Ключевые слова: принцип права, классификация правовых принципов, системные принципы, эмерджентная характеристика, инструментальные принципы.

DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-357-361

Введение

Господствующее на сегодняшний день разграничение принципов права на общеправовые, отраслевые и институциональные основано не на сфере общественных отношений, на которую они распространяются, а скорее, на отраслевом и внутриотраслевом подразделении правовой системы на отдельные элементы, системными характеристиками которых данные принципы являются. Впрочем, учитывая, что отрасли, подотрасли и институты права выделяются преиму-

щественно по предмету правового регулирования (метод является вспомогательным критерием), такая классификация, безусловно, учитывает и сферу однородных общественных отношений, охватываемую данными элементами системы права.

Эту классификацию следует отличать от разграничения принципов по источнику их формально-юридического закрепления. Например, на конституционном уровне закрепляются не только общеправовые, но и отраслевые, и межотраслевые, и даже институциональные принципы. В этой связи терминологически более приемлемым было бы подразделение принципов права по источнику их позитивного закрепления на конституционные и отраслевые, поскольку межотраслевые и институциональные принципы закрепляются либо на уровне конкретной отрасли (отраслей) права, либо на конституционном уровне. По сфере их действия можно говорить об общеправовых принципах, принципах отрасли права или принципах правового института. Поскольку данные представления могут закрепляться не на отраслевом или институциональном уровне, а, например, как принцип равного доступа к государственной службе – на конституционном, то наименование «отраслевой принцип» или «институциональный принцип» не вполне корректно.

Теоретический анализ

В связи с выделением конституционных принципов права и прочих, т.е. не закрепленных в Конституции Российской Федерации, нередко возникает вопрос об их юридической силе. Так, Н. В. Витрук отмечает: «По форме юридического закрепления в числе легальных принципов юридической ответственности различают конституционные и ординарные (отраслевые) принципы, т.е. те, которые закреплены в Конституции РФ либо в текущем (отраслевом) законодательстве. От формы юридического закрепления принципов юридической ответственности зависит их юридическая сила» [1, с. 184].

Вопрос о юридической силе правовых принципов может быть поставлен в двух аспектах:

во-первых, по отношению юридической силы принципа права к иным правовым нормам и, во-вторых, по соотношению самих правовых принципов между собой, исходя из данного критерия.

Что касается первого аспекта, то в юридической литературе справедливо отмечается существующая многополярность подходов к решению данной проблемы: «...от признания надконституционной юридической силы за неписаными конституционными принципами до полного отрицания юридической силы даже у писаных конституционных принципов» [2, с. 17]. Нужно сказать, что, хотя достаточно часто речь ведется о юридической силе той или иной нормы права, все же понятие «юридическая сила», строго говоря, относится не к нормам, а к нормативным актам. Нормы же, которые содержатся в данных правовых актах, «наследуют» их юридическую силу. Поэтому все нормы, содержащиеся в одном и том же нормативно-правовом акте, по определению имеют одинаковую юридическую силу. Как нам представляется, учитывая, что Конституция РФ обладает высшей юридической силой, никакой «надконституционной юридической силы» быть не может. Вместе с тем сложно отрицать, что правовые принципы оказывают определенное влияние, регулирующее воздействие на нормы-правила поведения, в том числе закрепленные в том же нормативно-правовом акте. Норма-принцип представляет собой правовую норму с относительно определенным содержанием, поскольку за ней всегда стоит «принцип-идея», которая предписывает определенную нормативную модель реализации данного принципа. Исходя из этого, нам представляется невозможным сопоставление по юридической силе норм-принципов и норм-правил поведения. Скорее они соотносятся как идеал/эталон и его практическое воплощение в правовой материи. В этом смысле мы можем сказать, что степень реализации того или иного принципа в нормах-правилах поведения может быть низкой или высокой, удовлетворительной или неудовлетворительной, полной или неполной и т.п.

Когда же говорят о соотношении различных принципов права, располагающихся на разных уровнях нормативной иерархии, то, как правило, исходят из юридической силы того нормативного акта, в котором данный принцип закреплен. Так, например, В. В. Ершов, анализируя правовые позиции Конституционного суда, приходит к выводу, что «принципы права, содержащиеся в Конституции РФ, имеют приоритет над иными принципами права, сформулированными в других нормативных правовых актах» [3, с. 11]. Однако, как нам представляется, будет достаточ-

но сложно представить практические следствия подобного «приоритета». Мы придерживаемся той точки зрения, согласно которой невозможно «заранее», т.е. вне конкретной ситуации применения или реализации правового принципа, определить его юридическую силу.

Отдельные принципы права, действительно, способны конкурировать между собой, однако подобные коллизии или столкновения принципов не могут решаться бинарно, т.е. путем выбора «правильного» или обладающего большей юридической силой принципа. «Когда принципы конфликтуют и таким образом взаимодействуют друг с другом, то каждый принцип, имеющий отношение к конкретной правовой проблеме, дает основание в пользу определенного решения, но не предписывает его» [4, с. 26]. Такой конфликт или, правильнее сказать, взаимодействие принципов разрешается на основе поиска их баланса или суперпозиции. Как отмечает А. В. Демин: «Юридическая сила правовых принципов является релятивной: она может быть больше или меньше в зависимости от конкретных обстоятельств правоприменения, что не умаляет исходной легитимности этих принципов» [5, с. 98].

Конкуренция принципов права является способом их существования и взаимодействия. Характерно, что некоторые ученые обращают внимание на то, что многие принципы «тяготеют к образованию пар противоположностей» [6, с. 45]. А. Ф. Черданцев выделяет так называемые парные принципы: централизма и децентрализма, выборности и назначаемости, коллегиальности и единоначалия, открытости и тайны информации, презумпции невиновности и презумпции вины и т.п. [7, с. 241]. Иногда само содержание правового принципа может предполагать поиск баланса различных векторов правового регулирования. Например, одним из принципов муниципальной службы является единство основных требований к муниципальной службе, а также учет исторических и иных местных традиций при прохождении муниципальной службы.

Таким образом, правовые принципы не являются статичными и обособленными началами правового регулирования: их существование и влияние на систему правового регулирования той или иной сферы общественных отношений в значительной степени обусловлено взаимовлиянием и взаимодействием. На основе различных суперпозиций принципов права могут образовываться новые правовые принципы. Например, по нашему мнению, принцип равного доступа к государственной службе возник на стыке двух правовых принципов: равенства и демократизма (участия в управлении делами государства).

Все, о чем мы говорили выше, касалось преимущественно той роли, которую правовые принципы выполняют по отношению к действующей системе права, поэтому рассмотренные классификации в основном касались места принципов права в рамках данной системы. Действительно, сущностной особенностью правовых принципов, в отличие от норм-правил поведения, является их «нормоучредительный» характер, способность выступать «основным началом» (принцип-начало) формирования отдельных правовых институтов, отраслей и системы права в целом. Однако системообразующая функция не исчерпывает возможностей воздействия принципов права на правовую систему. Так, например, В. Н. Карташов, помимо учредительной функции правовых принципов, выделяет регулятивную, охранительную, аксиологическую, коммуникативную, мировоззренческую и интегративную функции [8, с. 28].

Интересно, что условно все эти функции можно подразделить на две группы: первую составляют различные способы воздействия на систему права (учредительная, интегративная функции), во вторую входят те функции правовых принципов, которые оказывают влияние на правосознание (регулятивная, охранительная, аксиологическая, коммуникативная и мировоззренческая функции).

Семантическое значение слова «принцип», помимо «основного начала», «основополагающей идеи», включает в себя значение нормы или правила поведения. Другими словами, под принципом мы можем понимать как определенные закономерности существования и функционирования объекта, так и некую императивную установку деятельности субъекта. В первом случае принцип, являясь предметом познания, выполняет объяснительную, гносеологическую функцию, во втором – принцип права играет инструментальную или регулятивную роль, детерминируя поведение субъекта.

Характерно, что В. Н. Карташов проводит разграничение принципов права, в том числе по типу «обслуживаемой» юридической практики: правотворческой, правореализующей, интерпретационной, правосистематизирующей [8, с. 15]. С нашей точки зрения, интерпретационная и систематизирующая деятельность не являются самостоятельными «юридическими практиками», а лишь выполняют инструментальные функции в процессе правотворчества или правоприменения.

Однако выделение «системных» принципов, которые посредством детерминирования правотворческой деятельности оказывают влияние на

систему права, и «инструментальных», воздействующих на процессы применения правовых норм, представляется нам интересным. Как показывает анализ специальной литературы, в доктрине права существует определенная интуиция подобной классификации правовых принципов.

Так, например, И. А. Умнова (Конюхова) и И. А. Алешкова выделяют так называемые доктринальные и инструментальные принципы. Первые носят «содержательный характер», т.е. касаются непосредственно сути какого-либо правового явления, например, принцип справедливости, равноправия и т.п. «В отличие от доктринальных принципов инструментальные принципы не касаются содержания правового явления, а служат методом или способом познания и обработки информации. Такими принципами можно считать системность и вытекающую из нее всесторонность и интегративность (комплексность, комбинированность) судебного анализа; обоснованность и дополнительную аргументацию; эффективность и рационализм (рациональность); единство судебной практики» [9, с. 89]. Иными словами, если первые принципы отвечают на вопрос «что», то вторые – на вопрос «как».

Нечто подобное можно отметить и в процессуально-правовой доктрине, где принято выделять организационные и функциональные принципы. Первые касаются вопросов организации судебной власти и судебного процесса (отправление правосудия только судом, несменяемость и независимость судей и т.п.). Функциональные принципы непосредственно «применяются» судом при рассмотрении конкретных дел: состязательность, диспозитивность, гласность и др.

В. Б. Вершинин в зависимости от функциональной характеристики принципа выделяет материально-правовые принципы, устанавливающие основы организационно-правового положения суда и службы судебных приставов, и процессуально-правовые принципы, определяющие правила и процедуры судебной защиты [10, с. 21–22].

В юридической литературе, посвященной непосредственно проблемам служебного права, А. С. Шиенкова, помимо организационных принципов государственной службы, предложила выделять так называемые «деонтологические» принципы (деонтология – от др.-греч. δέον «должное» – учение о проблемах морали и нравственности, раздел этики). По ее мнению, данные принципы составляют основополагающие идеи, обуславливающие нравственные качества лица, находящегося на правоохранительной службе в органах внутренних дел: политическая нейтральность; соблюдение чести и достоинства

личности; сочетание гласности и служебной конфиденциальности [11, с. 8]. Впрочем, назвать такие принципы «деонтологическими» можно только условно, поскольку подобные требования к служебному поведению вовсе не носят характера нравственного императива, а закрепляются нормативно-правовыми актами и за их нарушение предусматриваются меры юридической ответственности.

Ф. Б. Магомедов в своей кандидатской диссертации выделяет антропные (греч. *άνθρωπος* «человек») принципы, которые, по его мнению, «направлены на обеспечение конституционных прав граждан в сфере государственной службы», и институциональные принципы, определяющие основные направления организации и деятельности государственной службы как социально-го института [12, с. 13]. К первым он относит, например, приоритет прав и свобод человека и гражданина, принцип равного доступа к государственной службе. Институциональными принципами являются единство правовых и организационных основ государственной службы, открытость государственной службы и др.

Результаты

Как нам представляется, исходя из этого краткого обзора различных точек зрения, можно сделать вывод, что по своей функциональной роли в правовой системе можно выделить правовые принципы, которые воздействуют непосредственно на систему правовых установлений, проявляясь в совокупности норм-правил поведения (принципы-начала, принципы-закономерности), и принципы, которые применяются управомоченными субъектами (принципы-правила поведения).

Первые можно охарактеризовать как системные правовые принципы, поскольку они являются эмерджентными характеристиками системы правовых норм, составляющих тот или иной правовой институт, отрасль или систему права в целом. Применительно к институту муниципальной службы к таким принципам можно отнести: единство основных требований к муниципальной службе, а также учет исторических и иных местных традиций при прохождении муниципальной службы, равный доступ к муниципальной службе, внепартийность муниципальной службы и т.п.

Инструментальные принципы выступают критериями надлежащего применения правовых норм-правил поведения, своего рода поведенческими императивами. В качестве таких принципов законодательством закрепляются: приоритет прав и свобод человека и гражданина, профессионализм и компетентность муниципальных служащих, доступность информации о деятельности муниципальных служащих.

Список литературы

1. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. 432 с.
2. Алебастрова И. А. Конституционные принципы : проблемы юридической природы и эффективности реализации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 7. С. 15–19.
3. Еришов В. В. Правовая природа принципов российского права : теоретические и практические аспекты // Российский судья. 2009. № 5. С. 9–14.
4. Dworkin R. Taking Rights Seriously. Cambridge, 1977. 245 p.
5. Демин А. В. Бинарный подход против относительной нормативности : к дискуссии о «мягком праве» // Закон. 2014. № 6. С. 96–105.
6. Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999. 376 с.
7. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. 320 с.
8. Карташов В. Н. Принципы права : понятие, структуры, функции // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Вып. 10: Принципы права / под ред. В. Н. Карташова, Л. Л. Кругликова, В. В. Бутнева. Ярославль, 2006. С. 3–33.
9. Умнова (Конюхова) И. А., Алешкова И. А. Применение Конституции Российской Федерации судами общей юрисдикции : актуальные вопросы теории и практики. М., 2016. 184 с.
10. Вершинин В. Б. Судебная защита как комплексный институт российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 26 с.
11. Шиенкова А. С. Административно-правовое регулирование правоохранительной службы в органах внутренних дел Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 21 с.
12. Магомедов Ф. Б. Принципы организации и функционирования правоохранительной службы Российской Федерации : административно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 247 с.

Образец для цитирования:

Карев Д. А. Критерии классификации правовых принципов: предметный, нормативный и функциональный подходы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 357–361. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-357-361

Criteria for the Classification of Legal Principles: Substantive, Normative and Functional Approaches

D. A. Karev

Dmitriy A. Karev, ORCID 0000-0001-7440-8146, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, kdmitry07@mail.ru

Introduction. In article various approaches to classification of the principles of the right from positions of constitutional and legal regulation are considered. **Theoretical analysis.** On the basis of the analysis of various points of view the author comes to a conclusion that use of subject, standard and functional criteria to classification of legal principles is possible. The first is the cornerstone of traditional classification of the principles of the right depending on the sphere of their action or distribution. The second represents attempt to differentiate legal principles depending on a source of their standard fixing. The author considers a question of validity of legal principles. The principles of the right in difference from norms – rules of conduct don't assume a binary way of permission of the competition between them in favor of one of them. Possible collisions of legal principles are resolved on the basis of search of balance of various imperatives. **Results.** On the basis of stated in article differentiation of the principles of the right by function – system and tool is offered. The first are emergent characteristics of legal institutes, branches of the right and the system of the right in general (depending on their level) and make impact mainly on the system of the corresponding precepts of law (principle beginning). The second function in legal system as direct criteria of law-enforcement activity and act as determinants of such activity (the principles – rules of conduct).

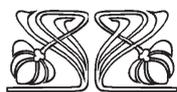
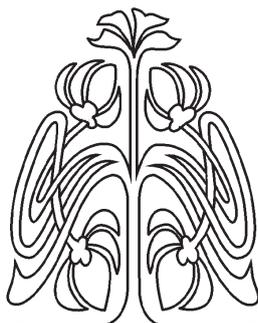
Key words: principle of law, classification of legal principles, system principles, emergence characteristic, tool principles.

References

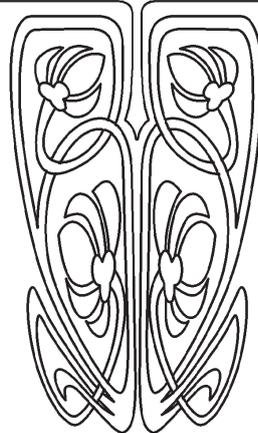
1. Vitruk N. V. *Obschaya teoriya iuridicheskoi otvetstvennosti* [General theory of legal liability]. Moscow, 2009. 432 p. (in Russian).
2. Alebastrova I. A. Constitutional principles: problems of legal nature and efficiency of implementation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2007, no. 7, pp. 15–19 (in Russian).
3. Ershov V. V. Legal nature of the principles of Russian law: theoretical and practical aspects. *Rossiiskiy sud'ia* [Russian judge], 2009, no. 5, pp. 9–14 (in Russian).
4. Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. Cambridge, 1977. 245 p.
5. Demin A. V. Binary approach against relative normativity: a discussion on “soft law”. *Zakon* [Law], 2014, no. 6, pp. 96–105 (in Russian).
6. Barak A. *Sudeiskoe usmotrenie* [Judicial discretion]. Moscow, 1999. 376 p. (in Russian).
7. Cherdancev A. F. *Logiko-iazykovye fenomeny v iurisprudentsii* [Logical and linguistic phenomena in jurisprudence]. Moscow, 2012. 320 p. (in Russian).
8. Kartashov V. N. Principles of law : notion, structure, functions. *Yuridicheskie zapiski Yaroslavskego gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Vyp. 10. Principy prava* [Legal notes of the Yaroslavl State University of name P. G. Demidov. Iss. 10. Principles of law. Ed. by V. N. Kartashov, L. L. Kruglikov, V. V. Butnev. Yaroslavl, 2006, pp. 3–33 (in Russian).
9. Umnova (Konyuhova) I. A., Aleshkova I. A. *Primenenie Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii sudami obschei yurisdiksii: aktual'nye voprosy teorii i praktiki* [Application of the Constitution of the Russian Federation by courts of General jurisdiction: topical issues of theory and practice]. Moscow, 2016. 184 p. (in Russian).
10. Vershinin V. B. *Sudebnaia zaschita kak kompleksnyi institut rossiiskogo prava* [Judicial protection as complex Institute of the Russian law]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Saratov, 2011. 26 p. (in Russian).
11. Shienkova A. S. *Administrativno-pravovoe regulirovanie pravookhranitel'noi sluzhby v organakh vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii* [Administrative legal regulation of law enforcement service in bodies of internal Affairs of the Russian Federation]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2007. 21 p. (in Russian).
12. Magomedov F. B. *Printsipy organizatsii i funktsionirovaniya pravookhranitel'noi sluzhby Rossiiskoi Federatsii: administrativno-pravovoe issledovanie* [Principles of organization and functioning of the law enforcement service of the Russian Federation: is administrative-legal research]. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Saratov, 2013. 247 p. (in Russian).

Cite this article as:

Karev D. A. Criteria for the Classification of Legal Principles: Substantive, Normative and Functional Approaches. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 357–361 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-357-361

ПОДПИСКА

Подписка на I полугодие 2019 года

Индекс издания в объединенном каталоге
«Пресса России» 36012, раздел 30
«Научно-технические издания.
Известия РАН. Известия вузов»

Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Оформить подписку онлайн можно
в интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru)

Адрес издательства:

410012, Саратов, Астраханская, 83;
Тел.: +7 (845-2) 51-45-49, 52-26-89
Факс: +7 (845-2) 27-85-29
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,
СГУ имени Н. Г. Чернышевского,
экономический факультет
Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-38
E-mail: sgu-eup@rambler.ru
Website: <http://eup.sgu.ru>